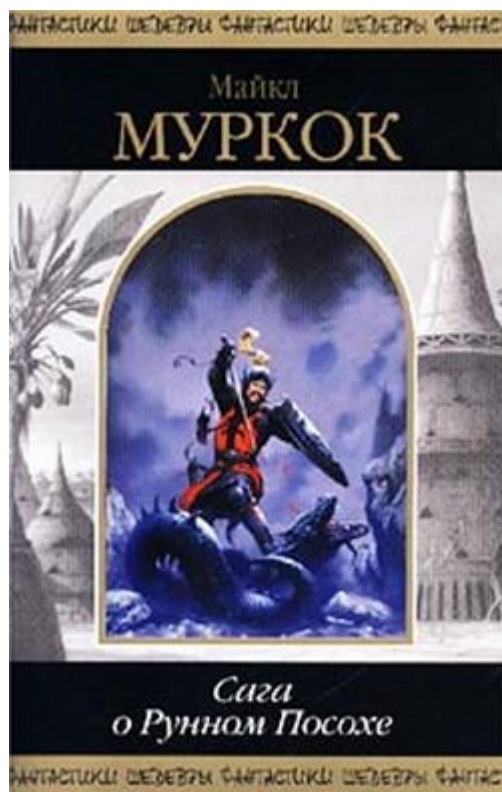

Майкл Муркок Драгоценность в черепе

Хроники Дориана Хоукмуна. История Рунного Посоха – 1

Человек, который осмелится поклясться Рунным Посохом, тем самым неминуемо изменит свою собственную судьбу, равно как и судьбу своего мира. За всю историю Рунного Посоха таких клятв было немало, однако ни одна из них не принесла столько горя и бедствий, как страшная клятва мщеница барона Мелиадуса Кройденского. Именно тогда Дориан Хоукмун, герцог Кельнский, оказался, втянут в опасное противостояние между силами Порядка и Хаоса, потерял любимую женщину, наследие предков, свободу.

Но в Мультивселенной Майкла Муркока, потерпев поражение в одном из миров, Вечный Герой способен победить в параллельном измерении, вернуть утраченное, обрести надежду.

Небо внезапно потемнело, грозя дождем, но последний бледный солнечный луч пробился сквозь тучи и упал на доспехи графа, вспыхнувшие ослепительным пламенем. На поясе у него красовался широкий боевой меч, медный шлем украшал гордую голову, а медные латы защищали тело. Латные перчатки так же, как и сапоги, были из меди, точнее, из тонких медных колечек, нашитых на замшу. Граф был высок ростом, широкоплеч и хорош собой. На застывшем, точно отлитом из меди загорелом лице сверкали медово-карие глаза. Густые пышные усы, рыжие, как и волосы, довершали картину. В Камарге, да и за его пределами, многие верили, будто граф вовсе и не человек, а ожившая медная статуя – бессмертный и непобедимый колосс.

И лишь близким было ведомо, что это совсем не так. Граф был человеком во всем – преданный друг для одних и беспощадный враг для других, отважный воин и отменный наездник, мудрый философ и искусный любовник. Воистину, граф, наделенный к тому же красивым, звучным голосом и неистощимой энергией, не мог не сделаться истинным героем – ибо каков человек, таковы и его деяния.

Потрепав скакуна между острыми, закрученными рогами, граф Брасс устремил взор на юг – туда, где бескрайние болота сходились с небом. Конь его зафыркал от удовольствия, и граф с улыбкой откинулся в седле. Наконец он чуть тронул поводья и двинулся вниз с холма, по тайной тропинке, что, петляя по болотам, вела к видневшимся вдалеке северным сторожевым башням.

Он подъехал к первой башне, когда уже начали сгущаться сумерки, и сразу заметил силуэт стража, четко вырисовывавшийся на фоне вечернего неба. Дозорные были необходимы, ибо хотя при графе Брассе Камарг не воевал, однако близ границ рыскали банды мародеров, оставшиеся после сражений с Империей Мрака.

Оснащение башен не отличалось разнообразием. Стражи были вооружены огнеметами и длинными мечами; имелись также прирученные ездовые фламинго и гелиографы для передачи срочных известий. Кроме того, в каждой башне граф установил созданное лично им оружие, которого пока никто не видел в работе. Граф считал, что оно более эффективно, чем все вооружение Гранбритании, и тем не менее стражники относились к загадочным устройствам с изрядной долей недоверия.

Завидев графа Брасса, воин в черном стальном шлеме обернулся к нему и расправил тяжелый кожаный плащ, накиннутый поверх доспехов. Он приветственно вскинул руку. Граф ответил тем же.

– Все спокойно?

– Как будто бы да, милорд.

И тут хлынул дождь. Стражник, перехватив огнемет, поспешил поднять капюшон.

– Если не считать погоды... Граф засмеялся:

– Погоди жаловаться, пока не задует мистраль. Он направил лошадь к следующей башне.

Свирепый ледяной мистраль был бичом Камарга, он дул по несколько месяцев кряду, до самой весны. Однако граф любил быструю скачку, когда обжигающий ветер свистит в лицо, так что непогода его не страшила. Но дождь – другое дело. Ливень уже вовсю хлестал по медным доспехам, и граф Брасс, вытащив из седельной сумки плащ, накинул его и поднял капюшон. Осока клонилась к земле под напором дождя, тяжелые капли барабанили по лужам, и мелкая рябь бежала по воде.

Похоже, ливень зарядил надолго, того и гляди, поднимется буря, и граф решил прервать прогулку. Пора было возвращаться в замок, а до него было еще добрых четыре часа езды.

Развернув скакуна, граф решил положить на чутье животного и предоставил тому выбирать дорогу. Ливень хлестал все сильнее, и всадник уже промок до нитки. Сумрак сгустился, вокруг не было видно ни зги, лишь серебристые струи дождя пронзали завесу кромешной тьмы. Конь ступал медленно, хотя и шел без остановок, но от мокрой шкуры поднимался сильный запах пота, и граф с раздражением сказал себе, что, добравшись до

замка, велит конюхам как можно лучше вычистить животное.

Смахнув дождевые капли с гривы лошади, граф изо всех сил вглядывался во тьму, отчаянно стараясь хоть что-то разглядеть вокруг, однако взору являлись лишь черные стены осоки, с обеих сторон сжимавшие тропу. Время от времени где-то невдалеке принималась заполошно крикать дикая утка, спасаясь от выдры или болотной лисицы, или квохтать куропатка, павшая добычей ночной совы. В тенях, мелькавших над головой, Брасс угадывал огромных фламинго, а один раз ему почудилось, будто он видит вдалеке стадо белых быков, спасавшихся бегством от болотного медведя. Но эти привычные тени ничуть не встревожили всадника.

Не заставил графа насторожиться и топот мчащихся коней, и их испуганное ржание. Забеспокоился он лишь тогда, когда его собственный скакун внезапно остановился и принялся беспокойно топтаться на месте. Табун несяся прямо на них. Взору графа предстал вожак, летевший впереди всех, с полными ужаса глазами и раздувающимися ноздрями.

В отчаянной попытке заставить его свернуть, граф закричал и замахал руками, но тщетно... Брассу ничего не оставалось, как свернуть в болото. Он надеялся, что почва выдержит их, хотя бы на то время, пока пройдет табун, однако его конь заметался в тростниках, пытаясь отыскать опору, и внезапно погрузился в болотную жижу. Лошадь тут же поплыла, отважно унося седока от опасности.

Мимо с оглушительным топотом промчался табун, и столь поразительное поведение животных повергло графа в изумление: напугать камаргских рогатых лошадей не так-то просто. И лишь когда он направил коня обратно к тропинке, до него донесся звук, который все объяснил ему и заставил схватиться за оружие.

Он узнал голос бормотуна, демона болот.

Бормотуны были творением прежнего Хранителя Камарга и внушали ужас всем его обитателям. Воинам графа Брасса удалось почти полностью разделаться с этой нечистью, но немногие уцелевшие стали куда осторожнее и теперь выходили на охоту лишь по ночам, старательно избегая охотников.

Эти твари вышли из тайных лабораторий бывшего Хранителя – обычных людей тот ухитрился превратить в чудовищ восьми футов ростом, с желтоватой кожей и широченными плечами. По болотам они передвигались обычно на четвереньках, а на задние лапы поднимались, лишь чтобы напасть на добычу и разодрать ее твердыми, как сталь, когтями.

Бормотуна граф увидел, едва лишь выбрался обратно на тропу, и тут же закашлялся, ощутив исходившее от твари зловоние.

Бормотун застыл на месте.

Спешившись, граф Брасс обнажил клинок и осторожно двинулся навстречу чудовищу.

Встав на дыбы, тварь принялась с рычанием рыть землю когтями, стараясь напугать противника, но бывалого воина этим не остановить, в своей жизни он видывал и похуже. И все-таки сила была не на его стороне: чудовище отменно видело в темноте, да и в болотах чувствовало себя как дома. Граф мог надеяться лишь на ловкость и удачу.

– Ну что, вонючка, – с вызовом воскликнул он. – Перед тобой граф Брасс, твой заклятый враг. Это я извел все ваше проклятое семя, я прикончил всех твоих сородичей! Скучаешь по ним? Так не пора ли и тебе отправиться вслед за ними?

С истошным воплем бормотун подобрался, словно готовясь к прыжку... однако не двинулся с места. Граф рассмеялся:

– Что молчишь, трусливая тварь?

Чудовище открыло пасть и замычало нечто нечленораздельное, шлепая жирными бесформенными губами.

С нарочитым презрением граф вонзил меч в землю и оперся на рукоять.

– А может, тебе просто стыдно? Раскаиваешься, что напугал беззащитных животных? Если так, то я готов пощадить тебя. Ступай прочь – и проживешь еще немного. Останешься – пеняй на себя.

И такая уверенность звучала в его голосе, что бормотун вновь припал к земле. И все же

тварь не думала отступать. Словно потеряв терпение, граф вскинул меч и решительно двинулся вперед, но тяжкое зловоние ударило ему в ноздри, и он раздраженно махнул рукой:

– Убирайся в болотную грязь, там твое место! Сегодня я великодушен.

Однако тварь по-прежнему не шевелилась, и граф понял, что пришла пора решительных действий.

– Что ж, ты сам выбрал свою участь!

Чудовище приподнялось на задних лапах, но граф опередил его. Массивный клинок взлетел ввысь – и рухнул на шею бормотуна.

Испустив полный ненависти вопль, тварь ударила обеими лапами. С отвратительным металлическим скрежетом мощные когти прошли по доспехам графа, оставляя глубокие отметины. Воин с трудом удержался на ногах. Прямо перед его лицом чудовище судорожно глотало воздух, черные глаза горели бешеным огнем. Отпрянув на шаг, граф высвободил меч и нанес еще один удар, вложив в него всю свою силу.

Из раны черной струей хлынула кровь, раздался еще один звериный вопль. Бормотун обхватил голову лапами, словно пытаясь удержать ее на месте, но монстра уже ничто не могло спасти. Поверженный, он рухнул на землю.

Несколько минут граф стоял неподвижно, с выражением мрачного удовлетворения созерцая убитую тварь. Тяжело дыша, он тщательно вытер кровь с лица и пригладил пышные усы. Похоже, за эти годы он ничуть не утратил былой сноровки и воинского мастерства. Он не видел ничего недостойного в том, что одолел противника обманом, ведь если бы они сошлись в честном бою, то исход мог быть совсем иным, и его собственный обезглавленный труп остывал бы сейчас в болотной грязи.

Полной грудью вдохнув морозный ночной воздух, граф приблизился к мертвому чудовищу, чтобы столкнуть его с тропы, и вскоре трясина с жадным чавканьем поглотила огромную зловонную тушу.

Проводив монстра взглядом, граф вскочил в седло и без всяких происшествий добрался до замка.

ГЛАВА 2. НОБЛИО И ИССЕЛЬДА

Граф Брасс был одним из самых знаменитых воинов своего времени, и редкое сражение в те годы обходилось без его участия. Добрая половина европейских владык была обязана ему своей короной, он с равной легкостью возводил королей на трон и свергал их. Самые влиятельные политики прислушивались к его словам, считая графа непревзойденным дипломатом и мастером интриги. Зачастую граф Брасс выступал как обычный наемник, но при этом им владела великая идея: привести к единству всю Европу и добиться мира на континенте. Именно поэтому он поддерживал любого из власть предержащих, кто стремился к той же цели. Ему не раз предлагали власть в самых разных странах, но он всегда отвечал отказом, прекрасно сознавая, как много сил должно уйти на укрепление державы, потерять которую он сможет в одночасье. Куда разумнее будет, полагал он, потихоньку направлять ход истории в нужное русло, действуя то здесь, то там и не завися ни от кого.

И все же нескончаемые войны и интриги со временем стали казаться графу утомительными, и даже собственные идеалы уже вдохновляли не так, как прежде. Вот почему он все же принял предложение камаргцев стать Хранителем этой древней страны болот и озер, что раскинулась на побережье Срединного моря.

Некогда Камарг был частью государства, именуемого Францией, но держава эта давно уже распалась на дюжину враждующих княжеств с громкими названиями. Однако Камарг чем-то привлек графа – то ли своим высоким выпуклым небом, то ли наследием давних времен, то ли сохранившимися древними обычаями. Граф Брасс решил, что страна эта достойна того, чтобы он сделал ее мирной и процветающей.

Наемник, исколесивший всю Европу, он многое узнал и многому научился в своих походах, и именно поэтому в недрах суровых сторожевых башен ныне тайлось оружие куда

более мощное, нежели простые огнеметы или мечи стражников.

С юга побережье Камарга сильно заболочено, и потому, даже когда торговые корабли порой заходят в его маленькие бухты, с них редко кто отваживается сойти на берег. Природа Камарга сурова: сплошные безлюдные пустоши, непроходимые болота да горные хребты, с трех сторон обступившие страну. Если путешественникам нужно попасть вглубь материка, они обычно продолжают путь на восток и там уже поднимаются вверх по реке Роне, так что вести из внешнего мира редко и с большим опозданием доходят до камаргцев.

И это тоже сыграло свою роль в намерении графа поселиться здесь. После бесконечных интриг и военных походов он от души наслаждался покоем и уединением, и даже самые необычайные новости не могли вызвать трепета в его душе. В молодые годы граф командовал целыми армиями в постоянно сотрясавших Европу войнах. Однако со временем кочевая жизнь утомила его, и он не желал более возвращаться к ней, что бы ни сулили ему взамен.

К западу от Камарга лежала островная империя Гранбретания – с ее полубезумной наукой и жадой завоеваний – единственная страна Европы, не раздираемая междоусобицами. Выстроив из серебра огромный мост, соединивший острова и материк, империя стремилась расширить свои владения с помощью черной магии и военных машин, таких, как медные орнитоптеры, которые могли пролетать более ста миль без остановки. Но даже эти притязания Империи Мрака не слишком беспокоили графа Брасса. Законы истории непреложны, и он твердо верил, что в конечном итоге любая сила, сколь бы ни была она бессмысленна и жестока, должна послужить на объединение непрестанно воюющих друг с другом европейских государств.

Огромный жизненный опыт лежал в основе этой философии, и граф твердо придерживался ее, тем более, что Камарг, вверенный его попечению, был достаточно хорошо защищен, чтобы отразить возможное нападение Гранбретании. Не испытывая страха перед империей, граф мог даже с определенной долей восхищения взирать на то, как эта зловещая тень постепенно ширится, накрывая все большую часть Европы.

Под властью Гранбретании лежали уже все страны севера, вплоть до Скандии, и граница проходила по знаменитым городам, таким как Парис, Мунхейм, Вейна, Кракув, Кернинбург (за которым лежала загадочная страна Московия). Очень скоро этот огромный, с каждым днем расширяющийся и ползущий вглубь континента полукруг достигнет пределов Италии, Мадагаскара и Славии. Граф не сомневался, что Империя Мрака распространит свою власть от Норвежского до Средиземного морей, – и только Камарг устоит перед ее натиском. Об этом он готов был позаботиться, с того самого дня, как принял бразды правления Камаргом после гибели прежнего владыки, чернокнижника из Булгарии, которого растерзали его собственные стражники.

Первым делом граф занялся укреплением границ и борьбой с нечистью, порожденной прошлым Хранителем, так что теперь в живых осталась лишь горстка бормотунов, которые бродили по болотам, наводя ужас на жителей отдаленных деревень. Сам граф поселился в величественном замке Эгморт, где и наслаждался простой сельской жизнью, а народ Камарга впервые за много лет вздохнул свободно.

Замок, носивший теперь имя замок Брасс, был возведен несколько веков назад на вершине правильной четырехгранной ступенчатой пирамиды, возвышающейся над городом. Ярусы пирамиды засыпали землей, а на террасах разбили пышные сады. На ухоженных лужайках резвились дети и прогуливались взрослые. Здесь также рос виноград, из которого давили лучшее в Камарге вино, а дальше, вниз по склону, расположились огороды, засаженные фасолью, картофелем, цветной капустой, морковью и салатом. Так что фрукты и овощи не переводились в замке почти круглый год.

Подобно всем прочим городским строениям, замок был возведен из белоснежного камня. Все его окна были украшены витражами, над зубчатыми стенами высились причудливой формы башенки. С крыши самой высокой из них открывалась великолепная панорама Камарга. А когда налетал мистраль и проносился сквозь сложную систему труб и

отдушин, то замок словно начинал петь, и эта музыка, подобная звучанию органа, разносилась ветром на многие мили.

Замок возвышался над красными крышами городских домов и над ареной, построенной, как говорили, много тысяч лет назад, еще при римлянах, для проведения празднеств и состязаний...

Наконец на измученном скакуне граф добрался до замка и кликнул стражу. Дождь почти прекратился, но в такую стылую ночь граф больше всего мечтал согреться у горящего камина. Въехав во двор через огромные железные ворота, он спешил и бросил конюху поводья, а затем тяжело поднялся по ступенькам, вошел в дом и, миновав короткий коридор, оказался в парадном зале замка.

Огонь весело потрескивал в очаге за каминной решеткой, а рядом в глубоких мягких креслах сидели дочь графа Иссельда и его старый друг Ноблио. Завидев графа, оба поднялись ему навстречу, и Иссельда, привстав на цыпочки, поцеловала отца в щеку. Ноблио широко улыбнулся.

– Готов поспорить, ты сейчас не прочь наконец скинуть доспехи и поесть горячего, – с этими словами он дернул за шнурок колокольчика.

Граф кивнул с благодарностью, подошел поближе к огню и, стащив с головы шлем, положил его на каминную полку. Иссельда уже стояла перед отцом на коленях, снимая с него поножи. Это была прелестная девятнадцатилетняя девушка, с нежной золотисто-розовой кожей и пышными белокурыми волосами. Алое платье делало ее похожей на огненную фею.

Подоспевший слуга помог графу снять латы и облачиться в свободные домашние брюки и белую шерстяную рубаху.

Другие слуги поднесли поближе к камину накрытый столик с сытным ужином: здесь были картофель, бифштексы, салаты, отменный густой соус, а также кувшин с подогретым вином. Граф с наслаждением принялся за еду, а Ноблио с Иссельдой терпеливо дожидались окончания трапезы.

– Ну что, милорд, – улыбнулась девушка отцу. – Как прошел день? Все ли спокойно на нашей земле?

– Кажется, да, миледи, хотя мне не удалось объехать все сторожевые башни. Начался дождь, и я решил вернуться домой.

Он описал им свою победу над бормотуном, и от восхищения Иссельда широко распахнула глаза. Ноблио, однако, лишь покачал головой: знаменитый поэт и мудрец не всегда одобрял своего друга, ибо порой ему казалось, что тот неразумно спешит навстречу опасности.

– Кстати, если помнишь, – сказал Ноблио, когда граф закончил рассказ, – я говорил тебе утром, чтобы ты взял с собой фон Виллах или еще кого-нибудь.

Фон Виллах был начальником охраны замка, верный старый солдат, побывавший с графом во многих сражениях. Заметив осуждение на лице друга, граф Брасс рассмеялся:

– Фон Виллах? Он уже немолод, зачем же вытаскивать старика из замка в такую погоду!

Ноблио печально улыбнулся в ответ:

– А ведь он на целых два года моложе тебя.

– Может, и так, но разве под силу ему совладать с бормотуном?

– Не в этом дело, – возразил философ, которого нелегко было сбить с толку. – Будь ты не один, встречи с бормотуном вообще могло бы не произойти.

Граф махнул рукой, дабы прекратить спор.

– Я должен держать себя в форме, а не то стану дряхлым, как фон Виллах.

– Но ведь ты в ответе за весь наш народ, отец, – вполголоса произнесла Иссельда. – А вдруг тебя убьют...

– Не убьют!

На губах графа мелькнула презрительная усмешка, словно смерть была чем-то чуждым,

что не имело к нему ни малейшего отношения. Озаренное отблесками пламени, его лицо казалось сейчас медной маской божества какого-нибудь варварского племени – и он больше походил на небожителя, чем на обычного человека.

Иссельда пожала плечами. Они с отцом во многом были схожи, и она лучше, чем кто бы то ни было, понимала, что спорить с такими людьми, как граф Брасс, совершенно бессмысленно. В одной из своих поэм Ноблио так и обратился к ней: «О ты, в ком сила и неги шелка...» – и сейчас, с любовью наблюдая за дочерью и отцом, он отмечал их поразительное духовное родство.

– Я узнал сегодня, что Гранбретания захватила герцогство Кельн, – сменил Ноблио тему разговора. – Похоже, ее власть распространяется, как чума.

– Пусть чума, но довольно полезная, – отрезал граф. – По крайней мере, она несет миру порядок.

– Политический, возможно, – с горячностью возразил Ноблио, – но едва ли духовный или нравственный. Их жестокость безмерна, а безумие перешло все границы. У этих людей отравлены души, они стремятся ко злу и ненавидят добро.

Граф разгладил усы.

– Такое случалось и прежде. Вспомните хоть того же болгарского колдуна, что был Хранителем Камарга.

– Да, но болгарец был сам по себе. Подобно маркизу Пешту или Рольдару Николаефу. Они – исключение, и рано или поздно таких всегда настигает гибель. Но Империя Мрака – это целая нация вырожденцев, и творить зло для них столь же естественно, как дышать. Говорят, в Кельне гранбретанцы забавлялись тем, что насиловали маленьких девочек, оскотачивали юношей и заставляли людей, чтобы спасти свою жизнь, совокупляться прямо на улицах. Это противоестественно, граф. Похоже, они задали целью втоптать в грязь человечество.

– Все эти рассказы, как правило, сильно приукрашены, мой друг. Тебе первому следовало бы это знать. Меня и самого некогда обвиняли в...

– Я думаю, – прервал его Ноблио, – что подобные истории не приукрашивают истину, а лишь скрывают ее. Если деяния гранбретанцев так отвратительны, то каковы же их тайные пороки?

– Страшно даже помыслить... – с дрожью в голосе поддержала его Иссельда.

– Да, – повернувшись к ней, продолжал Ноблио. – Мало у кого хватит духу поведать обо всем, что довелось увидеть и пережить. Империя несет Европе лишь видимость порядка. На самом деле это хаос, калечащий людские души.

Граф пожал плечами.

– Что бы они там ни делали, все это преходяще. Порядок требует жертв. Помани мои слова.

– Но цена слишком высока, граф.

– Высока для кого? Что мы видим повсюду? Европа распадается на мелкие княжества, всюду бесконечные войны... Мало кому удастся прожить жизнь, ни разу не обнажив клинок. И эти бесконечные перемены... По крайней мере, Гранбретания несет с собой постоянство.

– Она несет страх, мой друг. Я никак не могу с тобой согласиться.

Налив себе вина, граф выпил и, зевнув, заявил:

– Ты слишком трагически смотришь на вещи, Ноблио. Если бы тебе довелось пережить столько же, сколько и мне, ты бы понял, сколь быстротечно любое зло: оно либо рушится само, либо его уничтожают другие. Не пройдет и ста лет, как гранбретанцы станут самым обычным, мирным народом.

С этими словами граф подмигнул дочери, но она, видимо, в душе соглашаясь с Ноблио, не улыбнулась в ответ.

– Эти дикари слишком порочны, чтобы время могло их исправить, даже через века. Посмотри хотя бы, как они выглядят! Носят отвратительные звериные маски, какие-то странные одеяния, которые не снимают даже в жару... и потом – эти их жесты, походка... Все в них заряжено безумием, и это безумие заразно. – Ноблио покачал головой. – А мы

своей пассивностью только подстегиваем их. Нам бы следовало...

– Сейчас нам следует пойти спать, друг мой. Не забудь, завтра – первый день празднества.

Устав спорить, граф кивнул Ноблио и поднялся с места, а затем, нежно поцеловав дочь, покинул зал.

ГЛАВА 3. БАРОН МЕЛИАДУС

Окончание сбора урожая отмечается в Камарге большим народным гуляньями. Дома украшают цветами, люди достают из сундуков праздничные одеяния, по улицам водят молодых бычков, торжественно марширует гвардия. А ровно в полдень на городской окраине в древнем амфитеатре устраивают корриду.

По всему амфитеатру тянутся каменные скамьи, на которых на специальных подушечках рассаживаются зрители. С южной стороны находится небольшая ложа с красной черепичной крышей и двумя колоннами, украшенными искусной резьбой. Багряные занавеси закрывают ложу с двух сторон. Это место графа Брасса, его дочери Иссельды, Ноблио и старого фон Виллаха.

Отсюда открывается прекрасный вид на арену. Слышны взволнованные разговоры зрителей и нетерпеливое фыркание быков в загонах.

Но вот уже шестеро стражей в шлемах с перьями и небесно-голубых накидках протрубили в фанфары. Рев бронзовых труб перекрыл хрип быков и гомон веселящейся толпы. Поднявшись с места, граф Брасс шагнул вперед.

Завидев его, толпа принялась аплодировать, и граф улыбнулся, приветственно вскинув руку. Когда же наконец наступила тишина, он произнес положенные слова:

– Возлюбленные жители Камарга! Сама судьба хранит вас от бедствий Тысячелетия Ужаса. Вам была дарована счастливая жизнь, и сегодняшний праздник лучшее тому подтверждение. Предки ваши, благодаря мистрально, очистившему воздух, были спасены от губельного яда, принесшего другим народам вырождение и гибель, и потому сегодняшний наш праздник посвящен ветру жизни.

Толпа вновь взорвалась восторженными криками и аплодисментами, затрубили фанфары, затем на арену ворвались двенадцать огромных белых быков с горящими красными глазами. Они принялись метаться по кругу, раздувая ноздри, и рога их блестели на солнце... Этих быков к нынешнему празднеству готовили целый год, и сегодня против каждого из них выйдет безоружный человек, который попытается сорвать у свирепого зверя пестрые ленты, что повязаны у того на рогах и на шее.

Наконец всадники, приветствуя зрителей, выехали на арену и принялись теснить быков в стойла. Едва лишь животные вернулись на место, как на арену выехал распорядитель праздника с золотистым рупором в руках. На нем был пестрый плащ всех цветов радуги и синяя широкополая шляпа. Голос его, усиленный рупором и отражавшийся от стен амфитеатра, походил на рев рассвирепевшего быка. Торжественным тоном он объявил имя первого животного: им стал Краснорог из Эгморта, принадлежавший известному скотоводу Понсу Ячару, затем провозгласили и имя тореадора, Мэтана Джаста Арлийского. Как только распорядитель покинул арену, из-под трибун вылетел Краснорог. Его огромные сверкающие рога были украшены багряными лентами.

Зрители принялись бросать цветы на арену, стараясь задеть широкую белую спину Краснорога. Огромный бык, рост которого был не менее пяти футов, вздымая клубы пыли, резко развернулся.

И в этот миг, совершенно незаметно, у края арены показался человек в черном: на нем были черный, расшитый алыми шнурами плащ, черный с золотом камзол, черные брюки и высокие сапоги. Это был Мэтан Джаст. Молодое смуглое лицо его было серьезным и настороженным. Сняв широкополую шляпу, он отвесил поклон зрителям, затем повернулся к Краснорогу. Тореадору лишь недавно исполнилось двадцать, однако он уже успел прекрасно

проявить себя на предыдущих трех состязаниях. Женщины принялись бросать ему цветы, а Джаст, скинув плащ, начал размахивать им у Краснорога перед носом, одновременно галантно приветствуя своих поклонниц и посылая им воздушные поцелуи. Сделав несколько шагов ему навстречу, бык нагнул голову, выставив вперед рога, а потом ринулся на тореро.

Вовремя отскочив в сторону, Мэтан Джаст ловко сорвал с рогов быка первую алую ленту, и толпа разразилась аплодисментами. Бык, стремительно развернувшись, вновь бросился вперед, и снова Джаст в самый последний миг сумел увернуться от удара и сдернуть ленту. Зажав трофей в зубах, он поприветствовал сперва быка, а потом и зрителей.

Обычно первые две ленты достать было несложно, поскольку их повязывали высоко на рогах животного, так что Джаст добился своего почти играючи. Но вот чтобы сорвать нижние ленты, ему придется проявить куда большую ловкость и умение.

Граф Брасс наблюдал за тореадором, не скрывая восхищения, чем вызвал улыбку дочери.

– Взгляни, как он прекрасен, отец. Он движется, словно танцует.

– Да, настоящий танец со смертью, – с серьезным видом отозвался Ноблио.

Лишь старый фон Виллах словно бы совершенно не интересовался происходящим и смотрел куда-то вдаль, откинувшись на спинку кресла. Впрочем, возможно, он попросту был подслеповат, но не желал в этом признаться.

Тем временем бык вновь устремился на тореадора, но Мэтан Джаст уже ждал его, метя пыль полами плаща. И когда бык оказался совсем рядом, Джаст совершил высокий прыжок, перевернулся в воздухе прямо через Краснорога, едва не коснувшись его головы. Бык замер в замешательстве, упершись копытами в землю, а затем развернулся прямо к смеющемуся человеку.

Мэтан, однако не стал дожидаться, пока бык вновь устремится к нему, и стремглав вскочил ему на спину. Животное сумело сбросить тореадора, зато Джаст сорвал с рогов две последние ленты и, вскочив на ноги, устремился прочь, размахивая лентами, зажатými в кулак.

Толпа оглушительно взревела. Зрители в восторге хлопали в ладоши, кричали, голосили, засыпали арену пестрыми яркими цветами.

Однако бык и не думал прекращать игру, он по-прежнему преследовал человека. Джаст наконец остановился и, словно не зная, что делать дальше, обернулся. Когда же он увидел быка прямо перед собой, на лице его отразилось крайнее изумление. Он вновь подпрыгнул, но на сей раз зацепился плащом за бычий рог, и это заставило Джаста потерять равновесие. Он все же сумел спрыгнуть на землю, ухватившись за шею Краснорога, однако упал так неудачно, что не смог вовремя подняться на ноги.

Опустив голову, бык рогом пырнул лежащего человека, и под солнечными лучами засверкали капли крови, а толпа в один голос сдавленно ахнула от возбуждения и жалости. Иссельда схватила графа за руку:

– Отец, сделай же что-нибудь, он его убьет!

Граф невольно подался вперед, но все же покачал головой:

– Я не могу вмешаться. Тореадор знал, чем рискует.

В этот миг, поддев Джаста на рога, бык подбросил его в воздух. Руки и ноги человека бессильно мотались, словно у тряпичной куклы. На арену выехали всадники с длинными пиками, чтобы попытаться отогнать быка от несчастной жертвы, однако Краснорог не желал двигаться с места и застыл над распростертым телом, точно дикая кошка над добычей.

Граф Брасс, сам толком не сознавая, что делает, перепрыгнул через ограждения ложи и устремился вперед в своих тяжелых медных доспехах, так что зрителям показалось на миг, будто на арену выбежала ожившая медная статуя.

Всадники расступились, пропуская графа, и Брасс, вцепившись могучими руками в бычий рог, принялся оттаскивать животное назад. Жилы вздулись у него на лбу от напряжения.

Бык мотнул головой, и граф утратил опору под ногами. Мертвая тишина повисла над

ареной. Иссельда, Ноблио и фон Виллах, побледнев, вскочили с места. Все замерли, и лишь в центре арены продолжался безмолвный поединок человека и животного.

У Краснорога подкосились ноги, с отчаянным хрипом он пытался вырваться из рук графа, но тот не ослаблял хватки. Мышцы на шее у Брасса вздулись и побагровели, казалось, будто волосы и усы его стали дыбом, но вот наконец бык сдался и медленно опустился на колени.

Пикадоры немедленно устремились к раненому Джасту, однако толпа все еще безмолствовала. Могучим рывком граф Брасс повалил Краснорога на бок. Бык лежал тихо, неподвижно, словно безоговорочно признал свое поражение. Граф отпустил его. Красно-рог не шевелился, косясь на человека мутными глазами, в которых застыло изумление. Хвост его бессильно молотил пыль, а огромная грудь тяжело вздымалась.

И лишь тогда толпа взорвалась аплодисментами, и в амфитеатре поднялся такой шум, что, казалось, он должен был достичь самых дальних пределов мира.

Пошатываясь и зажимая рукой кровоточащую рану, Мэтан Джаст приблизился к графу, с благодарностью пожимая ему руку, и люди, повскакав с мест, с восторгом стали приветствовать своего Лорда-Хранителя.

Иссельда рыдала в ложе от гордости и пережитого волнения, и рядом, не стыдясь, утирал слезы Ноблио. Один только фон Виллах оставался спокоен и лишь кивнул, воздавая должное отваге графа Брасса.

Вернувшись к ложе, тот перепрыгнул через заграждение и встал рядом с друзьями. Со счастливым лицом он вскинул руки, приветствуя жителей Камарга. Осознав, что их повелитель требует тишины, толпа, наконец, притихла, и тогда граф обратился к зрителям:

– Вы должны аплодировать не мне, а Мэтану Джасту. Ведь именно он, проявив чудеса ловкости, сорвал ленты с рогов у быка. Взгляните, – он развел руки в стороны и растопырил пальцы, – у меня ничего нет. Он вновь разразился смехом. Так давайте же веселиться!

С этими словами граф уселся на место. Ноблио, слегка успокоившись, наклонился к Брассу.

– Ну что, ты по-прежнему станешь утверждать, что не желаешь вмешиваться в чужие драки?

Граф лишь улыбнулся в ответ:

– Как ты не можешь понять, Ноблио, это совсем другое дело.

– Нет, это то же самое. Разумеется, если ты еще не оставил своих мечтаний о единой мирной Европе, – Ноблио потер подбородок. – Ведь ты еще не забыл об этом?

Граф Брасс на мгновение задумался.

– Может, и так... – Но он тут же тряхнул головой и разразился смехом. – Да ты настоящий хитрец, Ноблио, и тебе по-прежнему удастся загонять меня в ловушку.

Однако позже, когда состязания завершились и они двинулись обратно в замок, на лице графа появилось хмурое выражение.

Едва лишь граф Брасс со свитой въехал во двор замка, к ним поспешил стражник в тяжелых доспехах и указал на богатый экипаж, запряженный четверкой вороных, что стоял посреди двора.

– Мой господин, – выдохнул он. – Пока вы были на празднестве, пожаловали именитые гости, но, честно говоря, я не уверен, пожелаете ли вы их принять.

Пристальным взглядом граф окинул карету. Она была сделана из стали, меди и тусклого чеканного золота, инкрустирована перламутром, ониксом и серебром и имела вид сказочного чудовища, лапы которого оканчивались длинными когтями, сжимающими оси колес, а голова с огромными рубинами, вставленными вместо глаз, служила сиденьем кучеру. На дверцах кареты красовались гербы с изображением геральдических животных, оружия и каких-то загадочных символов. Именно по ним граф и определил, кому принадлежит сей экипаж – творение безумных умельцев Гранбритании – ибо герб этот принадлежал одному из самых могущественных родов Империи Мрака.

– Сам барон Мелиадус из Кройдена, – объявил своим друзьям граф, спрыгивая с седла

на землю. – Любопытно узнать, что понадобилось в нашей глуши столь важной особе?

Несмотря на иронию, в голосе его чувствовалось беспокойство. Он покосился на Ноблио.

– Мой друг, мы будем с ним любезны и учтивы, – предупредил он Ноблио. – Проявим гостеприимство. Нам ни к чему ссориться с гранбретанским лордом.

– Возможно, возможно, – отозвался Ноблио сдержанно, и все видели, каких трудов стоит ему это спокойствие.

Вместе с Ноблио, Иссельдой и фон Виллахом граф Брасс поднялся по лестнице и вошел в зал, где их ожидал барон Мелиадус. Тот оказался почти одного роста с графом. Одежда его была выдержана в черных и темно-синих тонах, и даже усыпанная самоцветами звериная маска, закрывавшая голову, точно шлем, была сделана из какого-то необычного черного металла. Маска являла собой оскаленную волчью личину с острыми, как кинжалы, клыками. В своей черной накидке поверх черных доспехов барон Мелиадус был похож на одного из тех полумифических полужверей-полубогов, которых так почитают люди, живущие на другом берегу Срединного моря. Завидев хозяина, он поспешил снять маску, и все увидели, что лицо у него бледное, с крупными чертами, окаймленное черными усами и бородой. Тускло-голубые глаза и густые иссиня-черные волосы. На первый взгляд барон казался безоружным, возможно, в знак того, что явился сюда с миром. Отвесив низкий поклон, он проговорил мелодичным, не лишенным приятности голосом:

– Привет вам, славный граф, и приношу свои извинения, что нагрязнул к вам столь внезапно. Я выслал вперед гонцов, однако они вас не застали, ибо вы уже успели покинуть замок. Я барон Мелиадус Кройденский, магистр Ордена Волка, главнокомандующий войсками великого короля-императора Хеона.

Граф поклонился в ответ:

– О ваших подвигах я наслышан, барон Мелиадус, и сразу узнал герб на дверях кареты. Добро пожаловать в замок Брасс, почувствуйте себя как дома. Боюсь, правда, что наша пища покажется вам слишком простой и безыскусной по сравнению с тем изобилием, которым, как я слышал, может наслаждаться даже самый последний подданный вашей империи. Однако мы постараемся принять вас как подобает.

Барон Мелиадус ответил ему улыбкой:

– Ваша любезность и гостеприимство, мой милый граф, выше всяких похвал и могли бы сделать честь любому гранбретанцу. Я благодарю вас.

Затем граф представил гостю свою дочь, и потрясенный ее красотой барон поспешил низко поклониться Иссельде и поцеловал ей руку. Любезен он был и с Ноблио, дав понять, что знаком с творениями прославленного поэта. С фон Виллахом барон заговорил о самых героических сражениях, в которых тот принимал участие, и заметно было, что старому вояке это доставило неподдельное удовольствие. И все же в зале, несмотря на изысканность манер и учтивые речи, явственно ощущалось напряжение. Первым, сославшись на неотложные дела, удалился Ноблио, а за ним последовали Иссельда с фон Виллахом, чтобы дать возможность барону поговорить с графом наедине. Мелиадус внимательным взглядом проводил удаляющуюся девушку.

Слуги принесли легкие закуски и вино. Удобно устроившись в тяжелом резном кресле, барон Мелиадус взглянул на графа поверх ободка бокала.

– Милорд, я считаю вас великим человеком, – объявил он наконец. – Это чистая правда. И потому, несомненно, вы понимаете, что мой визит вызван чем-то большим, нежели просто желанием полюбоваться красотами вашей чудесной природы.

Графу пришлось по душе прямота барона, и он улыбнулся:

– Да, я это прекрасно понимаю, хотя, разумеется, для меня большая честь принимать у себя в замке столь прославленного лорда.

– Несомненно, для меня еще большая честь оказаться у вас в гостях, – отозвался на это барон. – Вне всякого сомнения, за всю историю Европы вы величайший из ее героев. Мне даже кажется странным видеть вас вот так, из плоти и крови, ибо многим давно уже кажется,

будто вы созданы из металла.

Он засмеялся, и граф также не смог сдержать улыбки.

– Наверное, это обычное везение, – заметил он. – И судьба была ко мне благосклонна. Однако я не взялся бы судить, насколько подходит мне то время, в которое я родился, и насколько сам я подхожу для этого времени.

– Вероятно, позиция ваша расходится с убеждениями вашего друга господина Ноблио, – заметил барон, – это лишний раз подтверждает все то, что мне доводилось слышать о вашем уме и рассудительности. Мы в Гранбритании гордимся своими познаниями в философии и своей ученостью. Однако вы могли бы стать для всех нас примером.

– Я человек частных дел, – заметил граф. – Вы же обладаете даром охватывать происходящее целиком.

По выражению лица Мелиадуса граф Брасс пытался понять, к чему тот клонит, однако барон хранил спокойствие и оставался неизменно любезен.

– Вот именно частности для нас и интересны, – вымолвил он наконец.

И тогда граф понял, что привело к нему в замок посланника Империи Мрака. Он подлил гостю вина.

– Сама судьба велела нам править Европой, – объявил барон Мелиадус.

– Похоже на то, – кивнул Брасс. – И в целом я могу понять ваши притязания.

– Приятно слышать, граф. У нас множество противников, и зачастую они искажают подлинные цели империи, распространяя по всему свету отвратительную клевету.

– Я не интересуюсь слухами и не пытаюсь отыскать в них зерно истины, – возразил граф. – Я верю, что подлинная ваша цель достаточно благородна.

– Но намерены ли вы препятствовать действиям империи? – покосился барон на Брасса.

– В одном только случае, – улыбнулся тот. – Лишь в одном-единственном. Только если дойдет до Камарга.

– Тогда, полагаю, ради взаимной безопасности нам следовало бы заключить мирный договор.

– Я не вижу в этом необходимости. Мои сторожевые башни – лучшая гарантия безопасности.

Барон с улыбкой опустил голову.

– Так вы приехали именно за этим, барон? Чтобы предложить мне договор о мире?

– Совершенно верно, – кивнул Мелиадус. – В некотором роде союз.

– Барон, я буду воевать против вас, только если вы нападете на мои владения. В противном же случае ни во что не стану вмешиваться, ибо верю, что объединение послужит Европе на благо.

– Однако у этого объединения есть и противники. Граф усмехнулся:

– С трудом могу в это поверить. Разве найдется сейчас кто-то, способный противостоять мощи Гранбритании.

Барон скривился.

– Вы совершенно правы. Победы наши неисчислимы. Однако чем больше земель мы завоевываем, тем сильнее приходится распылять свои резервы. Если бы мы знали Европу так же хорошо, как и вы, граф, то без труда могли бы определить, кто достоин доверия, а кто нет, и тогда уж сосредоточить внимание на самых слабых местах. Так, губернатором Нормандии мы назначили герцога Зимиона. – Барон покосился на графа. – Он мечтал занять трон еще во времена правления его кузена Джевеларда. Могли бы вы оценить разумность нашего выбора, граф? Станет ли он преданным слугой империи?

– Зимион? – Граф Брасс не смог сдержать усмешки. – Когда-то я в пух и прах разбил его под Руэном.

– Знаю. Но какого вы мнения о нем?

Теперь от недавней невозмутимости барона не осталось и следа, и чем больше он нервничал, тем шире улыбался граф, ибо теперь в точности осознал, чего желает от него Империя Мрака.

– Он прекрасный наездник и нравится женщинам.
– Это все пустые слова, – Мелиадус раздраженно отставил бокал с вином.
– Совершенно с вами согласен, – кивнул граф.
– Взглянув на большие настенные часы, что висели над камином, он заметил, что позолоченные стрелки приближаются к одиннадцати. Огромный маятник мерно покачивался, отбрасывая на стену колеблющуюся тень, и наконец часы принялись отбивать удары. С последним граф невозмутимо поднялся с места.

– Здесь, в замке, мы привыкли ложиться рано, – заявил он. – Слуга проводит вас в ваши покои, а свиту мы разместим по соседству.

Барон нахмурился:

– Граф, мы высоко ценим вас как политика, восхищаемся вашей прозорливостью и великолепным знанием ситуации в Европе. Нам хотелось бы прибегнуть к вашей помощи. В обмен мы готовы предложить вам безопасность, власть, богатство.

– Властью и богатством я обладаю и без того. А в безопасности своей не сомневаюсь, – ровным голосом отозвался граф и позвонил в колокольчик. – Прошу извинить меня, барон. Я утомился и хотел бы отдохнуть.

– Я взываю к вашему здравому смыслу, граф. Прошу вас... – Мелиадус пытался сдержать раздражение.

– Надеюсь, вы не откажетесь погостить у нас, барон, и расскажете нам последние новости обо всем, что творится в мире.

Вошел слуга.

– Пожалуйста, покажите нашему гостю его апартаменты, – обратился к нему граф и отвесил поклон барону. – Доброй ночи, барон Мелиадус. Утром буду рад встретиться с вами за завтраком.

Вслед за слугой барон вышел из зала, и Брасс от души расхохотался. Ему приятно было, что столь могущественная империя, как Гранбретания, надеется заполучить его в союзники, однако менее всего сейчас ему хотелось бы ввязываться в политические интриги. Однако и ссориться с Империей Мрака у него не было ни малейшего желания, и потому он надеялся, что сумеет вежливо отклонить предложение барона, к тому же тот пришелся ему по душе. У них, несомненно, было что-то общее.

ГЛАВА 4. ССОРА В ЗАМКЕ

Барон Мелиадус гостил в замке Брасс целую неделю. Он по-прежнему не терял надежды заручиться согласием графа на свое предложение, но тот продолжал уходить от разговора и не давал окончательного ответа. Мелиадус, однако, не терял терпения.

Впрочем, судя по всему, в замке барона удерживали не только государственные соображения. Немало времени и внимания он уделял прелестной Иссельде. Она хоть и ничем не походила на придворных красоток Европы, была чарующе прекрасна и пленительна, и барон не мог остаться к этому равнодушен. Однако отец ее, казалось, ничего не замечал. Однажды утром, когда они с Ноблио любовались виноградниками, прогуливаясь по верхним террасам сада, ученый сказал своему другу:

– Сдается мне, барон Мелиадус строит планы не только в отношении тебя, граф. Держу пари, у него на уме и кое-что еще.

– О чем это ты? – граф повернулся к другу. – Чего еще он может хотеть?

– Твою дочь, – отозвался Ноблио невозмутимо.

– Ну, знаешь ли, – граф засмеялся. – Ты слишком подозрителен. Во всех его действиях видишь лишь скрытое зло и порок. Но барон – аристократ и человек благородный. Кроме того, он слишком нуждается во мне, и потому едва ли позволит себе столь глупый риск. Полагаю, ты несправедлив к барону. Лично мне он по душе.

– В таком случае, друг мой, тебе и впрямь приспела пора вернуться в большую политику, – ответил Ноблио не без насмешки. – Судя по всему, ты совершенно перестал

разбираться в людях.

Граф повел плечами.

– Ноблио, ты хлопчешь, словно старая клуша. Барон очарователен и любезен. Конечно, между нами говоря, он напрасно тратит здесь время, и мне кажется, ему давно пора покинуть Камарг. Но чтобы он проявлял какой-то интерес к моей дочери... Я не замечал ничего подобного. Конечно, ему могло бы прийти в голову жениться на ней, дабы привязать меня к Гранбретании кровными узами, однако Иссельда вряд ли согласится, да и я сам ей не позволю.

– А вдруг твоя дочь влюблена в барона?

– То есть как это влюблена?

– Ну, не станешь же ты спорить, что в Камарге не так много красивых и утонченных кавалеров.

Граф усмехнулся:

– Будь она и впрямь влюблена, так первым делом созналась бы мне в этом. Согласен? Поэтому до тех пор, пока не услышу о чем-то подобном от самой Иссельды, не желаю даже думать об этом.

Для Ноблио оставалось загадкой, почему граф так упорно закрывал глаза на очевидную истину. То ли не желал знать правду о нравах владык Империи Мрака, то ли оставался, как и всякий отец, слеп к тем движениям души родного чада, которые столь очевидны для окружающих. Что касается мнения графа о бароне Мелиадусе, Ноблио никак не мог с этим согласиться, ибо помнил, что перед ними человек, на совести которого резня в Лиге и разграбление Захбрука. Слухи об извращенных пристрастиях барона приводили в ужас людей от Норвежского моря до Туниса. Ученый верно подметил, что граф слишком долго жил вдали от большой политики, наслаждаясь чистым деревенским воздухом, и сейчас не мог почувствовать смрада разложения, даже когда вдыхал его.

В своих беседах с Мелиадусом граф чаще всего проявлял похвальную сдержанность, однако сам гость рассказывал много и охотно. По его словам выходило, что даже в тех странах, которые пока еще не вошли в состав Гранбретании, находятся люди, готовые сотрудничать с Империей Мрака в обмен на обещания будущих благ. Как оказалось, интересы Гранбретании простираются уже далеко за пределы Европы. Даже на другом берегу Срединного моря уже созданы отлично организованные вооруженные отряды, которые, когда придет их час, готовы будут оказать поддержку войскам Империи Мрака. Подобная тактика империи приводила графа Брасса в восторг, и с каждым днем он все больше привязывался к гостю.

– Пройдет еще два десятка лет, – говорил барон Мелиадус, – и вся Европа будет принадлежать нам. Через тридцать лет – весь арабский мир. А через пятьдесят, надеюсь, очередь дойдет и до той загадочной страны, которая именуется Коммуназией.

– Да, это древнее и весьма романтическое наименование, – усмехнулся граф. – Говорят, те земли сохранили поистине сказочное очарование, и именно там, судя по слухам, хранится Рунный Посох.

– Да, я слышал легенду, что он якобы покоится на самой высокой вершине мира, с которой никогда не сходит снег. Там вечно дуют ледяные ветра, а сторожат Посох поросшие шерстью обезьянолюди, необыкновенно сметливые и десяти футов ростом, – барон засмеялся. – Впрочем, я слышал и иные легенды о местонахождении Рунного Посоха. Утверждают даже, что он может храниться и в Амареке.

Граф кивнул:

– Ах да, Амарека... Вы хотите, чтобы и она стала частью империи? Поговаривают, что сами боги правят на том огромном континенте, что лежит по другую сторону океана. Доводилось мне слышать также, что люди, его населяющие, ведут жизнь спокойную и размеренную, совершенно не похожую на нашу. И будто бы их цивилизации не коснулись бесчисленные бедствия Тысячелетия Ужаса.

Впрочем, сам граф не придавал особого значения ни этим слухам, ни тому, что сам

говорил об Амареке. Однако в этот миг он внезапно заметил, что в обычно столь невыразительных глазах барона вспыхнул интерес.

– Ну а почему бы и нет? – объявил Мелиадус. – Я бы пошел на штурм самих врат рая, если бы сумел их отыскать.

Через какое-то время, извинившись, граф оставил барона, и впервые за все это время погрузился в сомнения, ибо теперь он уже не был уверен в правильности своего решения держаться в стороне от схватки.

Дочь графа, хотя и унаследовала ум и проницательность своего отца, все же плохо знала людей, ибо была лишена того богатого опыта, которым владел Брасс, и потому барон, с его мягким мелодичным голосом и мужественной красотой, представлялся ей человеком порядочным и благородным, но вынужденным проявлять жестокость и суровость в силу возложенной на него исторической миссии. И даже в дурной славе барона было что-то привлекательное.

Сейчас, незаметно выскользнув из своих покоев, Иссельда спешила к нему на свидание, уже в третий раз. Они встречались в западной башне замка, которая пустовала со времен прежнего Лорда-Хранителя, встретившего там свой ужасный конец. Их свидания были достаточно невинными, всего лишь легкие прикосновения, поцелуи, ласковые слова любви и разговоры о свадьбе. Иссельда обожала своего отца и догадывалась, что одна лишь мысль о том, чтобы любимая дочь вышла замуж за барона Кройденского, может его очень расстроить. И все же не в ее силах было устоять перед обаянием Мелиадуса. Впрочем, она даже не была до конца уверена, что это чувство именно любовь. Но их таинственные встречи были столь волнующи, что она не могла не отдаться этому влечению.

В одной ночной рубашке Иссельда проворно пробежала по темным коридорам и лестницам замка, даже не подозревая, что за ней по пятам следует некая загадочная фигура в черном плаще и с длинным кинжалом в руках.

Не в силах сдержать бьющееся сердце, широко улыбаясь, взбежала она по винтовой лестнице башни, туда, где в темной комнате ее дожидался барон. Низко поклонившись, он обнял девушку и принялся ласкать ее сквозь тончайшую шелковую рубашку. На сей раз его поцелуи показались ей более настойчивыми, почти дерзкими, и, задышавшись, она ответила на поцелуй, крепко обнимая спину барона, обтянутую замшевым жилетом. Его руки опускались все ниже. Сперва он ласкал талию девушки, затем ее бедра. Иссельда прижималась к барону, но неожиданно ощутила в душе некий необъяснимый страх и попыталась отпрянуть.

Однако он не пожелал отпустить ее. В лунном свете, что падал на лицо барона сквозь узкое окно башни, заметно было, что он охвачен возбуждением.

– Иссельда, вы должны принадлежать мне. Нынче же ночью мы покинем замок и завтра окажемся вне пределов Камарга. Твой отец не осмелится броситься за нами в погоню.

– Мой отец осмелится на все, что угодно, – отозвалась она невозмутимо. – Но я и сама не пожелаю так огорчить его.

– Что это означает?

– Очень просто. Я никогда не выйду замуж без его благословения.

– Он даст согласие.

– Сомневаюсь.

– В таком случае...

Иссельда вновь попыталась вырваться, но барон крепче стиснул ее в объятиях. Теперь она испугалась по-настоящему, хотя и сама не могла понять, как пылкая страсть, так волновавшая сердце, столь быстро перерасла в истинный ужас.

– Мне нужно идти. Отпустите меня.

– Ну нет, Иссельда, я не привык к отказам. Сперва этот упрямец, твой отец, а теперь и ты! Да я скорее убью тебя, но не позволю уйти, прежде чем добьюсь своего.

С этими словами он притянул ее к себе и попытался поцеловать. Девушка застонала. И в этот миг в комнате возникла темная, закутанная в плащ фигура. В лунном свете блеснул кинжал, и барон обернулся, не выпуская девушку из объятий.

– Немедленно отпустите ее! – воскликнул неизвестный. – Иначе, вопреки всем законам гостеприимства, я буду вынужден прикончить вас!

– Ноблио! – всхлипнула Иссельда. – Скорее бегите за отцом, вам с ним не совладать!

С громким хохотом барон Мелиадус отшвырнул Иссельду от себя.

– Чтобы я стал сражаться с тобой? Да ты смеешься надо мной, книжник! Поди прочь! Я уйду отсюда, но только вместе с ней.

– Вы уйдете один, – возразил Ноблио. – И как можно скорее, иначе я буду вынужден взять на себя грех смертоубийства. А Иссельда останется здесь.

– Нет, она отправится со мной, причем немедленно, хочет она того или нет, – плащ Мелиадуса распахнулся, и девушка заметила короткий меч у него на поясе. – Прочь, господин Ноблио! Или вам уже никогда не доведется сложить стихов о нынешней ночи.

Ноблио не шелохнулся. Неуловимым движением взявшись за рукоять меча, гранбретанец обнажил клинок.

– Даю тебе последний шанс, книжник.

Ноблио молчал, не мигая глядя на барона, и лишь рука его чуть заметно дрожала, стискивая кинжал.

Иссельда пронзительно закричала, и крик ее эхом разнесся по всему замку. Зарывав от ярости, барон повернулся к ней и вскинул меч.

В этот миг Ноблио метнулся вперед и ударил гранбретанца кинжалом, однако кожаные доспехи защитили барона. Мелиадус обернулся с презрительной усмешкой и дважды нанес удар мечом, в голову и в грудь Ноблио, и поэт-ученый рухнул навзничь, заливая кровью каменный пол. Иссельда вновь закричала в отчаянии, а барон, нагнувшись, схватил ее, заломил руку за спину так, что девушка застонала, а затем, перекинув себе через плечо, выбежал из комнаты и устремился вниз по лестнице.

Чтобы оказаться в своих покоях, ему сперва нужно было пройти через парадный зал, но когда он вошел туда, с другого конца помещения до него донесся шум, и в отблесках угасающего огня барон увидел графа. Тот стоял в дверях с огромным мечом в руках, одетый лишь в просторный домашний халат.

– Отец! – вскрикнула Иссельда, и гранбретанец, отшвырнув ее на пол, вскинул руку с мечом.

– Так значит, Ноблио был прав! – взревел граф. – Вы оскорбили мое гостеприимство, барон.

– Мне нужна ваша дочь, граф. Она любит меня.

– Вы заблуждаетесь, – граф взглянул на Иссельду, которая заливалась слезами. – Защищайтесь, барон.

Мелиадус сдвинул брови:

– Мой меч – жалкая игрушка рядом с вашим, и, кроме того, мне противна мысль сражаться с человеком столь преклонных лет. Может быть, мы могли бы прийти к соглашению...

– Отец, он убил Ноблио!

Когда граф услышал эти слова, его затрясло от ярости. Подбежав к стене, где красовалась целая коллекция всевозможного оружия, он сорвал с крюка самый большой меч и швырнул его под ноги барону. Клинок с грохотом покатился по каменному полу. Мелиадус, нагнувшись, схватил брошенное ему оружие. Теперь преимущество было на его стороне, ибо он был в кожаных доспехах.

Сделав шаг вперед, граф поднял меч и атаковал барона, но тот ловко парировал выпад. Со стороны дуэлянты походили на дровосеков, которые рубят огромное дерево, нанося мощные размашистые удары то с одной стороны, то с другой. Лязг оружия разбудил слуг графа и свиту барона, и теперь все они выбежали в зал и застыли, не зная, что предпринять. Вскоре вместе со стражниками появился и фон Виллах. Теперь на стороне графа было явное преимущество, и гранбретанцы не осмелились мешать.

А двое соперников продолжали бой, с величайшим мастерством нанося и отражая

удары, рассыпая потоки синих искр. Обоим пот уже заливал глаза, дыхание их сделалось тяжелым и прерывистым. Барону удалось слегка оцарапать графу плечо, а клинок Брасса скользнул по кожаным доспехам Мелиадуса. Они обменялись серией молниеносных выпадов, после которых, как казалось со стороны, должны были бы упасть замертво. Однако противники разошлись невредимыми, и оказалось, что у графа всего лишь разорван халат, а на лбу кровоточит царапина, тогда как барон отделался распоротым сверху донизу плащом.

Топот ног на каменных плитах пола и звуки хриплого дыхания сливались с оглушительным звоном мечей, но неожиданно граф Брасс задел низкий столик, споткнулся и упал, растянувшись во весь рост. Меч вылетел у него из рук. С торжествующей ухмылкой Мелиадус занес над поверженным противником свой клинок, но Брасс успел перекатиться на бок и схватил барона за лодыжки, так что тот рухнул рядом с ним.

На время отбросив мечи, противники принялись кататься по полу, избивая друг друга кулаками и рыча, словно дикие звери. Затем барон резко оттолкнул соперника, схватил меч и вскочил на ноги. Но граф также успел подняться и неожиданным ударом выбил меч из рук барона. Клинок, воткнувшись в деревянную колонну, низко заудел.

Без всякой жалости граф взирал на Мелиадуса, преисполненный решимости убить противника.

– Вы погубили моего самого верного, самого лучшего друга! – прорычал он, вскинув меч. Барон Мелиадус скрестил руки на груди и невозмутимо прикрыл глаза, ожидая удара.

– Я отомщу за смерть Ноблио, ты умрешь.

– Граф!

Брасс замер с занесенным над головой мечом. Это был голос Ноблио:

– Граф, он не убил меня, лишь оглушил ударом в голову. А рана в груди не смертельна.

Сквозь толпу к ним пробирался Ноблио, у которого на лбу красовался лиловый кровоподтек, а сквозь пальцы, прижатые к груди, струилась кровь.

– Возблагодарим же за это судьбу, Ноблио, – выдохнул граф. – И все же... этот негодяй презрел все законы гостеприимства. Он оскорбил мою дочь, ранил друга...

Барон вскинул голову:

– Нижайше прошу простить меня, граф, я был ослеплен страстью, рассудок мой помутился. Я не молю о пощаде, но прошу лишь об одном: не ищите злого умысла в моих поступках. Они были вызваны лишь простой человеческой слабостью.

Граф покачал головой:

– Я не в силах простить вас, барон, и не желаю больше слушать ваших лживых речей. Даю вам час, чтобы покинуть замок. К утру вы должны пересечь границу Камарга, иначе и вас, и вашу свиту ждет смерть.

– Вы рискуете оскорбить империю. Граф повел плечами:

– Оскорбление было нанесено не мной. Если у вас на родине узнают правду о том, что произошло здесь сегодня, то вы понесете кару, барон. Вы не выполнили данное вам поручение. И это вы оскорбили меня, а не я Гранбретанию.

Ничего не ответив на это, барон, кипя от беспомощной ярости, выбежал из зала. Полчаса спустя, разгневанный и опозоренный, он миновал ворота в своей причудливой карете. Нечего и говорить, что он не стал прощаться с хозяевами замка. Граф Брасс с Иссельдой, Ноблио и фон Виллахом наблюдали за его отъездом со ступеней парадной лестницы.

– Ты был прав, друг мой, – произнес граф негромко. – Этот негодяй сумел обмануть и меня, и Иссельду. Но теперь я не пущу на порог замка Брасс ни одного гранбретанца.

– Так ты осознал, наконец, как опасна Империя Мрака? – не скрывая надежды, спросил его Ноблио.

– Друг мой, предоставим событиям идти своей чередой. Ни Гранбретания, ни барон Мелиадус больше не потревожат нас.

– Ты заблуждаешься, – отозвался книжник убежденно.

А в этот самый миг в своем черном экипаже, что в ночи катился к северной окраине

Камарга, барон Мелиадус поклялся самой страшной клятвой, какая только была ему известна. Он поклялся Рунным Посохом, что, чего бы это ему ни стоило, он подчинит своей воле графа Брасса, овладеет Иссельдой, а сам Камарг превратит в пустыню. Он не зря поклялся именно Рунным Посохом, ибо, согласно легенде, в этом таинственном предмете были скрыты все тайны человеческих судеб. Благодаря этой клятве, были окончательно и бесповоротно решены судьбы самого барона Мелиадуса, графа Брасса, Иссельды, Империи Мрака и всех тех, кто уже был связан с ними или окажется связан в дальнейшем.

Пьеса написана, декорации расставлены по местам. Занавес поднимается. Теперь время выйти на сцену актерам.

Часть вторая

«Человек, который осмелится поклясться Рунным Посохом, тем самым неминуемо изменит свою собственную судьбу, равно как и судьбу своего мира. За всю историю Рунного Посоха таких клятв было немало, однако ни одна из них не принесла столько горя и бедствий, как страшная клятва мщения барона Мелиадуса Кройденского. Сей обет был дан им за год до того, как Дориан Хоукмун, герцог Кельнский, впервые появился на страницах нашей летописи».

Из «Летописи Рунного Посоха»

ГЛАВА 1. ДОРИАН ХОУКМУН

Барон Мелиадус немедленно вернулся в Лондру, угрюмую столицу Империи Мрака, однако миновал целый год, прежде чем план мщения, окончательно отвечавший его желаниям, полностью оформился в сознании барона. Нужно признать, у него было немало и других забот. В разных концах империи то и дело вспыхивали мятежи и бунты, и Мелиадус отправлялся подавлять восстания, участвовал в сражениях и битвах, сажал на трон правителей-марионеток, устанавливал порядок на вновь завоеванных землях империи и выполнял иные поручения ее правителя.

Однако несмотря на то, что все его время и помыслы были всецело отданы служению империи, страсть к Иссельде и ненависть к ее отцу ни на миг не оставляли барона. Он не понес никакого наказания за то, что потерпел в Камарге неудачу, однако горше всего он наказывал себя сам, терзаясь воспоминаниями о пережитом позоре. Кроме того, с течением времени неминуемо возникали затруднения, с которыми было бы куда легче справиться, если бы в ту пору удалось привлечь к сотрудничеству графа Брасса. И всякий раз, когда он думал об этом в очередной щекотливой ситуации, в разгоряченном мозгу барона возникало множество коварных планов мщения, однако ни один не удовлетворял Мелиадуса полностью. Барон желал получить все разом: принудить графа помогать ему в решении европейских проблем, заполучить Иссельду и, самое главное, сравнять с землей Камарг. Желания эти совместить было очень нелегко.

И вот сегодня, в высокой обсидиановой башне, что высилась над кроваво-красными водами реки Таймы, по которой доставляли в столицу грузы легкие суда из бронзы и черного дерева, барон Мелиадус с тревогой расхаживал по своему рабочему кабинету, заставленному темной полированной мебелью, глобусами, астролябиями из железной фольги, меди и серебра, а также многочисленными безделушками из металлов и самоцветов. Стены комнаты были украшены выцветшими от времени разноцветными гобеленами, а полы устилали ворсистые ковры цвета опавших листьев.

Но не эта роскошь была главной достопримечательностью башни. Повсюду здесь – на

стенах, на каждой полке, в каждом углу – висели, стояли и лежали часы. Все они шли точно, секунда в секунду, отбивали четверть часа, полчаса и полный час, причем некоторые музыкой. Здесь были часы самых разных форм и размеров, из всевозможных материалов, и некоторые были столь причудливы, что по ним невозможно даже было определить время. Барон вывез их почти из всех стран Европы и Ближнего Востока в качестве символов покоренных земель. Это были его излюбленные трофеи. Они заполняли не только кабинет, но также все прочие залы и помещения башни, и даже на вершине ее были установлены огромные куранты с четырьмя циферблатами из бронзы, оникса и драгоценных металлов. И когда каждый час по колоколам ударяли молоточками искусно выполненные в натуральную величину фигурки обнаженных девушек, по всей Лондре разносился мелодичный звон. С коллекцией часов барона могла бы сравниться лишь коллекция его зятя Тараорма, владыки Дворца Времени, которого Мелиадус люто ненавидел и к которому ревновал свою капризную сестру.

Барон наконец прекратил расхаживать по комнате и взял со стола лист пергамента. Там были последние известия из Кельна, провинции, которой Мелиадус два года назад решил преподавать достойный урок, но, как выяснилось, несколько перестарался. Сын старого герцога Кельнского, которого Мелиадус лично казнил на главной площади столицы, собрал войска, поднял восстание и разгромил размещенные в Кельне гарнизоны Гранбретании. Если бы на помощь не подоспели орнитоптеры, вооруженные дальнобойными огнеметами, то Кельн, пусть и на время, сумел бы выйти из-под власти Империи Мрака.

По счастью, восстание было подавлено. Молодого герцога схватили и должны были доставить в Лондру на потеху знати. Именно сейчас барону очень пришлось бы кстати помощь графа Брасса, поскольку задолго до того, как поднять бунт, герцог Кельнский сам перешел на сторону Гранбретании; он отважно сражался на стороне империи, возглавлял войско, которое состояло большей частью из солдат, что прежде служили его отцу, и теперь именно эту армию он и повернул против империи.

Гнев барона Мелиадуса был вполне объясним, ведь молодой герцог подал дурной пример, которому могли последовать другие. Ходили слухи, что в германских землях его называли истинным героем, ведь до сих пор почти никто не осмеливался противостоять империи Мрака.

Вот если бы граф Брасс мог им помочь...

Неожиданно на губах барона заиграла волчья усмешка. В сознании возник и в считанные мгновения оформился тот самый план мщения, который он не мог придумать уже целый год. Однако теперь Мелиадус решил, что герцога Кельнского сумеет использовать куда более умело, нежели как игрушку на потеху толпы.

Швырнув донесение на стол, барон дернул за шнурок колокольчика, и в дверях показалась обнаженная девушка-рабыня, с телом, щедро умащенным румянами. В ожидании приказаний она опустилась на колени. Барон допускал к себе только рабов женского пола, ибо слишком опасался предательства, чтобы окружить себя мужчинами.

– Отправляйся к начальнику тюрьмы, – велел он рабыне. – И передай, что барон Мелиадус желает лично допросить пленного Дориана Хоукмуна, герцога Кельнского, едва лишь того доставят в город.

– Слушаюсь, мой господин.

Девушка поднялась с колен и, пятясь, вышла из кабинета, а барон остался стоять у окна, и на полных губах его играла едва заметная улыбка.

Дориан Хоукмун в позолоченных кандалах, каковые гранбре-танцы посчитали достойными его знатного рода, пошатываясь и спотыкаясь, спустился по трапу и сощурился, разглядывая громадные башни Лондры, очерченные в лучах заходящего солнца. И если раньше он еще мог бы усомниться в том, что жители Темного Острова в действительности охвачены безумием, то сейчас, при виде этих строений, для сомнений не осталось места, ибо в каждом из них, в их архитектуре, в выборе формы и цвета чувствовалось что-то противоестественное. Но одновременно была в них и неукротимая сила, мощь и интеллект.

«Неудивительно, — подумал герцог, — что чужеземцам так непросто понять подданных империи. В их душе слишком много противоречий».

Страж в белой кожаной накидке и белой металлической маске в виде черепа, которая указывала на его принадлежность к определенному ордену, подтолкнул пленника вперед. Хоукмун, который уже неделю ничего не ел и сильно ослабел, покачнулся и едва устоял на ногах. С того самого момента, когда он потерпел поражение в битве при Кельне, ни один человек не обращался к нему. Хоукмун был близок к помешательству и почти не осознавал ужаса своего положения. Почти все это время он провел в кромешной тьме в корабельном трюме, изредка утоляя жажду из стоящего рядом корыта с грязной водой. Его прекрасные длинные волосы свалились, как войлок, взор померк, кольчуга была разорвана, а одежда заляпана грязью. Кандалы в кровь стерли шею и руки, но боли он почти не ощущал. На самом деле он вообще почти ничего не чувствовал, двигался, словно механическая кукла, и все видел, точно в тумане.

Сделав несколько шагов по кварцевым плитам причала, он споткнулся и рухнул на колени. Охранники подхватили его под локти и довели до черной стены, высившейся в конце причала. В стене оказалась большая зарешеченная дверь, охраняемая солдатами в масках. Всеми тюрьмами Лондры заведовал Орден Вепря. Стражники обменялись между собой несколькими словами на странном хрюкающем языке своего ордена, затем один из них, расхохотавшись, схватил Хоукмуна за руку и втолкнул в открывшуюся дверь.

Внутри царил темнота. Когда дверь захлопнулась, несколько мгновений пленник оставался в одиночестве. Затем в слабом, пробивающемся в щель из-под двери свете он оглядел маску Вепря, чуть более изысканную, чем у стражников. После этого появилась другая маска и еще одна. Хоукмуна схватили и поволокли вперед, по темным вонючим коридорам узилища. Он сознавал, что жизнь его кончена, и его это ничуть не волновало.

Потом со скрипом распахнулась другая дверь, и Хоукмуна втолкнули в крохотную камеру, после чего до него донесся скрип задвигаемого засова. Стены и каменный пол здесь покрывала липкая пленка грязи, в воздухе висело зловоние. Сперва Хоукмун стоял, привалившись к стене, затем постепенно сполз на пол. Он не то уснул, не то просто лишился чувств. Глаза Дориана Хоукмуна закрылись, и желанное забытие наконец овладело им.

Всего лишь несколько дней назад, в Кельне, его славили как героя, как борца против захватчиков, отважного воина, человека недюжинной силы и острого ума. Но теперь слуги империи превратили его в животное... Животное, у которого не осталось ничего, даже желания продлить свою жизнь. Другой человек, менее знатный, возможно, кипел бы от ненависти и пытался отыскать пути к спасению. Но Хоукмун, лишившись всего, утратил способность желать. Возможно, он еще сумеет очнуться и прийти в себя. Но даже если и так, все равно он станет совсем другим человеком, ничем не похожим на того Дориана Хоукмуна, который так доблестно сражался при Кельне.

ГЛАВА 2. ДУША НА ПРОДАЖУ

В звериных личинах отразились отблески факела: ухмыляющаяся маска Вепря и скалящийся волк полыхнули красным и черным металлом. Вспыхнули прозрачные алмазные и синие сапфировые глаза. Зашелестели плащи, послышался неразборчивый шепот.

Хоукмун с негромким вздохом прикрыл глаза, однако вновь разлепил веки, когда шаги послышались уже совсем близко. Волк склонился над ним. Жар факела обжег лицо, однако Хоукмун даже не сделал попытки отвернуться. Выпрямившись, Волк обратился к Вепрю:

— Нет смысла разговаривать с ним сейчас. Сперва его нужно вымыть и накормить. Пусть немного придет в себя.

Волк с Вепрем удалились, и дверь захлопнулась за ними. Хоукмун закрыл глаза.

Он очнулся, когда его несли по узкому коридору, освещенному факелами, а затем герцог оказался в небольшой комнате, полной огней, где стояла кровать с наброшенными на нее дорогими меховыми и шелковыми покрывалами, резной столик ломился от

всевозможной снеди, а в углу красовалась ванна из блестящего желтого металла, полная горячей воды. Две девушки-рабыни ожидали пленника.

Они сняли с Хоукмуна цепи, лохмотья, затем осторожно уложили в воду. Кожу отчаянно саднило, когда рабыни нежно и осторожно принялись мыть его. Затем герцога подстригли и побрили. Хоук-мун почти не отдавал себе отчета в происходящем. Он лежал без движения, уставившись неподвижным взором в темный мозаичный потолок. Он позволил надеть на себя тонкое, мягкое белье, шелковую рубаху и бархатные штаны... Лишь в этот миг в самом дальнем уголке его затрепетало слабое чувство блаженства. Однако когда его усадили за стол и заставили съесть кусочек какого-то плода, желудок сжался в судорогах, и герцога вырвало желчью. Его напоили теплым молоком со снотворным и уложили в постель. Затем все удалились, и лишь одна рабыня осталась присматривать за пленником.

Лишь несколько дней спустя Хоукмун достаточно оправился и смог сам принимать пищу, а также осознавать роскошь своего нынешнего положения. Ему предоставили в распоряжение книги и женщин, однако пока он не в силах был возжелать ни того, ни другого.

Немало времени ушло у Хоукмуна на то, чтобы вернулись воспоминания из прежней жизни, однако теперь то существование представлялось лишь полузабытым сном. Однажды он заставил себя открыть книгу, но буквы показались ему совершенно незнакомыми, хотя разбирал он их достаточно хорошо. Просто то, что он видел перед собой, представлялось ему полной бессмыслицей, а в словах отсутствовала определенность и весомость, хотя фолиант и принадлежал перу одного из философов, которых Хоукмун весьма чтит когда-то. Пожав плечами, он бросил книгу на стол. Одна из девушек-рабынь тут же подбежала к нему и, прижавшись, погладила по щеке. Мягко отстранив красавицу, он подошел к кровати и улегся, закинув руки под голову, а затем промолвил:

– Почему я здесь?

С того момента, как он прибыл в Гранбретанию, это были первые слова, которые сорвались с его уст.

– О, мой господин, это мне неизвестно. Но, кажется, вы весьма почетный узник.

– Да, любимая игрушка владык Гранбретании.

Слова Хоукмуна прозвучали без всякого выражения. Голос оставался ровным и спокойным. Даже сами звуки речи казались ему невятными и бессмысленными. Пустыми остекленевшими глазами он воззрился на девушку, и та невольно содрогнулась. Это была блондинка с длинными пышными кудрями и хорошей фигурой. Судя по акценту, родом она была откуда-то из северной Скандии.

– Господин, мне известно лишь то, что я здесь, дабы исполнить любое ваше желание.

Чуть заметно кивнув, Хоукмун обвел взглядом комнату.

– Готов поспорить, ни к чему хорошему все это не приведет, – едва слышно пробормотал он.

В помещении не имелось окон, но, судя по влажности воздуха, Хоукмун заключил, что находится где-то глубоко под землей. Время он измерял по лампам: почему-то ему казалось, что их заправляют маслом один раз в день, и, по его подсчетам, прошло добрых две недели, прежде чем Волк вновь явился к нему.

Рывком распахнулась дверь, и в комнату вошел высокий мужчина, с головы до ног затянутый в черную кожу, вооруженный длинным широким мечом с черной рукоятью. Приятный мелодичный голос донесся из-под маски... Тот самый, что слышал Хоукмун тогда, в полуобморочном состоянии.

– А, как я посмотрю, наш узник выглядит совсем недурно. Низко поклонившись, рабыни поспешили прочь. Хоукмун, не торопясь, поднялся с постели.

– Да, превосходно. Вы отлично выглядите, герцог Кельнский.

– Благодарю вас, недурно.

Не стесняясь, Хоукмун зевнул, а затем, решив, что в ногах правды нет, вновь улегся на постель.

– Полагаю, вам известно, кто я, – произнес Волк, и в голосе его звучало нетерпение.

– Нет.

– И даже не догадываетесь?

Хоукмун промолчал. Волк приблизился к столу, на котором красовалась огромная хрустальная ваза с фруктами. Рукой, затянутой в перчатку, взял гранат и наклонился, словно для того, чтобы рассмотреть плод поближе.

– Вы уже вполне пришли в себя, милорд?

– Как будто бы да, – отозвался Хоукмун. – Я чувствую себя превосходно. До сих пор все мои желания удовлетворялись безропотно, но теперь, полагаю, пришло время мне заплатить за это. Вы намерены позабавиться со мной?

– Сдается мне, вас это не слишком тревожит. Хоукмун повел плечами:

– Рано или поздно все кончается.

– Ну, на вашу жизнь хватит. Мы, гранбританцы, довольно изобретательный народ.

– Человеческая жизнь не столь уж длинна.

– Однако дело в том, – неожиданно промолвил Волк, перебрасывая гранат из одной руки в другую, – что мы решили помириться с вами.

Хоукмун безучастно хранил молчание.

– Не слишком-то вы разговорчивы, дражайший герцог, – промолвил Волк. – Вам это может показаться забавным, но до сих пор вы живы лишь благодаря прихоти одного из ваших врагов, того самого, что столь жестоко расправился с вашим отцом.

Нахмурившись, Хоукмун словно попытался что-то вспомнить.

– Да, помню, – промолвил он нерешительно. – Мой отец, старый герцог.

Бросив гранат на пол, Волк скинул маску. Под ней скрывалась широкое лицо с ровными красивыми чертами.

– Это я убил его, я, барон Мелиадус Кройденский, – на полных губах его играла беспощадная усмешка.

– Барон Мелиадус? Вы... м-м-м... убили его?

– Как я погляжу, мужество вновь оставило вас, милорд, – зловеще пробормотал барон. – Или вы вновь хотите попытаться обмануть нас?

Хоукмун поморщился.

– Я устал, – вымолвил он, немного помолчав. Мелиадус уставился на него в изумлении:

– Я убил твоего отца!

– По-моему, вы это уже говорили.

– Ну, знаете ли...

Смешавшись, барон развернулся и направился к дверям, но затем остановился и вновь взглянул на Хоукмуна.

– Разумеется, я пришел сюда не для того, чтобы рассказать вам об этом. И все же мне представляется странным, что вы как будто совершенно не испытываете ко мне ненависти и не стремитесь отомстить за покойного родителя.

Хоукмуну сделалось скучно. Он хотел лишь одного – чтобы Мелиадус поскорее убрался и оставил его в покое. Резкие жесты и возгласы барона досаждали ему, как раздражает жужжание мухи или писк комара человека, который пытается заснуть.

– Я ничего не чувствую и не испытываю эмоций, – произнес Хоукмун в надежде, что этот ответ удовлетворит гранбританца, и тот наконец отстанет от него.

– В вас не осталось ничего! – воскликнул Мелиадус в гневе. – Ничего, даже желания жить. Плен и поражение сломили вас окончательно.

– Может быть. Однако сейчас я устал...

– Я пришел сюда, ибо хотел предложить вам вернуться домой, – продолжил Мелиадус. – Кельн стал бы суверенным герцогством в составе нашей империи. Ничего подобного мы еще никому не предлагали.

Лишь теперь в голосе Хоукмуна зазвучало нечто похожее на любопытство.

– Но с какой стати? – поинтересовался он.

– Мы хотели бы заключить с вами сделку. Разумеется, она будет взаимовыгодной. Мы нуждаемся в столь опытном и искусном воителе, как вы. – Тут барон нахмурился и покачал головой. – Во всяком случае, прежде вы казались нам именно таким человеком. Но самое главное – нам нужен некто, пользующийся доверием у людей, которые враждуют с империей. – Изначально Мелиадус намеревался совсем иначе построить свой разговор с Хоукмуном, однако странное безразличие герцога сбивало его с толку. – Нам нужно, чтобы вы кое-что сделали для нас. А в обмен на это мы вернем вам ваши владения.

– Да, я хочу вернуться домой, – кивнул Хоукмун. – Туда, где родился.

Он улыбнулся нахлынувшим воспоминаниям. Эта странная неуместная улыбка показалась барону удивительной, однако он принял ее за простую сентиментальность и жестко отозвался:

– Чем вы станете заниматься по возвращении, плести веночки или строить цитадели, для нас безразлично. Но вы вернетесь туда, только если станете служить нам верой и правдой.

Хоукмун покосился на Мелиадуса:

– Судя по всему, вам кажется, будто я сошел с ума, милорд?

– Сие мне неведомо. Однако у нас имеются средства, чтобы в этом убедиться. Наши ученые проведут необходимое обследование...

– Не стоит, барон Мелиадус. Я в здравом уме. Возможно, даже в более здравом, чем прежде. И вам нечего меня опасаться.

Барон возвел глаза к небу:

– Клянусь Рунным Посохом, безгрешных людей не существует, – он распахнул дверь. – У нас еще будет возможность поговорить, герцог Кельнский. За вами сегодня придут.

Даже после того, как барон удалился, Хоукмун не встал с постели. Весь этот разговор вскорости вылетел у него из головы, и поэтому, когда часа через три в комнату вошли охранники и велели Хоукмуну следовать за ними, он уже едва мог припомнить, о чем они говорили с Мелиадусом.

Стражи вели Хоукмуна по нескончаемым лестницам и коридорам, пока наконец не остановились возле огромной железной двери. Один из них трижды ударил в нее тупым концом копья, и дверь распахнулась, пропуская дневной свет и свежий воздух. За дверью ожидали стражники в пурпурных плащах и масках Ордена Быка. Им охранники препоручили Хоукмуна, и, осмотревшись, тот обнаружил, что стоит на зеленой лужайке во дворе огромного замка. Со всех сторон двор окружали высокие стены, по которым чинно расхаживали охранники из Ордена Вепря. Вдалеке за стенами высились темные башни города.

По усыпанной гравием дорожке Хоукмуна провели к узким железным воротам в дальнем углу двора и через них вывели на улицу. Там герцога ожидал украшенный позолотой экипаж из эбенового дерева в виде двуглавого коня. Он сел в него в сопровождении двух безмолвных стражей, карета тронулась, и через щель в оконных занавесках Хоукмун смог рассмотреть Лондру. Закатное солнце заливало город мрачным багрянцем.

Экипаж наконец остановился, Хоукмун позволил стражникам вытащить себя из кареты и обнаружил, что стоит перед дворцом самого короля-императора.

Многоярусный дворец отличался исполинскими масштабами. Его венчали четыре величественные башни, сияющие золотистым светом. Стены дворца были украшены мозаиками и барельефами, изображавшими загадочные обряды, батальные сцены, эпизоды из богатой событиями истории Гранбритании, там же красовались горгульи, статуи, бессмысленной формы фигуры – в общем, дворец представлял собой фантастическое и довольно нелепое сооружение, которое возводилось не одно столетие. Казалось, при его строительстве использовали все возможные краски и материалы, так что цитадель переливалась всеми цветами радуги. Один цвет смешивался с другим, и эта красочная вакханалия утомляла глаз и раздражала мозг. Воистину, это был дворец безумца, подлинное

воплощение этого безумного города.

Стражники, что встретили Хоукмуна у ворот дворца, были одеты в форму Ордена Богомола, того самого, к которому принадлежал сам король Хеон. Их искусно сделанные маски насекомых, с усиками из тонкой платиновой проволоки были усыпаны самоцветами. У всех воинов были худые длинные ноги и тонкие руки. Их стройные тела были затянуты в доспехи, раскрашенные в цвета этого насекомого – черный, золотой и зеленый. Тайный орденский язык, на котором они переговаривались между собой, напоминал щелканье и шуршание богомолов.

И лишь теперь, когда стражники провели его на нижний ярус дворца, где все стены были выложены отполированными до зеркального блеска алыми стальными пластинами, Хоукмун впервые ощутил нечто похожее на беспокойство.

Наконец они вступили в большой зал с высокими сводами и мраморными стенами, испещренными белыми, зелеными и розоватыми прожилками. Прожилки эти постоянно перемещались и мерцали, создавая иллюзию, будто сами стены все время движутся.

Зал длиной в добрую четверть мили и почти такой же ширины с равными промежутками был заставлен какими-то поразительными сооружениями, которые Хоукмун вначале принял за машины, хотя и не мог понять их предназначения. Как и все, что ему доводилось видеть в Лондре, сии конструкции имели весьма причудливую форму и были созданы в основном из драгоценных металлов и самоцветов. В них были встроены незнакомые Хоукмуну приборы, которые что-то подсчитывали, записывали, измеряли. Их обслуживали люди в змеиных масках и пятнистых плащах с накинутыми капюшонами. В Ордене Змеи числились одни лишь только маги и ученые, и подчинялись они самому королю-императору.

Навстречу Хоукмуну по центральному проходу вышел человек, который сделал стражникам знак удалиться. Судя по изысканности маски, Хоукмуну показалось, что человек этот занимает высокое положение в ордене, а если исходить из его манеры держаться, он вполне мог оказаться и самим магистром.

– Приветствую вас, герцог.

В ответ Хоукмун поклонился: прошлые привычки по-прежнему напоминали о себе.

– Я барон Калан Витальский, главный ученый императора. Насколько мне дали понять, ближайшие пару дней вы будете моим гостем. Добро пожаловать! Если угодно, я покажу вам свои лаборатории.

– Благодарю, но что вам от меня нужно? – безучастно поинтересовался Хоукмун.

– Прежде всего, надеюсь, мы поужинаем вместе.

Барон Калан любезно пропустил герцога вперед, и, пройдя по всему залу мимо многочисленных механизмов, они вскоре очутились у дверей, за которыми, очевидно, находились личные покои ученого. Там уже был накрыт стол. Еда оказалась менее изысканной, нежели та, которой Хоукмуна потчевали последние две недели, но хорошо приготовленной и очень вкусной. Разделавшись с ужином, барон, который к тому времени снял маску, открывшую бледное усталое лицо с небольшой седой бородкой, разлил вино. Во время ужина они не обменялись ни единым словом. Хоукмун отведал вина и нашел его превосходным.

– Мое собственное изобретение, – самодовольно улыбнулся Калан.

– Да, вкус необычный, – признал Хоукмун. – Из каких сортов винограда...

– Это не виноград, а зерно. Совершенно иной способ приготовления.

– Оно крепкое.

– Да, крепче вина, – кивнул барон. – Но пора переходить к делу. Должно быть, вам уже известно, герцог, что я должен проверить состояние вашей психики, определить темперамент и дать заключение – подходите ли вы для службы его величеству королю Хеону.

– Да, сдается, что-то в этом роде говорил мне барон Мелиадус, – на губах Хоукмуна появилось слабое подобие усмешки. – Мне и самому любопытно будет узнать о результатах ваших исследований.

– Хм, – барон Калан бросил на герцога пристальный взгляд. – Теперь я понимаю, почему меня попросили уделить вам внимание. Должен признать, на первый взгляд вы кажетесь вполне нормальным человеком.

– Благодарю, – под влиянием странного вина к Хоукмуну вернулась его былая ирония.

На барона Калана напал приступ мелкого сухого кашля. Вообще, с того самого мгновения, когда он снял маску, во всем его поведении чувствовалась мелкая нервозность. Хоукмун успел заметить, что подданные империи предпочитают никогда не расставаться со своими личинами. Сейчас барон вновь натянул маску, и кашель тут же прекратился. Хотя Хоукмуну было прекрасно известно, что принимать высоких гостей в маске – это нарушение гранбританского этикета, он ничем не выказал своего недоумения.

– Ах, дорогой мой герцог, – донесся до Хоукмуна шепот барона. – Кто я такой, чтобы судить, что есть здравый смысл, а что безумие. Находятся ведь такие люди, которые всех нас, гранбританцев, считают сумасшедшими.

– Не может быть.

– Да, да, это те самые глупцы, которые своим притупленным восприятием неспособны охватить грандиозность наших идей и не верят в благородные цели нашего крестового похода. Знаете ли, они утверждают, будто мы безумны. Ха-ха! – Барон поднялся с места. – Ну, а сейчас, если не возражаете, пора начинать.

Миновав весь машинный зал, они очутились в другом помещении, размерами чуть меньше первого. Стены там были такие же темные, но они меняли цвет от лилового до черного и обратно. В зале стояла только одна машина – аппарат из блестящих синего и красного металлов, с выступами, многочисленными рычагами и прочими приспособлениями. Самой поразительной частью машины являлось большое, напоминающее колокол, сооружение, подвешенное на странном крюке. К корпусу машины подходил пульт. Обступив его со всех сторон, вокруг пульта толпились мужчины в форме Ордена Змеи. Отблески света ложились на их металлические маски. Машина издавала какой-то непонятный, едва слышный шум, напоминающий сопение зверя.

– Это устройство служит для определения уровня интеллекта, – гордо объявил барон Калан.

– Уж больно она велика, – заметил Хоукмун, подходя ближе.

– Да, это одна из наших самых больших машин. Но это вполне естественно. Она решает целый комплекс задач. Это результат научного колдовства, мой дорогой герцог, а не каких-то там варварских заклятий, которые в такой чести у вас на континенте. Именно наука дает нам неоспоримое преимущество перед низшими расами и народностями.

Действие алкоголя понемногу притуплялось, и к Хоукмуну вернулось прежнее ощущение скуки и отрешенности. Он не ощущал ни тревоги, ни любопытства, когда его, наконец, подвели к машине, и колокол начал опускаться.

Колпак вскоре полностью накрыл его, и мягкие стены сжались вокруг герцога. Это объятие было довольно неприятным и могло бы привести в ужас того Дориана Хоукмуна, что так отважно сражался в битве при Кельне. Однако новый Хоукмун от всего происходящего испытывал лишь нетерпение и некоторое неудобство. Он ощущал слабое покалывание в голове, словно тончайшие щупальца проникли ему под череп и теперь прощупывали мозг. Затем у него начались галлюцинации. Он видел океаны света, перекошенные лица людей, дома и деревья, залитые каким-то неестественным светом. Несколько веков кряду лил дождь из самоцветов и завывал черный ветер, срывая пелену с глаз. Вскрывались заледеневшие моря, вздымая хрустальные глыбы, и из пустоты являлись ласковые звери и женщины удивительной доброты. Затем перед ним прошла вся его жизнь, вплоть до того мгновения, как он вошел в эту машину. Осколок за осколком, воспоминания выстраивались в единую цепь, но он не мог узнать собственную жизнь. Когда колпак наконец поднялся, Хоукмун все так же безучастно стоял на месте, уверенный, что видел жизнь какого-то другого, постороннего человека.

Приблизившись, Калан взял его за руку и отвел подальше от машины.

– Если верить предварительным данным, мой дорогой герцог, то вы более чем нормальны. Надеюсь, я верно считал первичные показания приборов. Но окончательные результаты будут готовы через несколько часов. А сейчас вам следует отдохнуть. Завтра поутру мы продолжим наши исследования.

На другой день испытания продолжились. На сей раз Хоукмун лежал на спине и смотрел вверх, в то время как перед внутренним взором его одна за другой вспыхивали цветные картинки. Ассоциации, вызываемые ими, появлялись на особом экране. Хоукмун видел страшные сны, в которых то встречался с огромной акулой-убийцей, то попадал под лавину в горах, то сражался в одиночку против трех вооруженных воинов, то прыгал с третьего этажа горящего дома... И всякий раз герцог проявлял чудеса ловкости и сноровки, и ему удавалось уцелеть. Страха он при этом не испытывал. Подобных испытаний было проведено немало, но Хоукмун перенес их все совершенно безучастно. Даже когда машина принуждала его рыдать, хохотать, любить или ненавидеть, все это были лишь сугубо физические реакции. Истинные эмоции не принимали в этом никакого участия.

Наконец машина выпустила его, и барон в маске склонился над герцогом.

– Все говорит за то, дражайший герцог, что вы даже слишком нормальны, – прошептал Калан. – Парадоксально? О, да. И все же это правда. Вы слишком нормальны. Создается впечатление, будто какая-то часть вашего мозга атрофировалась или вообще исчезла. И все же, как бы то ни было, мне остается лишь передать барону Мелиадусу, что вы как нельзя более подходите для исполнения его замысла. При том условии, разумеется, что будут приняты надлежащие меры предосторожности.

– А в чем его замысел? – поинтересовался Хоукмун без всякого интереса.

– Он сам расскажет вам об этом.

Барон Калан простился с Хоукмуном, и два стражника из Ордена Богомола повели герцога по длинному коридору. У блестящих дверей из полированного серебра они остановились. Открылась дверь, и за ней обнаружилась просторная комната, стены, пол и потолок которой, за исключением большого окна с балконом, были сплошь увешаны зеркалами. У окна стоял человек в черной маске волка. Это был не кто иной, как барон Мелиадус.

Повернувшись на шум, барон велел стражникам уйти. Затем он дернул за висящий рядом шнур, и откуда-то сверху, скрывая зеркала, опустились занавески. Правда, если бы Хоукмун вдруг пожелал увидеть свое отражение, он мог бы устремить взгляд в пол или на потолок, но вместо этого он выглянул в окно.

Весь город был окутан густым туманом, который клубился вокруг каменных башен темно-зелеными воронками. Наступил вечер, солнце уже почти зашло за горизонт, и в наступающих сумерках башни походили на некие древние фантастические строения, торчащие из первобытного океана. Казалось, что если вдруг сейчас из тумана выберется гигантская рептилия и прильнет своим страшным глазом к окну, это ни у кого не вызовет удивления.

Без настенных зеркал комната стала выглядеть еще более мрачной. Барон, стоя у окна, что-то мурлыкал себе под нос и не обращал на Хоукмуна ни малейшего внимания.

Сквозь туман откуда-то из самых недр города донесся слабый вопль, а затем все стихло. Подняв маску, барон взглянул на Хоукмуна, чья фигура почти терялась в полумраке комнаты.

– Подойдите ближе, милорд, – велел он.

Хоукмун повиновался, по пути споткнувшись о край ковра.

– Я говорил с бароном Каланом, – начал Мелиадус. – Он сказал, что есть какая-то загадка, тайна, объяснить которую он не в состоянии. У него сложилось впечатление, как будто какая-то часть вашего мозга отмерла. И я гадаю, отчего такое могло случиться. От пережитого горя? Унижения? От страха? Честно говоря, подобных сложностей я не ожидал. Мне хотелось просто заключить с вами сделку, как одному нормальному человеку с другим. И хотя предложение мое по-прежнему остается в силе, но теперь я не знаю, с чего начать. Что

вы думаете об этом, дорогой герцог?

– Прежде всего, что вам от меня нужно? – поинтересовался Хоукмун, глядя на темнеющее небо через грязное стекло.

– Доводилось ли вам слышать о графе Брассе?

– Да.

– Сейчас он властитель провинции Камарг.

– Знаю.

– Так вот, граф осмелился противиться воле короля-императора и нанес оскорбление Гранбретании. Мы желаем образумить его. Один из способов добиться этого – похитить дочь графа, которая ему очень дорога, и использовать ее как заложницу. Но граф не откроет двери своего замка ни нашему посланцу, ни просто незнакомцу. Однако о ваших подвигах он наверняка наслышан, милорд, и, без сомнения, относится к вам с определенной симпатией. Поэтому, если вы прибудете в Камарг, якобы спасаясь от Империи Мрака, и попросите убежища, скорее всего, он примет вас. А вы, оказавшись в замке, улучите подходящий момент и похитите девушку. Для такого человека, как вы, это не составит труда. Разумеется, за границами Камарга мы будем ожидать вас и придем на помощь. Камарг не так уж велик. Вам легко удастся спастись бегством.

– Это все, что вам нужно?

– Совершенно верно. За эту услугу мы возвратим вам ваши владения, и вы сможете управлять ими, как пожелаете. Разумеется, с тем условием, что не будете выступать против империи.

– Мой народ сейчас прозябает в страшной нищете под властью Гранбретании, – с неожиданной прямоотой произнес Хоукмун. – Для него было бы лучше, если бы я вернулся.

– Вот и отлично, – с улыбкой воскликнул барон. – Я рад, что мое предложение показалось вам приемлемым.

– Да, хотя я не верю, что вы сдержите слово.

– Почему бы и нет? Нам самим выгодно, чтобы страной, которая доставила нам столько беспокойства, правил человек, которому доверяют подданные и которому доверяем мы сами.

– Ладно, я отправлюсь в Камарг, попрошу убежища, затем украду девушку и доставлю ее к вам, – Хоукмун со вздохом посмотрел на барона. – А почему бы и нет?

Мелиадус нахмурился. Поразительное поведение и манеры герцога явно сбивали его с толку. Он не мог понять, как ему вести себя с этим человеком.

– Однако, мой дорогой герцог, пока мы не можем быть уверены, что вы не попытаетесь каким-то образом обмануть нас. Конечно, до сих пор все устройства Калана работали безупречно, но я готов предположить, что вы сумели провести машину, обладая какими-то таинственными магическими талантами.

– Я ничего не смыслю в магии.

– И я почти готов поверить вам.

Так или иначе, но барон Мелиадус стал любезнее.

– Впрочем, у нас нет особых причин для беспокойства. На тот случай, если вам вздумается изменить Гранбретанию, мы предпримем соответствующие меры предосторожности. И либо они заставят вас вернуться к нам, либо вас ждет смерть... Если у нас возникнут хоть малейшие сомнения в вашей преданности. Не столь давно барон Калан создал одно устройство, хотя, насколько мне известно, замысел принадлежит не ему лично. Это так называемый Черный Камень. Впрочем, подождем до завтра. Эту ночь, милорд, вы проведете во дворце. Да, кстати, прежде чем покинуть Лондру, вы будете представлены его величеству королю-императору. До сих пор почти никто из чужеземцев не был удостоен подобной чести.

С этими словами Мелиадус кликнул стражников, и те проводили Хоукмуна в отведенные ему апартаменты.

ГЛАВА 3. ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Следующим утром Дориана Хоукмуна вновь отвели к барону Калану. Некоторое время барон пристально рассматривал пленника, и Хоукмуну показалось, что он ощущает под змеиной маской саркастическую усмешку. Затем они молча прошли по коридорам и комнатам, пока наконец не добрались до железной двери. Когда дверь распахнулась, за ней оказалась другая точно такая же, а за второй – третья. Последняя дверь вела в маленькую тускло освещенную комнату со стенами из белого металла, где была установлена некая конструкция поразительной гармонии и красоты. Почти целиком она состояла из тонких изящных паутинок. Алые, золотистые и серебряные нити, которые сейчас едва заметно касались лица Хоукмуна. Паутинки плавно покачивались, и чуть слышная музыка исходила от них.

– Она кажется живой, – произнес Хоукмун.

– А она и есть живая, – с гордостью отозвался барон. – Да, живая.

– Так это одушевленное существо?

– Колдовское создание. Я и сам не представляю толком, что это такое. Я сотворил ее по описанию, которое отыскал в одной древнейшей рукописи, что купил много лет назад у некоего путешественника с Востока. Перед вами машина Черного Камня, и очень скоро, мой дорогой герцог, вам предстоит познакомиться с ней поближе.

Где-то на самом доньшке души у Хоукмуна шевельнулся страх, но он подавил его и позволил алым, золотистым и серебряным паутинкам продолжить ласкать себя.

– Это еще не все, – объявил Калан. – Подойдите ближе. Она должна создать Черный Камень. Да, еще ближе, милорд. Войдите прямо в нее. Уверю вас, никаких неприятных ощущений не возникнет.

Хоукмун сделал шаг вперед. Паутинки зашелестели вокруг и принялись петь. Слух герцога ласкала чарующая музыка, и он, как замороженный, наблюдал за танцем волшебных нитей. Машина Черного Камня как будто усыпляла, нежно гладила его, и Хоукмуну казалось, будто она проникает прямо в него, сливаясь с его плотью, а он становится ею.

В голове внезапно возникло сильное давление, и его подхватило невыразимое чувство легкости и теплоты. словно невесомый, он плыл, теряя всякое представление о времени, но в то же время сознавал, что машина создает нечто плотное и твердое, и вживляет это ему в череп, в самую середину лба. словно третий глаз раскрылся во лбу у Хоукмуна, и мир предстал перед ним в совершенно ином свете. Но затем наваждение сгинуло, и прямо перед собой герцог увидел барона Калана, который даже снял маску, чтобы получше рассмотреть пленника.

На миг Хоукмун ощутил в голове приступ острой боли, но она почти тут же прошла. Он взглянул на машину. Все краски ее поблекли, и ажурные паутинки сморщились. Поднеся руку ко лбу, пленник с ужасом обнаружил там нечто, чего не было никогда раньше. Нечто гладкое и твердое, что отныне стало частью его самого. Герцог содрогнулся от ужаса. Барон Калан встревоженно покосился на него.

– Ну как, выдержали? Я не сомневался в успехе. Вы ведь не сошли с ума?

– Нет, не сошел, – отозвался Хоукмун медленно. – Но я напуган.

– Со временем вы привыкнете к Камню.

– Значит, у меня в голове камень?

– Да, Черный Камень. Погодите.

Отвернувшись, Калан сдернул покрывало алого бархата, закрывавшее плоский кусок молочно-белого кварца овальной формы около двух футов в длину. На нем стали проступать размытые очертания, и вдруг Хоукмун увидел изображение барона Калана, который рассматривал кусок кварца. Экран в точности отображал все то, что видел перед собой Хоукмун. Стоило герцогу слегка повернуть голову, как соответствующим образом менялось изображение на экране.

– Работает. Это потрясающе! – в восторге бормотал Калан. – Камень видит все, что видите вы, дорогой герцог. Куда бы вы ни пошли и что бы ни сделали, нам сразу станет об

этом известно.

Хоукмун попытался что-то сказать, но не смог. Дыхание его перехватило, и в груди что-то сжалось. Он вновь коснулся теплого камня, столь схожего с его плотью и столь чуждого ей.

– Что вы сделали со мной? – спросил он после долгого молчания. Голос его по-прежнему оставался бесстрастным.

– Нам было необходимо подстраховаться, – хихикнул Калан. – Сейчас у вас во лбу красуется часть живой машины, и стоит нам лишь пожелать, как вся ее энергия перейдет Черному Камню, тогда...

Хоукмун застыл:

– И что будет тогда?

– Камень разрушит ваш мозг, герцог Кельнский.

Барон Мелиадус Кройденский вел Дориана Хоукмуна сверкающими коридорами дворца; на поясе у герцога красовался меч. На нем были те же самые доспехи, что он носил в Кельнской битве. Коридоры понемногу расширялись, и вот наконец барон ввел Хоукмуна в огромное помещение, скорее напоминавшее широкую городскую улицу. Вдоль стен выстроились воины в масках Ордена Богомола. Массивные двери, сложенные из мозаичных плит, преградили им путь.

– Тронный зал, – шепотом объявил барон. – Сейчас вы узрите перед собой короля-императора.

Двери начали медленно открываться. Тронный зал ослепил Хоукмуна своим величием. Все вокруг сверкало и блестело, откуда-то слышалась музыка. С балконов, что рядами поднимались к куполообразному потолку, ниспадали пышные стяги пятисот самых благородных семей Гранбретании. Выстроившись вдоль стен и салютуя огнеметами, стояли солдаты Ордена Богомола в масках и черно-золотых доспехах. За ними толпились придворные. Сейчас все они с любопытством осматривали вошедших – барона Мелиадуса и герцога Хоукмуна.

На другом конце зала висело нечто странное, и Хоукмун поначалу никак не мог рассмотреть, что это такое. Он прищурился.

– Тронная Сфера, – шепотом пояснил Мелиадус. – Теперь следите за мной внимательно и повторяйте все мои движения.

С этими словами он двинулся вперед.

В зале царило настоящее буйство красок. Здесь было множество самых удивительных вещей, но Хоукмун не замечал ничего, ибо взор его был прикован к Сфере. Казавшиеся карликами в огромном тронном зале, Хоукмун с Мелиадусом размеренным шагом двигались вперед. Справа и слева от них в боковых галереях раздавались фанфары.

Подойдя чуть поближе, Хоукмун вскоре уже смог рассмотреть Тронную Сферу, и увиденное потрясло его. Сфера была заполнена молочно-белой жидкостью, которая слегка колыхалась. Временами казалось, будто на поверхности жидкости появляется радужное сияние, которое то исчезает, то возвращается вновь. В центре Сферы плавал невероятно древний старец с непропорционально крупной головой, который чем-то напомнил Хоукмуну человеческого зародыша. Кожа его была сморщенной, конечности почти атрофировались, но глаза... в глазах горела жизнь.

По примеру Мелиадуса, Хоукмун опустился перед Сферой на колени.

– Поднимитесь, – раздался голос.

Услышав его, Хоукмун вздрогнул. Голос доносился из Сферы, и это был звучный, мелодичный, полный жизни голос молодого человека, в самом расцвете сил и здоровья. На мгновение Хоукмун поразился – неужто это голос самого императора.

– Король-император, позвольте представить вам Дориана Хоукмуна, герцога Кельнского, которого я избрал для выполнения вашего задания. Помните ли, государь, я поделился с вами своим планом? – Мелиадус склонился в почтительном поклоне.

– Мы прилагаем немало усилий и изобретательности, чтобы заставить графа Брасса

сотрудничать с нами, – прозвучал пленительный голос. – Мы во всем полагаемся на вас, барон Мелиадус.

– И имеете для этого все основания. Вам известны мои прежние заслуги, ваше величество, – Мелиадус вновь поклонился.

– Не забыли ли вы предупредить герцога, какое наказание неизбежно ждет его, если он вздумает пойти на предательство? – зловеще спросил сладкозвучный голос. – Вы сказали ему, что мы способны уничтожить его, где бы он ни оказался?

Мелиадус кивнул.

– Он предупрежден обо всем, о могущественнейший император.

– А поведали ли вы ему, что камень в его черепе все видит и передает нам? – сладострастно спросил голос.

– Да, о благороднейший из монархов.

– И вы хорошо объяснили ему, барон, что стоит нам лишь заподозрить его в измене, – а сделать это будет очень просто, наблюдая за выражением лиц собеседников, – как мы тут же перенаправим в камень всю энергию машины? Сказали ли вы ему, что в этом случае камень разрушит его мозг и превратит его в жалкого безумца?

– Ему это известно, великий император.

Существо в Сфере тоненько захихикало.

– Взгляните на него, барон. По-моему, угроза безумия отнюдь не пугает нашего пленника. Вы уверены, что камень не успел подействовать на него?

– Это его обычное состояние, о бессмертный владыка. Глаза старца пристально уперлись в Дориана Хоукмуна:

– Герцог Кельнский, вы заключили сделку с бессмертным императором Гранбритании. Это был знак нашего милосердия – предложить нечто подобное одному из наших рабов. И вам надлежит служить нам верой и правдой, ежесекундно памятуя, что отныне судьба ваша связана с судьбой величайшей расы, когда-либо появлявшейся на этой планете. Наш интеллект и могущество дают нам право властвовать над землей. И очень скоро этим правом мы воспользуемся в полной мере. Любой, кто поможет нам в достижении этой благородной цели, заслужит наше одобрение и благодарность. Так ступайте же, герцог Кельнский, и постарайтесь заслужить его.

Сморщенная головка повернулась, острый язычок высунулся изо рта и коснулся крошечного шарика, плавающего у стены Сферы. Сфера начала гаснуть, и вот уже в ней остался виден лишь неясный силуэт похожего на эмбрион тела императора, последнего и бессмертного отпрыска династии, основанной почти три тысячелетия назад.

– Помни о силе Черного Камня, – промолвил на прощание старец, и сверкающая Сфера превратилась в тусклый черный шар.

На этом аудиенция подошла к концу. Кланяясь, Мелиадус с Хоукмуном попятнулись к дверям, затем, развернувшись, покинули тронный зал. Однако ни барон, ни его повелитель не могли предвидеть всех последствий этой встречи. В истерзанном мозгу Хоукмуна в самых тайных глубинах его сознания зародилось неясное возбуждение. Возможно, причиной тому был Черный Камень.

Впрочем, возможно также, что Хоукмун наконец понемногу начал приходить в себя и вновь делаться прежним. Либо это было что-то совершенно новое и неожиданное. Возможно, это действовал на него Рунный Посох.

ГЛАВА 4. ДОРОГА В ЗАМОК БРАСС

Дориан Хоукмун вновь вернулся в подземную темницу, и прошло целых два дня, прежде чем он вновь увиделся с бароном Мелиадусом. Барон принес ему доспехи из черной кожи, сапоги, латные перчатки, тяжелый кожаный плащ с капюшоном, клинок и черную маску скалящегося волка. Очевидно, и одежда, и оружие некогда были предназначены для самого барона.

– Теперь о том, что вас ждет в замке, – начал Мелиадус. – Ваш рассказ должен показаться графу Брассу убедительным. Вы попали ко мне в плен, но какой-то раб помог вам бежать. Вы усыпили меня и переоделись в мою одежду. Прежде чем я успел придти в себя, под видом барона Мелиадуса вам удалось покинуть границы Гранбретании. В общем, не стоит слишком мудрить. Чем проще история, тем она правдоподобнее. Это не только объяснит, как вам удалось вырваться из плена, но и вызовет уважение у тех, кто меня ненавидит.

– Понимаю, – отозвался Хоукмун, рассматривая доспехи. – Но как мне объяснить про Черный Камень?

– Это может быть следствием некоего эксперимента. Однако вы спаслись бегством раньше, чем вам успели причинить серьезный вред. Постарайтесь быть как можно убедительнее, Хоукмун, от этого зависит ваша жизнь. Мы будем наблюдать за реакцией графа и в особенности за этим пронырливым Ноблио. Разумеется, разговора вашего мы не услышим, однако нам ведомо искусство чтения по губам. Если у нас возникнет хоть тень сомнения в вашей верности, то мы тут же дадим камню жизнь.

– Я понимаю, – вымолвил Хоукмун ровно. Мелиадус нахмурил брови:

– Без сомнения, они заметят, что с вами что-то неладно, но, надеюсь, отнесут это на счет тех несчастий, что вам довелось пережить в плену. Пожалуй, это заставит их проявить еще большую заботу и внимательность.

Хоукмун рассеянно кивнул. Мелиадус взглянул на него в упор.

– В какие-то моменты, Хоукмун, вы почти внушаете мне опасения, и все же я не сомневаюсь в вашей преданности. Черный Камень лучшая тому гарантия, – он усмехнулся. – Ну ладно, орнитоптер ждет вас. На нем вы доберетесь до Дю-Вера, это город на побережье. Итак, собирайтесь, дорогой герцог, и достойно послужите империи. Если вы исполните мое задание, ваши владения будут вновь принадлежать вам.

Орнитоптер стоял на лужайке у самого входа в подземную тюрьму. Он был сделан из меди, серебра и латуни в форме гигантского грифона, сидящего на мощных львиных лапах, со сложенными за спиной сорокафутовыми крыльями. Орнитоптер потрясал своей красотой. В маленькой кабине за орлиной головой восседал пилот в маске Ордена Ворона, к которому принадлежали все пилоты Гранбретании. Его руки в перчатках лежали на пульте управления, украшенном самоцветами.

С определенной долей опасения Хоукмун, затянутый в доспехи Мелиадуса, забрался в кабину и занял место за спиной пилота. Ему пришлось изрядно повозиться, прежде чем удалось сносно пристроиться на узком длинном сиденье, где никак не помещался его большой меч.

Едва он успел ухватиться за ребристые металлические бока машины, как пилот вдавил рычаг, и крылья, раскрывшись, захлопали по воздуху со странным, отдающимся в ушах, гулом. Задрожав, орнитоптер начал было валиться набок, однако пилот сумел быстро выровнять машину. Хоукмуну было известно, что полеты на этих аппаратах – дело довольно опасное, и во время битвы под Кельном ему не раз доводилось видеть, как они складывают крылья и камнем рушатся на землю. И все же, несмотря на все свои недостатки, орнитоптеры оставались основной силой Империи Мрака, и именно благодаря им она сумела так стремительно покорить всю Европу. Ни у одного другого государства не было подобного оружия.

С силой оттолкнувшись от земли, грифон взлетел. Крылья били по воздуху (жалкая пародия на летящую птицу), и машина поднималась все выше, пока наконец самые высокие башни Лондры не остались далеко внизу. Они направились на юго-восток. У Хоукмуна к горлу неожиданно подступила тошнота, ему стало тяжело дышать.

Летающее чудовище вскоре миновало плотный слой облаков, и яркий солнечный свет, искрясь, заиграл на металлической чешуе.

В хрустальных глазах маски, закрывавшей лицо Хоукмуна, отражались тысячи крохотных радуг. Он закрыл веки.

Некоторое время спустя герцог ощутил, что орнитоптер снижается. Открыв глаза, он увидел, что их вновь окружают облака. Когда машина опустилась еще ниже, пред взором Хоукмуна предстали пепельно-серые поля, очертания небольшого городка и иссиня-лиловое море.

Неуклюже развернувшись, орнитоптер направился к большому плоскому камню, возвышавшемуся в центре города. Там он приземлился, неистово хлопая крыльями и сильно ударившись о каменную плиту, и, наконец, замер. Пилот дал знак вылезать наружу. Герцог выбрался из машины и, неуверенно держась на ногах, принялся разминать затекшее тело. Еще несколько орнитоптеров стояли на площадке. В этот момент один из них взлетел, и Хоукмуна едва не сбил сильный порыв ветра от взмахов крыльев.

– Дю-Вер, – объявил пилот, закрывая кабину. – Этот город принадлежит нашим воздушным силам, хотя в его гавань заходят также военные корабли.

В каменной плите Хоукмун внезапно обнаружил круглый люк. Остановившись у него, пилот несколько раз ударил по стальной крышке. Это был условный сигнал. Немного погодя крышка ушла вниз, показалась каменная лестница, и они стали спускаться. В проходе было темно и мрачно.

Наконец они выбрались на мощеную булыжником улицу, которая тянулась между большими квадратными зданиями. Казалось, весь город наводнен солдатами. Здесь можно было встретить летчиков в масках Воронов, матросов с военных кораблей в масках Рыб или Морских Змей, пехотинцев и кавалеристов в самых разнообразных личинах: Вепря, Волка, Черепа, Богомола, Быка, Собаки, Козла и многих других. Мечи ударяли по ногам, закованным в латы, бились об огнеметы, и повсюду слышался звон боевых доспехов.

Сперва Хоукмун никак не мог понять, почему, когда он пробирается сквозь толпу, все с таким почтением расступаются перед ним, но затем вспомнил, что на нем доспехи барона Мелиадуса. У ворот города Хоукмуна уже ждала приготовленная для него лошадь. К ее седлу были приторочены туго набитые сумки. Герцога заранее предупредили, какой дорогой ему надлежит ехать. Вскочив в седло, он направился к морю.

Облака вскоре рассеялись, пропуская солнечные лучи, и взору Дориана Хоукмуна впервые предстал Серебряный мост. Прекрасный и невероятно хрупкий на вид, мост сверкал на солнце и изящной дугой уходил за горизонт. В ширину он имел почти четверть мили. Ограждением служили сложные переплетения тончайших серебряных тросов, которые поддерживали многочисленные пилоны.

На мосту царило оживленное движение. Хоукмун увидел кареты, настолько изысканные, что невозможно было поверить в то, что они вообще способны передвигаться; эскадроны кавалеристов (лошади были в таких же пышных и красивых доспехах, как всадники); батальоны пехоты, марширующие с невероятной четкостью; торговые караваны; выючных животных, груженных тюками со всевозможными товарами, – здесь были меха, шелка, фрукты, овощи, сундуки со всяческим скарбом, канделябры, подсвечники, кровати, мебельные гарнитуры и многое другое. И почти все, как догадался Хоукмун, было награблено в странах, завоеванных войсками Империи Мрака.

Видел он также и военную технику – машины из стали и меди, некоторые из них были оснащены страшными острыми шипами для разрушения стен, напоминающими птичьи клювы, другие – вышками для ведения осады, третьи – длинными балками для метания ядер и камней. Рядом с машинами шествовали их создатели в масках Крота, Барсука и Хорька – инженеры Империи Мрака. Отчасти, благодаря могучему телосложению и крупным рукам, они походили на собственные детища. Но по сравнению с величием Серебряного моста, который, подобно орнитоптерам, считался одной из главных причин столь стремительных побед Гранбритании, все они казались лишь жалкими пигмеями.

Стражу у моста был отдан приказ пропустить Хоукмуна, так что герцог беспрепятственно въехал на вибрирующий от движения транспорта мост. Копыта лошади звонко зацокали по металлу. Вблизи мост несколько терял в своем величии. Проезжая часть была испещрена выбоинами и царапинами. То тут, то там виднелись кучи конского

навоза, грязное тряпье, солома и прочий мусор. Конечно, невозможно было поддерживать столь оживленную магистраль в идеальной чистоте, и все же, так или иначе, загаженный мост в какой-то мере был символом истинной сущности этой странной империи, именуемой Гранбританией.

Перебравшись по Серебряному мосту на другой берег, Хоукмун направился вглубь материка. Туда, где располагался недавно павший под натиском имперской мощи хрустальный город Парис. Там он собирался немного передохнуть. Однако до хрустального города был целый день езды, и потому он решил не останавливаться в Карли, ближайшем от моста городе, а подыскать какую-нибудь деревушку и уже утром отправиться дальше. Ближе к вечеру он въехал в небольшое селение с милыми аккуратными домиками и садами. Повсюду виднелись следы недавнего сражения, над деревушкой повисла тревожная тишина. Добравшись до постоялого двора, Хоукмун обнаружил, что двери заперты, спешился и забарабанил кулаком. Несколько минут спустя заскрипел засов, и в дверях показалось детское личико. Ребенок испугался при виде маски Волка. Неохотно распахнув дверь, он все же впустил Хоукмуна. Тот вошел в дом и поспешил снять маску, чтобы успокоить ребенка. Он даже попробовал улыбнуться, но поскольку давно забыл, как это делается, гримаса вышла несколько натянутой. Мальчик, похоже, принял это за знак недовольства и отпрянул, ожидая удара.

– Я тебе ничего плохого не сделаю, – промолвил Хоукмун. – Просто присмотри за моей лошадей, приготовь постель и дай мне поесть, я уеду на рассвете.

– Господин, у нас только самая простая пища, – чуть приободрившись, пробормотал мальчик в ответ.

За долгие годы нескончаемых войн люди в Европе уже привыкли ко всему, и, по сути, нашествие гранбританцев не принесло им ничего нового. Однако свирепость завоевателей оказалась для них неожиданностью, и было совершенно ясно, что ребенок боится и ненавидит Хоукмуна, не ожидая от него даже самой обычной справедливости.

– Я неприхотлив. Принеси, что есть. Мне нужно лишь утолить голод и выспаться.

– Господин, у нас все забрали. Если мы... Хоукмун жестом прервал его:

– Меня это не интересует, дитя. Я жду.

Он обвел взглядом комнату и в углу заметил двух старцев, которые что-то пили из больших кружек. Они старательно избегали встретиться взглядом с вновь пришедшим. Подойдя к маленькому столику в центре зала, герцог скинул плащ и перчатки, затем тяжело опустился на стул.

Маску Волка он положил на пол, у ножки стула, что для лорда Империи Мрака было весьма необычно. Он заметил устремленные на него взгляды мужчин, затем услышал, как они принялись возбужденно перешептываться, и понял, что люди увидели Черный Камень. Мальчик принес кружку разбавленного эля и несколько жалких кусочков жареной свинины. Похоже, ничего лучшего у них действительно не имелось. Отужинав, Хоукмун велел, чтобы его проводили в комнату. Оставшись один, он скинул доспехи, умылся, забрался под грубое покрывало и вскоре погрузился в сон. Ночью что-то разбудило его, и, толком не понимая, что делает, он выбрался из постели и глянул в окно. Ему показалось, что в лунном свете вырисовывается темная фигура всадника. Это был воин, с ног до головы закованный в латы. Забрало шлема закрывало его лицо. Хоукму-ну показалось, он заметил золотистый блеск и что-то черное на доспехах незнакомца. Затем, развернув коня, воин исчез.

Терзаемый недобрыми предчувствиями, Хоукмун вернулся в постель, и сон тут же принял его в свои объятия, а поутру герцог никак не мог решить, приснился ему этот воин или нет. С момента своего пленения Хоукмун ни разу не видел снов. Слабая искорка любопытства заставила его призадуматься, пока он одевался, но уже к тому времени, как он спустился в зал для завтрака, все эти мысли выветрились из памяти.

До Париса Хоукмун добрался только к вечеру. Хрустальный город, выстроенный из чистейшего кварца, был залит светом, и кругом стоял звон стеклянных украшений, которыми жители Париса щедро украшали свои дома, городские здания и памятники. Город был

настолько прекрасен, что даже полководцы Империи Мрака не осмелились разрушить его и предпочли стремительному штурму долгую многомесячную осаду.

И все же следы нового правления были заметны повсюду, начиная с важно расхаживающих по улицам воинов и перепуганных местных жителей, и заканчивая боевыми стягами, что развевались на домах, принадлежавших некогда знатным семействам города. Сейчас здесь красовались знамена Йорика Нанкенсена, магистра Ордена Мухи, Адаза Промпа, магистра Ордена Пса, Мигеля Хольста, эрцгерцога Лондры, и Азровака Микосеваара, наемника из Московии, командира Легиона Стервятников, предателя и убийцы, который служил Гранбретании уже тогда, когда планы завоевания Европы были пока лишь на бумаге. Этот безумный москвит был под стать своим хозяевам. Знаменитое знамя наемника с вышитым на нем алыми шелковыми нитями лозунгом «Смерть во имя жизни» вселяло ужас в сердца его врагов. Хоукмун решил, что, должно быть, Азровак Микосеваар ныне отдыхает в хрустальном городе. Трупы притягивали москвита как розы – пчел, и он всегда старался оказаться в самой гуще сражения.

Закат солнца словно залил кровью городские улицы, и Хоукмун, слишком утомленный, чтобы продолжать путь, был вынужден остановиться в гостинице, о которой говорил ему Мелиадус, и провести там ночь. Он пробудился к полудню и, позавтракав, двинулся дальше. Позади осталась лишь половина пути.

Наступление империи остановилось за городом Лионсом, но сама дорога казалась там дорогой в ад. По обочинам высились деревянные кресты и виселицы, на которых висели мужчины и женщины, дети и даже, вероятно, для забавы, домашние животные – кошки, собаки, кролики. Можно было видеть людей, распятых целыми семьями – от крошечных младенцев до дряхлых стариков.

Лошадь Хоукмуна по лионской дороге едва переставляла ноги, и запах тления жег герцогу ноздри и мучил рассудок. Огонь уничтожил города и деревни, превратил поля и леса в пепелище. Воздух был тяжелым от гари и смрада. Уделом людей, выживших в этом кошмаре, независимо от прежних заслуг и званий, стало нищенство. Правда, молодые женщины могли еще сделаться шлюхами, а мужчины, пав на колени, принести клятву верности королю-императору.

И если чуть раньше в душе у Хоукмуна вспыхнули искры любопытства, точно так же сейчас он ощутил слабое чувство отвращения. В маске Волка никто не осмеливался остановить его по дороге к Лионсу, никто не задавал ему вопросов. Солдаты Ордена Волка воевали в основном на севере, и потому Хоукмун чувствовал себя относительно спокойно, не опасаясь, что кому-нибудь из «собратьев» вздумается обратиться к нему на тайном орденом языке. За Ли-онсом дорогу патрулировали отряды гранбретанцев, и Хоукмун решил не рисковать и свернул в чистое поле. Убрав маску в одну из опустевших седельных сумок, он стремительно поскакал вперед. Теперь он очутился на свободной земле, где даже воздух казался ему поразительно свежим и душистым, и все же даже здесь ощущался затаенный страх... Страх перед грядущим.

В городе Валенсе, где жители еще только готовились дать отпор войскам Империи Мрака, многословно обсуждая стратегию и строя несбыточные планы, Хоукмун получил возможность проверить, достаточно ли достоверно звучит его рассказ.

– Мое имя Дориан Хоукмун Кельнский, – объявил он капитану, когда его проводили на переполненный постоялый двор.

Поставив ногу на большую деревянную скамью, капитан вперился в него взглядом.

– Герцога Кельнского захватили в плен гранбретанцы и, должно быть, давно уже казнили, – объявил он. – По-моему, ты шпион.

Спорить Хоукмун не стал. Он поведал историю, придуманную Мелиадусом, описал свой плен и побег, и странный тон его голоса убедил капитана в правдивости рассказа куда больше, чем сама история. Затем через толпу, выкрикивая имя Хоукмуна, пробрался какой-то мужчина в разодранной кольчуге. Обернувшись, Хоукмун узнал эмблему на плаще воина. То был герб Кельна. Это оказался один из немногих солдат, уцелевших в последнем

сражении. Он поведал капитану и всем собравшимся о Хоукмуне, расписав яркими красками его отвагу и воинское искусство, так что в тот вечер Дориан Хоукмун был провозглашен в Валенсе истинным героем.

Ночью, пока народ праздновал его возвращение, Хоукмун поведал графу, что направляется в Камарг, в надежде, что ему удастся убедить графа Брасса возглавить поход против империи. Капитан лишь покачал головой в ответ.

– Граф Брасс не желает принимать в этом участия, – промолвил он. – Впрочем, возможно, вас он согласится выслушать. Надеюсь, дорогой герцог, удача будет на вашей стороне.

Хоукмун покинул Валенс на следующее утро и направился к югу. Навстречу ему с суровыми лицами шли и ехали воины, готовые сразиться с Империей Мрака.

Чем ближе оказывался Хоукмун к цели своего путешествия, тем сильнее дул ветер. И вот, наконец, взору его предстали знаменитые болота Камарга. В заводях поблескивала вода, и камыш склонялся под порывами мистраля.

Он подъехал к одной из высоких старинных сторожевых башен и, заведя вспышки гелиографа, понял, что в замке Брасс узнают о прибытии гостя задолго до того, как он туда доберется. Лошадь не спеша продвигалась по петляющим болотным тропам, и Хоукмун, крепко держась в седле, безучастно разглядывал красоты Камарга. Рябь бежала по болотной воде, птицы парили в бесцветном тусклом небе.

У замка Брасс Хоукмун оказался в сумерках, и вид террас и изящных башенок, четко вырисовывавшихся на фоне предзакатного неба, не вызвал в его сердце никаких особых чувств.

ГЛАВА 5. ВОСКРЕШЕНИЕ

Вновь наполнив вином кубок Дориана Хоукмуна, граф Брасс негромко обратился к гостю:

– Прошу вас, продолжайте, милорд.

Вот уже второй раз Хоукмун повторял свою историю. В парадном замке графа Брасса его собрались послушать сам граф, прелестная Иссельда, молчаливый Ноблио и фон Виллах, который то и дело приглаживал усы и хмуро пялился в огонь.

– ...Вот почему, граф Брасс, я отправился искать помощи в Камарге, зная, что только здесь могу оказаться в безопасности, – закончил свое повествование Дориан Хоукмун.

– Вы здесь желанный гость, – объявил граф. – Но неужели, кроме, убежища вам более ничего не нужно?

– Ничего.

– И вы не просите, чтобы мы выступили против Гранбретании! – воскликнул Ноблио.

– Я сам сделал эту ошибку и слишком дорого заплатил за нее, чтобы теперь уговаривать и других впустую рискнуть жизнью, – отозвался Хоукмун.

Вид у Иссельды был разочарованный. Судя по всему, большинство собравшихся в зале, если не считать мудрого графа, желали войны с Гранбретанией. Возможно, при этом они преследовали разные цели. Иссельда, скорее всего, надеялась отомстить Мелиадусу. Ноблио исходил из абстрактного желания уничтожить мировое зло, а фон Виллах просто желал поразмяться и помахать мечом, как в старые добрые времена.

– Вот и прекрасно, – воскликнул граф. – Ибо все эти бесчисленные просьбы утомили меня. Ну, а сейчас... у вас очень усталый вид, милорд, а мы своими расспросами, боюсь, замучили вас окончательно. Пойдемте, я покажу вам ваши покои.

Итак, все прошло успешно. Однако Хоукмуну обман не доставил никакого удовольствия. Он лгал лишь потому, что ему было приказано это сделать. Граф провел Хоукмуна в отведенные ему апартаменты. Там была спальня, ванная комната и небольшой кабинет.

– Надеюсь, вам здесь будет удобно, дорогой герцог.

– Конечно, – просто ответил Хоукмун.

Граф уже собрался было уйти, но остановился в дверях.

– Этот камень у вас во лбу... – медленно произнес он. – Вы говорите, Мелиадус не успел завершить свой эксперимент?

– Именно так.

– Понимаю, – граф задумчиво уставился в пол. – Возможно, если вас это беспокоит, я сумел бы помочь вам удалить его...

– Нет, благодарю вас, это ни к чему, – отозвался Хоукмун.

– Ясно, – с этими словами граф вышел из комнаты.

Ночью Хоукмун неожиданно пробудился. Нечто подобное произошло с ним несколько дней назад в деревенском трактире. Ему вновь показалось, что он видит в комнате человека – того самого воина, закованного в черные с золотом доспехи, но в тот же миг его отяжелевшие от сна веки сомкнулись, а когда он вновь распахнул глаза, в комнате никого не было.

В душе Хоукмуна зародилось странное противоречие – возможно, противоречие между человеколюбием и его отсутствием или между совестью и отсутствием ее, если, конечно, подобное противоречие вообще может существовать.

Впрочем, что бы ни послужило тому причиной, несомненно было одно – характер Хоукмуна вновь начал меняться. Разумеется, это был уже не тот Дориан Хоукмун, что так отважно сражался в битве при Кельне, однако и не тот, что, впад в состояние апатии, готов был сгинуть в зловонном подземелье Лондры, но совершенно новый, словно рожденный заново человек.

Однако признаки этого перерождения пока еще оставались едва заметны и нуждались в своего рода толчке, как, впрочем, и в определенном окружении.

Тем не менее, ранним утром Хоукмун проснулся с одной-единственной мыслью – как бы поскорее похитить Иссельду и вернуться в Гранбретанию, чтобы там избавиться от Черного Камня и получить обратно во владение земли своих предков.

В коридоре он встретился с Ноблио.

– Доброе утро, дражайший герцог, – приветствовал его философ, взяв гостя под руку. – Не пожелаете ли вы немного рассказать мне о Лон-дре? Я много путешествовал, однако там мне побывать не доводилось.

Хоукмун обернулся и взглянул на него, прекрасно осознавая, что сейчас владыки Гранбретании видят лицо поэта. Однако в глазах Ноблио читался неподдельный интерес, и Хоукмун решил, что в просьбе философа не содержится ничего, кроме обычного человеческого любопытства.

– Это огромный сумрачный город, – ответил Хоукмун. – Загадочная архитектура и множество всяких сложностей.

– А его дух? Истинный дух Лондры, каково ваше впечатление о нем?

– Мощь, – обьявил Хоукмун. – Уверенность в своих силах.

– Безумие?

– Боюсь, перед вами не тот человек, который способен определить, что безумно, а что нет, господин Ноблио. Впрочем, сдается, вы и меня самого находите довольно странным, не правда ли?

Подобный поворот разговора застиг Ноблио врасплох, и он удивленно покосился на Хоукмуна.

– Ну... почему вы об этом спрашиваете?

– Потому что ваши вопросы кажутся мне совершенно лишены смысла. Поверьте, я не желаю вас обидеть, – Хоукмун потер подбородок, – но я и вправду нахожу их совершенно абсурдными.

По широкой лестнице они начали спускаться в парадный зал, где уже был накрыт стол для завтрака и где старый фон Виллах уже перекладывал себе на тарелку большой кусок жареного мяса с подноса, принесенного слугой.

– В чем смысл? – пробормотал Ноблио. – Вы не знаете, что такое безумие, мне неведомо, что есть смысл.

– Мне нечего вам сказать, – промолвил Хоукмун.

– Вы замкнулись в себе. Это и неудивительно, столько всего вынести, – с сочувствием в голосе промолвил Ноблио. – Подобное случается. Словно что-то отмирает в душе. Сейчас все, что вам нужно, это хорошая пища и приятное общество. Вы правильно сделали, что приехали именно сюда, в замок Брасс. Возможно, вас послало само провидение.

Хоукмун выслушал философа без всякого интереса, пристально наблюдая за Иссельдой, которая как раз спускалась по противоположной лестнице и улыбалась гостям.

– Хорошо ли вы отдохнули, герцог? – спросила она. Не дав Хоукмуну ответить, Ноблио произнес:

– Ему пришлось куда хуже, чем мы предполагали, и мне думается, нашему гостю понадобится не меньше двух недель, чтобы полностью прийти в себя.

– Не желаете ли присоединиться ко мне нынче утром, милорд? – предложила Иссельда. – Я покажу вам сад. Он восхитителен даже среди зимы.

– С радостью, – ответил Хоукмун.

Ноблио улыбнулся, ибо понял, что страдания Хоукмуна тронули пылкое сердце Иссельды. Кроме того, подумал он, для герцога не может быть лучшего лекарства, чем живое внимание милой сострадательной девушки.

Они не торопясь гуляли по террасам сада. Здесь росли вечнозеленые растения, зимние цветы и овощи. Небо было ясным, ярко светило солнце. От холодного ветра их защищали теплые меховые плащи. Они любовались крышами городских зданий, повсюду царили тишина и покой. Иссельда, взяв Хоукмуна под руку, весело щебетала, не ожидая ответа от своего красивого, неизменно печального спутника. Поначалу, правда, Черный Камень несколько смущал ее, но затем она решила, что это украшение мало чем отличается от диадемы из самоцветов, под которую она порой убирает волосы.

Юная душа Иссельды страстно жаждала любви, и чувства, разбуженные в ней бароном Мелиадусом, искали выхода. Иссельда рада была предложить свою любовь этому сумрачному суровому герою Кельна в надежде, что это поможет залечить его душевные раны.

Она заметила, что неподдельный интерес вспыхивает в глазах герцога, лишь когда она заговаривает о его родных краях.

– Расскажите мне о Кельне, – попросила она. – Не о том, какой он сейчас, а о том, каким он был прежде или каким станет в один прекрасный день.

Слова ее напомнили Хоукмуну об обещании Мелиадуса. Отвернувшись от девушки, он, скрестив руки на груди, молча уставился в чистое зимнее небо.

– Кельн, – повторила она чуть слышно. – Он похож на Камарг?

– Нет, – герцог посмотрел на крыши домов далеко внизу. – Нет, Камарг – дикий край, и всегда был таким. В Кельне же во всем чувствуется заботливая рука человека. Возделанные поля, каналы, узкие петляющие дороги, фермы, деревни. Кельн – это маленькая страна, где тучные коровы и откормленные овцы пасутся на заливных лугах с мягкой и сочной травой, дающей приют кроликам и полевым мышам среди стогов душистого сена. В Кельне живут добрые скромные люди, они очень любят детей. Дома там старые и такие же простые, как их хозяева. В Кельне не было ничего мрачного, пока туда не явились гранбретанцы. Словно обрушилась лавина огня и стали. Империя Мрака оставила на плоти Кельна свой след, как шрам от меча и пламени факела.

Хоукмун вздохнул и с печалью продолжил:

– Огонь и меч вместо бороны и плуга. – Обернувшись, он посмотрел на девушку. – Изгороди пошли на изготовление крестов и виселиц, трупы животных заполнили каналы и отравили земли, камни домов превратились в снаряды для катапульта, а людям пришлось или стать солдатами, или погибнуть. Другого выбора им не оставили.

Иссельда тронула его за плечо:

– Вы говорите об этом, словно о чем-то давно минувшем. Огонь вновь погас в его глазах.

– Все верно, так оно и есть. Это словно давнишний сон. И сейчас он мало что для меня значит.

Однако Иссельда чувствовала, что отыскала способ проникнуть в его душу и помочь ему.

А Хоукмун вспомнил, чего может лишиться, если вовремя не доставит девушку владыкам Гранбретании, и с готовностью принял ее участие, хотя по совершенно иным причинам, нежели она себе воображала.

Во дворе их встретил граф. Он осматривал старую лошадь и беседовал с конюхом.

– Она уже отслужила свое, – пояснил граф. – Пусть теперь пасется на травке.

Затем он подошел к дочери и Хоукмуну.

– Господин Ноблио сказал мне, что вы слабее, чем мы думали, – обратился он к Хоукмуну. – Можете оставаться в замке Брасс, сколько вам будет угодно. Надеюсь, Иссельда не слишком утомила вас беседой.

– Нет, что вы. Я отдыхаю, прогуливаясь с ней.

– Вот и прекрасно. Вечером у нас будет небольшой праздник. Я попросил Ноблио почитать нам что-нибудь из его последних сочинений. Он обещал подыскать нечто легкое и остроумное. Надеюсь, вам это доставит удовольствие.

Хоукмуну почудилось, будто граф смотрит на него с каким-то особым вниманием. Неужто он догадался о цели его приезда? Брасс славился своим умом и проницательностью. Но если уж сам барон Калан не смог разобраться в герцоге, то, несомненно, и графу это окажется не по силам. Хоукмун решил, что нет причин для опасений, и позволил Иссельде увести себя в замок.

В тот вечер был устроен торжественный ужин, и граф не поскупился на угощение. За столом собрались самые почтенные граждане Камарга, несколько самых известных скотоводов и тореадоров, в том числе и вполне оправившийся от ранений Мэтан Джаст, которого граф год назад спас на корриде.

Дичь и рыба, несколько сортов мяса, всевозможные овощи, разнообразные напитки, эль и множество превосходных соусов и гарниров – все это было выставлено на длинном широком столе. Дориан Хоукмун сидел по правую руку от графа. По левую восседал Мэтан Джаст, победитель в последней корриде. Джаст преклонялся перед графом и так благоговел перед ним, что тому порой делалось неловко. Рядом с Хоукмуном сидела Иссельда, а напротив нее – Ноблио. На другом конце стола расположился одетый в пышные меха старый Зонзак Элькарэ, знаменитый скотовод Камарга. Он много ел и часто смеялся. Рядом с ним сидел фон Виллах, и оба почтенных мужа казались весьма довольными друг другом.

Пиршество близилось к концу, сладостям, конфетам и знаменитому камаргскому сыру воздали должное, и перед каждым гостем поставили по три кувшина с разными винами, небольшой бочонок эля и вместительный кубок. Перед Иссельдой стоял лишь один кувшин и маленький бокал, хотя за ужином она пила не меньше мужчин.

Вино помогло Хоукмуну немного расслабиться, и он стал даже чуть более оживленным. Раз или два на губах его появилась улыбка, и если уж он и не отвечал на чужие шутки, то хотя бы не подавлял гостей своим мрачным выражением лица.

– Ноблио, – раздался голос графа. – Вы обещали нам балладу! Ноблио с улыбкой поднялся с места. Лицо его, как и у остальных пирующих, покраснелось от вина и обильного угощения.

– Баллада называется «Порицание лести». Надеюсь, она вас позабавит.

С этими словами он принялся читать:

Чтоб воспеть улыбку милой, Жемчуг песнопевцу нужен: Как же он прославит зубки, Не упомянув жемчужин? А вот зубы коренные, Не в пример передним, нищи, Хоть на них лежит забота Пережевьсванья пищи. В мадригалах и сонетах Непременнейшие гости – Перламутровые ушки, Носики слоновой кости. Чем же провинились локти, Что о них молчат

поэты?...

Граф Брасс с улыбкой следил за серьезным выражением на лице Ноблио, который с большим чувством читал свое творение, щедро разукрашенное напыщенными выражениями и сложными рифмами. Оглянувшись по сторонам, Хоукмун увидел, что некоторые гости удивлены, другие, уже изрядно опьяневшие, довольно улыбаются. Сам он оставался бесстрастен. Иссельда, наклонившись к нему, что-то прошептала, но он не расслышал ее слов.

Челюсти, виски и скулы
Тоже вовсе не воспеты.
В виршах множество сравнений
Для слезинок вые найдете,
Но не сыщете полслова
О слюне и о мокроте.
Если дева плачет – бисер
И роса идут тут в дело;
Ну, а что мне надо вспомнить,
Если милая вспотела?...

– Что это он несет? – пробурчал фон Виллах.

– Речь идет о давно минувших временах, – прошептал в ответ Зонзак Элькарэ. – Еще до Тысячелетия Ужаса.

– Я бы предпочел военную песню.

Зонзак Элькарэ жестом попросил его не шуметь, и Ноблио продолжил:

Кудри – золото, но если, Веря стихотворной справке, Локон я подам меняле, Выгонят меня из лавки. Были женщины из мяса И костей; теперь поэты Видят розы в них и маки, Лилии и первоцветы. Эх, зеленщики-поэты! Женщинам вы не польстили, Прелести их воспевая... В этом травянистом стиле.

Слов поэмы Хоукмун почти не разбирал, однако ритм стиха странным образом воздействовал на него. Сперва он решил, будто это вино, но потом понял, что мозг его временами словно начинает пульсировать, и давно забытые чувства пробуждаются в душе. Он покачнулся на стуле.

Пристально покосившись на Хоукмуна, Ноблио продолжил чтение, сопровождая слова выразительными жестами:

Нет, с кораллом целоваться
Было б делом невеселым,
Так же, как лобзать гвоздики
Сладостно лишь разве пчелам.
Очи зарятся на деньги,
А уста подарков просят,
И, однако виршеплеты
Без конца их превозносят.

– Вам дурно, милорд? – наклонившись к Хоукмуну, обеспокоенно спросила Иссельда.

– Нет, спасибо, со мной все в порядке.

Он обеспокоился, не прогневал ли чем-нибудь владык Гранбретании и не дали ли они жизнь Черному Камню. Все плыло у него перед глазами...

А ведь есть тихони-бедра,
Есть бессребреницы-ляжки,
Коим не присущи зависть

И спесивые замашки.
Вот кому за бескорыстье
Посвящать должны поэты
Оды, стансы, и канцоны,
И романсы, и сонеты.

Теперь перед глазами Хоукмуна стояла только фигура и лицо Ноблио. Он не слышал ничего, кроме ритма и рифм поэмы. Их очарование поражало его. Даже если предположить, будто Ноблио действительно решил околдовать его... Но непонятно, зачем это могло ему понадобиться...

А рубинам ненасытным
И сапфирам завидующим
Лишь презрение вместо гимнов
Пусть достанется в грядущем.
Алчные уста, о коих
Приторный несете вздор вы,
Называть бы надлежало
Устьями бездонной прорвы.

У Хоукмуна вырвался судорожный вздох, как у человека, неожиданно угодившего в ледяную воду. Иссельда коснулась рукой его мокрого от пота лба. В ласковых глазах ее читалась тревога.

– Милорд...

Хоукмун смотрел на Ноблио, словно замороженный... Сидевший напротив фон Виллах ударил кубком по столу.

– Полностью согласен. Почему бы лучше не прочесть «Битву в горах»? Это прекрасное...

Глазки, в коих блещет жадность,
Это язва моровая,
Зубки, рвущие добычу, —
Хищная воронья стая.
Разорительны прически,
Так что волосы...

Хоукмун смутно ощущал прикосновение Иссельды, но ее слова звучали для него пустым звуком. Не отрываясь, он смотрел на Ноблио и слышал только его. Бокал выпал из руки герцога. Ему стало дурно, но граф Брасс, сидевший рядом, даже не пошевелинулся, чтобы прийти ему на помощь. Он взглянул сперва на Хоукмуна, затем на Ноблио, и в глазах его мелькнула едва уловимая насмешка...

Даже черные, как сажа,
Могут зваться золотыми.
Знай: слагая гимны зубкам,
Не вкусишь ты жизни мирной,
Тошей стервой поперхнешься
Или будешь съеден жирной.

Вскочив на ноги, Хоукмун попытался что-то сказать Ноблио, но тут же рухнул на стол, опрокинув бокал.

– Он что, пьян? – с нескрываемым презрением спросил фон Виллах.

– Ему дурно! – вскричала Иссельда. – Он болен!

– Не думаю, что он пьян, – промолвил граф, склоняясь над телом Хоукмуна и приподнимая ему веко. – Однако вне всяких сомнений, он лишился чувств.

Взглянув на Ноблио, он улыбнулся, и философ, пожав плечами, также ответил ему улыбкой.

– Полагаю, граф, для вас в этом не было неожиданности, – заметил он.

Хоукмун всю ночь провалялся в беспамятстве и пришел в себя лишь под утро. Первым, кого он увидел, был Ноблио, склонившийся над ним. Как видно, в замке тот исполнял также функции лекаря. Чем был вызван обморок, Хоукмун не знал. То ли причиной было вино, то ли Черный Камень, то ли поэма Ноблио. Как бы то ни было, чувствовал он себя хуже некуда.

– У вас жар, дорогой герцог, – негромко сказал ему Ноблио. – Но мы вас вылечим, не тревожьтесь.

Затем в комнату вошла Иссельда и присела на краешек постели. Она улыбнулась Хоукмуну.

– Ноблио говорит, что все будет в порядке. Я стану ухаживать за вами, и вы вскоре поправитесь.

При взгляде на нее волна давно забытых чувств всколыхнулась в сердце Хоукмуна.

– Леди Иссельда...

– Что, милорд?

– Я... благодарю вас...

Он обвел комнату смущенным взором и внезапно за спиной услышал голос графа:

– Ничего больше не говорите. Отдыхайте. Следите за своими мыслями и постарайтесь немного поспать.

Иссельда поднесла бокал к губам герцога, он выпил прохладную жидкость и вскоре вновь заснул.

Жар прошел на следующий день, но Дориан Хоукмун по-прежнему пребывал в каком-то странном оцепенении, словно все внутри у него онемело. Он даже подумал, не дали ли ему какого-то наркотического зелья.

После завтрака к нему подошла Иссельда, немного поболтала о погоде и спросила, не хочет ли он выйти с ней погулять. Потерев лоб, Хоукмун ощутил под рукой пугающее тепло Черного Камня и с тревогой опустил руку.

– Вам по-прежнему нездоровится, дорогой герцог? – спросила его Иссельда.

– Нет... Я просто... – Хоукмун вздохнул. – Не знаю... со мной творится что-то неладное.

– Свежий воздух пойдет вам на пользу. Хоукмун покорно поднялся...

В воздухе витали чудные ароматы. Кусты и деревья резко очерчивались на фоне яркого зимнего неба.

Прикосновение руки девушки всколыхнуло давно умершие чувства. Это было столь же прекрасно, как дуновение ветерка или вид зимнего сада, и в то же время он не мог отделаться от страха, страха перед Черным Камнем, ибо ни на миг не сомневался, что камень уничтожит его, стоит только тем чувствам, что зарождались сейчас в его сердце, хоть чем-то ненароком выдать себя. Кроме того, Хоукмуна не покидало подозрение, будто граф Брасс и остальные что-то от него скрывают и, по-видимому, догадываются о цели его приезда. Он мог бы прямо сейчас схватить девушку, выкрасть лошадь и, возможно, сумел бы бежать из Камарга. Герцог взглянул на Иссельду. Она ответила ему любезной улыбкой.

– Ну как, милорд, вам лучше?

Он смотрел на нее, не отрываясь, и в душе его бушевали противоречивые чувства.

– Лучше? – переспросил он хрипло. – Честное слово, не уверен...

– Вы утомлены?

– Нет.

У Хоукмуна внезапно заболела голова, и он вновь испугался. Он протянул руку к девушке. Думая, что ему вновь стало не по себе, Иссельда попыталась его поддержать. Руки

герцога опустили. Он ничего не мог с собой поделать.

– Вы слишком добры ко мне, – выдавил он.

– Вы странный человек, – промолвила она, словно сама в себе. – И очень несчастный.

– Это верно...

Отстранившись от нее, он зашагал по тропинке к краю террасы. Могут ли владыки империи догадываться о том, что творится в его сердце? Едва ли. Но с другой стороны, они слишком подозрительны. Если им почудится неладное, они способны в любой миг дать камню жизнь. Глубоко вздохнув, он набрал в легкие морозного воздуха и расправил плечи, вспоминая, что сказал граф Брасс накануне утром. «Следите за своими мыслями»... Голова заболела еще сильнее. Он вернулся к Иссельде.

– Полагаю, нам следует пойти обратно в замок.

В ответ она кивнула, взяла его под руку, и они вместе пошли по дорожке.

Хозяин замка встретил их в парадном зале. На лице его не было ничего, кроме дружеского участия, так что, судя по всему, подозрения Хоукмуна оказывались совершенно беспочвенными, но может статься, подумалось ему, все дело в том, что граф Брасс догадывается о природе Черного Камня, но старается не выказать этого, дабы обмануть и сам камень, и владык Темной Империи.

– Герцог еще не вполне здоров, – промолвила Иссельда.

– Какая досада, – ответил граф. – Вы в чем-нибудь нуждаетесь, милорд?

– Нет, – поспешил ответить Хоукмун, – мне ничего не нужно. Благодарю.

Направляясь к лестнице, он старался ступать твердо и уверенно. Иссельда шла рядом, поддерживая его под руку. У дверей в свои покои он остановился и взглянул на нее. В широко раскрытых глазах девушки читалось искреннее сочувствие. Она подняла свою нежную руку и на миг коснулась его щеки. От этого прикосновения Хоукмуна бросило в дрожь, и он глубоко вздохнул. Затем она повернулась и проворно бросилась прочь по лестнице.

Войдя в свои апартаменты, Хоукмун рухнул на постель. Все тело его ныло от напряжения. Он часто дышал и отчаянно пытался понять, что творится с ним и откуда эта ужасающая боль в голове. В конце концов его сморил сон.

Он проснулся около полудня, ощущая во всем теле странную слабость. Но боль почти прошла. Рядом с кроватью сидел Ноблио.

– Я ошибался, когда сказал, что вы идете на поправку, – произнес он.

– Что со мной творится? – пробормотал Хоукмун.

– Судя по всему, этот приступ лихорадки вызван невзгодами, выпавшими на вашу долю, и, боюсь, мы тоже повредили вам своим гостеприимством. Нельзя было давать вам столько жирной пищи и крепкого вина. Нам следовало бы помнить об этом. Но не огорчайтесь, дорогой герцог. Скоро вы будете в полном порядке.

Ни единому слову Хоукмун не поверил, однако он хранил молчание. Неожиданно слева от себя он услышал кашель, но, повернув голову, увидел лишь приоткрытую дверь, ведущую в чулан. Там кто-то был. Он вопросительно покосился на Ноблио, однако философ сделал вид, будто ничего не слышал, и продолжал проверять его пульс.

– Ничего не бойтесь, – донесся голос графа из чулана. Мы хотим помочь вам. Нам известно, что это за камень у вас во лбу. Когда почувствуете себя лучше, спускайтесь в зал. Ноблио встретит вас там и заведет какой-нибудь пустяшный разговор. И не удивляйтесь, если что-нибудь в его поведении покажется вам странным.

Ноблио со вздохом поднялся со стула:

– Ну вот, милорд, скоро вы поправитесь. Отдыхайте. Хоукмун следил взглядом за философом, пока тот не скрылся за дверью. Потом он услышал шаги. Это ушел граф Брасс. Но как они узнали истину? И чем это может для него обернуться? Должно быть, гранбританские владыки уже всю гадают, что происходит в замке, и подозревают неладное. В любой миг они способны дать камню жизнь, и почему-то сейчас это встревожило Хоукмуна куда сильнее, чем раньше.

Герцог решил, что ему ничего не остается, кроме как повиноваться графу Брассу, хотя если тот действительно узнал, зачем он явился в Камарг, то мщение его, вероятно, будет не менее жестоким, чем расправа владык Гранбретании.

Вечером, когда сумерки опустились на город, Хоукмун поднялся с постели и спустился в парадный зал. Там не было ни души. Он озирался по сторонам в мерцающем свете каминного пламени и размышлял, в какую переделку угодил на сей раз.

Вскоре из дальней двери появился Ноблио и, улыбаясь, подошел к герцогу. Губы философа беззвучно шевелились. Затем Ноблио, склонив голову, сделал вид, будто внимательно выслушивает ответ Хоукмуна, и лишь тогда герцог осознал, наконец, что все это представление предназначено для тех, кто наблюдает за ними с помощью Черного Камня.

Услышав шаги за спиной, Хоукмун не обернулся, продолжая делать вид, будто беседует с философом. Чуть погодя сзади послышался голос графа:

– Дорогой герцог, нам известно, что такое Черный Камень и зачем вас послали сюда. Мы также понимаем, что вас силой вынудили пойти на это. Я попробую вам объяснить...

Странность ситуации приводила Хоукмуна в замешательство: Ноблио старательно изображал разговор, а граф, вещал что-то у него из-за спины.

– Едва лишь вы прибыли в замок, – продолжал граф Брасс, – я сразу догадался, что Черный Камень – это нечто большее, чем вы поведали нам, хотя, возможно, сами не подозревали истину. Как выяснилось, владыки Гранбретании не слишком высокого мнения обо мне, ведь я немало времени посвятил изучению колдовства и прочих наук, и у меня имеется древняя рукопись, где дано описание механизма действия Черного Камня. Сперва я не знал, что вам самому известно о возможностях Камня, и я постарался выяснить это, не вызвав подозрений гранбретанцев. Для этого нам пришлось заставить вас лишиться чувств, чтобы хоть на время отключить Черный Камень. В строках поэмы Ноблио, которую он столь вдохновенно прочел нам за ужином, было сокрыто особое заклинание, руна. Рунический стих с его особым ритмом и размером был создан специально для вас, дорогой герцог. И мы достигли своей цели – вызвали у вас обморок. Мы надеялись, что владыки Гранбретании не станут искать причину вашего недомогания в замечательных виршах Ноблио, а подумают, что вы просто выпили слишком много вина. Пока вы спали, нам с Ноблио удалось проникнуть в ваши тайные мысли. Должен сказать, что сделать это было не так просто, слишком уж глубоко они оказались сокрыты... Так перепуганный зверек зарывается в землю столь глубоко, что умирает от удушья. Зато мы узнали все, или почти все, из того, что произошло с вами в Лондре. Признаться, я готов был прикончить вас, когда понял, зачем в действительности вы прибыли в Камарг. Но затем осознал, что внутри вас идет непрерывная борьба, о которой вы сами не подозреваете. И если бы не это открытие, то я вынужден был бы убить вас или позволить Черному Камню исполнить свою задачу.

При этих словах Хоукмун, который все это время поддерживал безмолвный разговор с Ноблио, содрогнулся.

– Но вы неповинны в случившемся, – продолжил граф. – И я решил, что если прикончу вас, то тем самым убью потенциального и очень опасного врага Гранбретании. Сам я сохраняю нейтралитет, однако империя глубоко оскорбила меня, и потому я не желал бы смерти такого человека, как вы. Итак, нам все известно. Но именно поэтому, дорогой герцог, ваше положение не столь безнадежно. Я могу на некоторое время лишиться силы Черный Камень. Когда я закончу говорить, вы спуститесь в мои покои, и там мы займемся этим. Времени у нас мало, поэтому следует поспешить.

Хоукмун услышал удаляющиеся шаги графа. Ноблио с улыбкой сказал ему вслух:

– Если угодно, я покажу вам те части замка, в которых вы еще не были; например, мало кому довелось побывать в личных апартаментах графа.

Хоукмун догадался, что слова эти предназначены для наблюдателей в Лондре. По всей видимости, Ноблио надеялся возбудить в них любопытство и таким образом выиграть время.

Ноблио вывел его из зала и повел по длинному коридору, который упирался в стену,

завешанную гобеленами. Раздвинув их, Ноблио прикоснулся к небольшому рычагу, скрытому в каменной плите, и тут же часть стены озарилась ярким светом. Потом сияние померкло, и в стене открылась небольшая дверца. Хоукмун вошел первым, за ним Ноблио. Они оказались в комнате, стены которой были увешаны старыми картами и схемами. Пройдя эту комнату, они очутились в следующей, чуть больше первой. Там стояло много загадочных аппаратов и стеллажей с толстыми старинными фолиантами по химии, магии и философии.

– Сюда, – прошептал философ, отодвигая занавес и открывая проход в темный коридор.

Напрягая зрение, Хоукмун пытался разглядеть что-нибудь во мраке, но тщетно. Он ощупью пробирался по коридору, и вдруг внезапно вспыхнувший яркий белый свет окончательно лишил его зрения.

Четким силуэтом на свету вырисовывалась огромная фигура графа, который держал в руках некое странное оружие, нацеленное прямо в голову Хоукмуну.

Герцог судорожно вздохнул и попытался отпрыгнуть, но проход оказался слишком узким. Раздался треск, который, казалось, готов был разорвать ему барабанные перепонки, затем до него донесся загадочный мелодичный звук, и он рухнул на пол, лишившись чувств.

Пробудившись, Хоукмун с довольной улыбкой потянулся, лежа на металлической койке. Он чувствовал себя заново родившимся. В комнате никого, кроме него, не было. Коснувшись рукой лба, он обнаружил, что Черный Камень, хотя и остался на прежнем месте, но уже перестал быть частью его плоти, а походил на обыкновенный камень – твердый, гладкий и холодный.

Открылась дверь, и вошел граф Брасс. На лице его играла удовлетворенная улыбка.

– Прошу простить меня, если напугал вас вчера вечером, – заметил он. – Но я должен был действовать очень быстро, чтобы успеть парализовать Черный Камень. Сейчас с помощью науки и волшебства я могу сдерживать его силу, но, к сожалению, не до бесконечности, ибо мощь камня слишком велика. Рано или поздно она вырвется из узды, и камень вновь оживет, дорогой герцог, где бы вы ни оказались.

– Значит, это всего лишь отсрочка приговора, – проронил Хоукмун. – И надолго?

– Не могу сказать точно. Шесть месяцев я могу вам обещать наверняка, возможно, даже год или два. Но затем это будет делом нескольких часов. Не хочу обманывать вас, Дориан Хоукмун, и все же у вас есть надежда. На востоке обитает чародей, способный извлечь у вас из головы Черный Камень. Он противник Империи Мрака, и с радостью поможет вам, если, конечно, вы сумеете его отыскать.

– Но кто он такой?

– Малагиги из Хамадана.

– Это в Персии?

– Верно, – кивнул граф. – Это так далеко, что добраться туда почти невозможно.

Хоукмун со вздохом уселся на постели:

– Ну что ж, благодаря вашей магии я сумел выиграть хоть немного времени. Мне нужно покинуть Камарг и вернуться в Валенс. Там собирают войско, чтобы дать отпор Гранбретании. Конечно, нас ждет поражение, но прежде чем погибнуть, я, по крайней мере, смогу отплатить им за все, что они со мной сделали, и отправить на тот свет хотя бы несколько поганных псов короля-императора.

Граф усмехнулся в ответ:

– Не успел я вернуть вас к жизни, как вы тут же спешите с нею распрощаться. На вашем месте я бы сперва немного поразмыслил, прежде чем пуститься в столь безрассудное предприятие. Как ваше самочувствие, герцог?

Дориан Хоукмун спустил ноги на пол и потянулся.

– Великолепно, – проронил он. – Я чувствую себя словно заново родившимся, – он сдвинул брови. – Да... теперь я другой человек... – пробормотал он в задумчивости. – Вы совершенно правы, граф, месть может немного подождать.

В голосе графа Брасса звучала печаль:

– За свое спасение вы заплатили молодостью. С ней вы расстались навсегда.

ГЛАВА 6. БИТВА ЗА КАМАРГ

Миновало два месяца...

– Взгляните, они движутся точно на юг, не сворачивая ни на восток, ни на запад, – промолвил Ноблио. – Похоже, граф, владыки Гранбретании все поняли и вознамерились отомстить вам.

– Скорее, их месть направлена на меня, – промолвил Хоук-мун, сидевший у камина в глубоком мягком кресле. – Ведь они считают, что я предал их.

Граф Брасс покачал головой:

– Насколько я знаю барона Мелиадуса, он жаждет крови всех нас. Во главе этой армии стоит он и его Волки, и они не успокоятся, пока не расправятся с нами.

Фон Виллах отвернулся от окна, за которым виднелись городские крыши, и отчеканил:

– Пусть приходят. Мы сметем их подобно тому, как мистраль сметает листву с деревьев.

– Будем надеяться, что все произойдет именно так, – без особой уверенности промолвил Ноблио. – Они собрали почти все свои силы и, похоже, впервые решили отступить от привычной тактики.

– Какие глупцы, – пробормотал граф. – А я-то еще восхищался их дальновидностью и мастерством. Двигаясь полукругом, они могли подтягивать дополнительные силы из тылов прежде, чем продолжить наступление. А сейчас с флангов у них независимые земли, и враждебные империи силы могут воспользоваться этим, чтобы попытаться их окружить. Если мы разобьем Мелиадуса, ему придется несладко. Жажда мести ослепила барона и лишила его рассудка.

– Но если они одержат победу, – негромко возразил Хоукмун, – то расчистят себе дорогу от океана до океана, и дальше для них все будет просто.

– Возможно, именно этим и объясняются действия Мелиадуса, – согласился Ноблио. – И, боюсь, у него есть все основания рассчитывать на успех.

– Глупости, – отмахнулся фон Виллах. – Нашим башням это нипочем.

– Башни были созданы, чтобы противостоять сухопутным атакам, – напомнил ему Ноблио. – Тогда мы и не задумывались об орнитоптерах.

– У нас тоже имеется воздушная армия, – возразил граф.

– Фламинго – существа из плоти и крови, – промолвил Ноблио.

Хоукмун поднялся. На нем был черный кожаный костюм Мелиадуса, скрипевший при каждом движении.

– Через пару недель армия Империи Мрака подойдет к границам Камарга, – сказал он. – Нужно что-то предпринять.

– Прежде всего следует со всем вниманием изучить вот это, – Ноблио похлопал рукой по карте, свернутой в рулон, которую он держал под мышкой.

– Что ж, давайте посмотрим, – предложил граф.

Ноблио бережно разложил карту на столе, прижав ее края винными бокалами, и граф Брасс, фон Виллах и Хоукмун склонились над ней. Карта изображала Камарг и окружающие его земли.

– Они идут вдоль реки по восточному берегу, – произнес граф, указывая на Рону. – Из того, что рассказал нам разведчик, следует, что сейчас они находятся вот здесь, а в предгорьях Цевенна окажутся примерно через неделю. Нам нужно послать туда наблюдателей, чтобы они сообщали нам обо всех перемещениях врага. К тому времени, как противник достигнет Камарга, мы сумеем сгруппировать основные силы в нужном месте.

– Они могут выслать вперед орнитоптеры, – предположил Хоукмун. – Что тогда мы будем делать?

– Выпустим наших фламинго, чтобы они расправились с этими летающими

железяками, – рявкнул фон Виллах. – Остальное довершат башни.

– Ваши силы не так уж велики, – возразил фон Виллаху Хоукмун. – Вы почти целиком будете зависеть от башен, и вся борьба сведется к обороне.

– Именно так нам и надлежит поступить, – обратился граф к Хоукмуну. – Мы будем поджидать их у границы, расположив пехоту между башнями. Используя гелиографы, мы будем управлять башнями и направлять их силу туда, где это будет необходимо.

– Мы желаем лишь остановить их, – с нескрываемой насмешкой проронил Ноблио, – больше нам ничего не нужно.

Сдвинув брови, граф покосился на него:

– Вы совершенно правы, друг мой, нужно быть последним глупцом, чтобы атаковать их. Нас слишком мало, и единственная наша надежда – это башни. Мы должны доказать королю-императору, что Камаргу не страшна вся его мощь, и любые попытки проникнуть на наши земли – с суши, с моря, с воздуха – обречены на неудачу.

– А вы что скажете на это, Хоукмун? – спросил его Ноблио. – У вас, как-никак, имеется опыт борьбы с империей.

Герцог в задумчивости рассматривал карту.

– Я целиком согласен с графом. Это безумие – сражаться с империей в открытом бою. Я убедился в этом на собственном опыте. Тем не менее, не мешало бы подыскать удобное для нас место сражения. Где укрепления Камарга особенно сильны?

Фон Виллах указал на область к юго-востоку от Роны:

– Вот здесь самые мощные башни и удобная местность. Мы можем собрать свои войска на высоком холме, тогда как противнику придется вязнуть в болоте, что создаст для него определенные трудности. – Он повел плечами. – Но вообще-то, я не понимаю, при чем здесь это? Место для нападения будут выбирать они, а не мы.

– Если только кто-нибудь не приведет их туда, куда нам нужно, – возразил Хоукмун.

– И как вы себе это представляете? – усмехнулся граф. – Что может заставить их поступить таким образом?

– С помощью двух сотен хорошо вооруженных всадников я сделаю это, не ввязываясь с ними в открытый бой, а постоянно нанося удары с флангов, – пояснил Хоукмун. – Если повезет, мы сумеем их направить в удобное место. Именно так действуют пастушьи собаки. Одновременно мы будем наблюдать за ними и сообщать вам об их передвижениях.

Пригладив усы, граф с уважением посмотрел на Хоукмуна:

– Мне по душе ваше предложение – должно быть, с возрастом я становлюсь слишком осторожным. Но будь я помоложе, я бы тоже придумал что-то подобное. План может сработать, дорогой герцог, но для этого удача должна быть на нашей стороне.

Фон Виллах откашлялся:

– Да, удача и терпение. Вы представляете, за что беретесь, Дориан? Вам придется все время быть начеку, не будет времени даже для сна. Это очень тяжело. Достанет ли у вас сил, и выдержат ли солдаты? Нельзя забывать и об их летающих машинах...

– Нам надо будет только следить за их разведчиками, – отозвался Хоукмун. – И мы сможем наносить удары и уходить быстрее, чем они успеют поднять в воздух основные силы. Кроме того, ваши люди лучше знают местность и все укрытия на ней.

Ноблио скривил губы.

– И еще одно. Их транспортные баржи. Войска гранбретанцев передвигаются так быстро, потому что им подвозят по реке провиант, лошадей, военную технику, орнитоптеры. Вот если бы заставить их отдалиться от реки...

На минуту Хоукмун задумался, а затем с широкой улыбкой объявил:

– Ну, сделать это будет не так уж сложно. Взгляните сюда...

На другой день Хоукмун с Иссельдой отправились на прогулку по болотам. Они проводили вместе немало времени, и герцог сильно привязался к девушке, хотя со стороны могло показаться, что он уделяет ей не так уж много внимания. Иссельду радовала даже простая возможность находиться с ним рядом, и ее слегка уязвляла его показная холодность.

Ей даже в голову не приходило, что Хоукмун умышленно таит от нее свои чувства, поскольку сам он ни на миг не мог забыть об угрозе Черного Камня, который ежесекундно способен был превратить его в беспомощного идиота. Стоит лишь энергии Черного Камня разорвать наложенные графом узы, и владыки Гранбретании тут же дадут камню жизнь, дабы тот испепелил мозг герцога.

Именно поэтому он ни словом не обмолвился Иссельде о своей любви и о том, что именно это чувство пробудило его душу от сна, и именно поэтому граф сохранил ему жизнь. Иссельда же была слишком застенчива, чтобы поведать ему о своих чувствах.

Они скакали по болотным тропам, закутавшись в плащи и подставляя лица ветру, мимо заводей и трясин, распугивая куропаток и уток, с шумом взлетающих в небо, встречая табуны диких лошадей и тревожа белых туров. Они мчались по длинным пустынным пляжам под недремлющим оком сторожевых башен. Наконец, они остановились и заговорили громко, пытаясь перекричать завывания мистралья.

– Ноблио сказал мне, что завтра вы уезжаете, – произнесла девушка.

Ветер внезапно затих, и наступила тишина.

– Да, завтра, – он посмотрел на нее и отвернулся. – Но я скоро вернусь.

– Берегите себя, Дориан, умоляю вас. Он улыбнулся, чтобы ее успокоить:

– Похоже, сама судьба хранит меня, иначе смерть давно забрала бы меня к себе.

Она попыталась сказать что-то еще, но вновь с ревом налетел ветер и, подхватив волосы Иссельды, растрепал их по плечам. Хоукмун наклонился, чтобы убрать пряди у нее с лица. Он почувствовал под рукой ее нежную гладкую кожу, и ему страстно захотелось прижаться губами к ее губам. Она попыталась удержать его, но он уже мягко отстранился, развернул лошадь и двинулся в сторону замка.

Над примятым тростником и подернутыми рябью озерами плыли редкие облака. Начал моросить дождь. Назад они ехали медленно, и каждый размышлял о своем.

С головы до ног обтянутый стальной кольчугой, в железном шлеме, закрывающем голову и лицо, с длинным острым мечом на боку и щитом без каких-либо знаков или гербов, Дориан Хоукмун вскинул руку, подавая своим людям сигнал остановиться. Его отряд был вооружен до зубов. Все, что способно убивать на расстоянии, – луки, пращи, огнеметы, дротики, топоры, – висело за спинами воинов, было приторочено к седлам, привязано к постромкам лошадей. Спешившись, Хоукмун вслед за проводником направился к ближайшему холму, низко пригибаясь и двигаясь очень осторожно.

На вершине холма он улегся на живот и заглянул вниз, в долину, где текла река. Сейчас он впервые увидел мощь Империи Мрака во всей ее жуткой красе. Огромные орды, высланные, казалось, самую преисподней, медленно продвигались на юг. Маршировала пехота, гарцевала кавалерия. Все воины были в масках, и потому казалось, что на Камарг надвигаются полчища зверей.

Боевые стяги колыхались, стальные штандарты покачивались на длинных шестах. Среди них было и знамя Азровака Микосеваара с изображением оскалившегося скелета со шпагой в руке, на плече которого восседал ястреб, и с вышитым на полотнище девизом: «Смерть во имя жизни». Крошечный человек на коне у самого знамени, должно быть, был сам Азровак Микосеваар. После барона Мелиадуса этот москвит был самым жестоким из всех военачальников в Гранбретании.

Рядом развевалось знамя герцога Венделя, магистра Ордена Кошки, знамя Ордена Мухи лорда Йорика Нанкенсена и сотня других стягов прочих орденов. Здесь было даже знамя Ордена Богомола, хотя магистр этого ордена, король-император Хеон, разумеется, отсутствовал. Но впереди всех ехал барон Мелиадус со стягом Ордена Волка, изображавшего стоящего на задних лапах волка с разинутой пастью. Даже лошадь барона была закована в медные латы, и голову ее закрывал особый шлем, формой напоминавший огромную волчью голову.

Земля содрогалась, вокруг разносился звон оружия. В воздухе стоял запах пота. Но Хоукмуну некогда было разглядывать войско империи. Он внимательно осматривал реку, по

которой медленно плыли тяжелые баржи. Их было так много, что, двигаясь, они касались бортами друг друга. Хоукмун с улыбкой прошептал лежащему рядом воину:

– Вот как раз то, что нам нужно. Взгляни, здесь весь их транспортный флот. Нужно успеть обойти их.

Они бросились вниз с холма. Нельзя было терять ни минуты. Хоукмун вскочил в седло и дал отряду знак следовать за ним.

Они скакали почти весь день, и к вечеру армия Гранбритании превратилась в облачко пыли далеко на юге, а река сделалась свободной от кораблей империи. Здесь Рона сужалась и мелела, проходя по древнему каналу с берегами, вымощенными камнем. Здесь же был низкий каменный мост. На одном берегу реки местность была ровной, на другом плавно шла под уклон, спускаясь в долину.

В наступивших сумерках Хоукмун перебрался вброд на другой берег, внимательно осмотрел каменную кладку, опоры моста, проверил дно реки. Вода, проникая сквозь звенья кольчуги, леденила ноги. Этот канал, построенный еще до наступления Тысячелетия Ужаса, с тех пор ни разу не ремонтировался и теперь был в очень плохом состоянии. Как видно, его строителям зачем-то понадобилось изменить русло реки. Но Хоукмун теперь намеревался найти каналу иное применение.

Ожидая его сигнала, на берегу с огнеметами в руках стояло несколько воинов. Хоукмун выбрался на берег, расставил солдат в определенном порядке на мосту и на берегу. Солдаты отсалютовали и, подняв оружие, направились по местам.

И вот, когда уже совсем стемнело, огнеметы изрыгнули алое пламя, превращая воду в пар.

На то, чтобы огнеметы исполнили свою задачу, ушла целая ночь, но наконец мост с грохотом рухнул в воду, подняв целое облако брызг. Затем солдаты перебрались на западный берег. Огнем они вырезали из него каменные блоки и сбрасывали их в реку, которая уже вовсю бурлила, огибая упавший мост, перегородивший русло.

К утру река растеклась по широкой долине. По прежнему руслу бежал лишь крошечный, едва заметный ручеек. Удовлетворенные этим зрелищем, Хоукмун и его люди вскочили на лошадей и отправились обратно. Они нанесли Гранбритании первый удар. Первый и довольно чувствительный.

Несколько часов передохнув, они вернулись, чтобы вновь следить за войсками империи.

Хоукмун улыбался, лежа под кустом и наблюдая за растерянностью гранбританцев.

Там, где раньше плескалась вода, теперь был толстый слой темного ила, и в нем, словно выброшенные на берег киты, лежали боевые корабли и баржи Гранбритании с торчащими кверху носами. Повсюду валялась разбросанная техника, провизия, метался в панике скот. Среди всего этого безумия носились солдаты, лихорадочно пытаясь вытянуть увязшие баржи и стараясь спасти барахтающихся в грязи животных.

Невообразимый шум стоял над рекой. Четкие ряды наступавших армий были нарушены, даже надменным кавалеристам пришлось использовать своих лошадей как тягловую силу, чтобы подтаскивать баржи поближе к берегу. Начали разбивать палатки. Как видно, Мелиадус осознал, что невозможно будет двигаться дальше, куда не удастся спасти груз. Хотя вокруг лагеря и была выставлена охрана, но все свое внимание она обращала на реку, а не на холмы, где ждали своего часа Хоукмун и его солдаты.

Уже почти стемнело, и поскольку орнитоптеры не способны летать по ночам, барону Мелиадусу придется ждать утра, чтобы выяснить, почему так внезапно обмелела река. Затем, как решил Хоукмун, он пошлет туда инженеров, чтобы те разобрали плотину. К этому Хоукмун был уже готов, и теперь пришло время подготовить людей. Он ползком спустился по склону холма и оказался в маленькой ложине, где отдыхали его воины. У него возник план, успешное выполнение которого, как ему казалось, должно было парализовать войско империи.

Наступила ночь. Люди в долине продолжали свою работу при свете факелов –

вытаскивали на берег тяжелые военные машины и многочисленные мешки и корзины с провиантом. Мелиадус, горящий желанием побыстрее добраться до Камарга, не давал солдатам ни минуты отдыха. Позади него, почти у самой реки, раскинулся огромный лагерь. Каждый орден образовывал свой круг палаток, в центре которого устанавливал свой штандарт. Но сейчас палатки пустовали. Все люди были заняты работой.

Охрана не заметила приближающихся к лагерю вооруженных всадников, закутанных в темные плащи.

Хоукмун остановил коня, вытащил из ножен меч – тот самый, что дал ему Мелиадус, на мгновение поднял его над головой и затем указал им вперед. Это был сигнал к атаке.

Без боевых кличей, молча – слышны были лишь топот лошадиных копыт и звяканье оружия – воины Камарга, ведомые Хоукму-ном, устремились вперед. Герцог мчался, низко пригнувшись к шее коня, прямо на опешившего от неожиданности стражника. Удар мечом пришелся в горло солдата, и тот, захлебываясь кровью, упал на землю. Они уже ворвались в первый круг палаток, рубя на скаку натянутые веревки и шеи тех немногочисленных солдат, что пытались остановить их. Хоукмун выехал в центр круга и одним могучим ударом перерубил древко установленного там знамени. Это был штандарт Ордена Собаки, и он рухнул, поднимая сноп искр, в горящий рядом костер.

Хоукмун, ни на секунду не останавливаясь, направил коня в самое сердце огромного лагеря. На берегу реки еще не знали о нападении – там было слишком шумно, чтобы что-нибудь услышать.

Три всадника мчались навстречу Хоукмуну. Ему удалось выбить меч у одного из них, но двое других продолжали атаку. Ловким ударом Хоукмун отрубил одному кисть руки. Второй было попятился, но герцог не дал ему уйти, нанеся удар в грудь.

Конь под Хоукмуном поднялся на дыбы, и герцогу стоило немалых усилий удержать его и направить вперед, к следующему кругу палаток. Воины Камарга ехали следом. Вырвавшись на открытое место, Хоукмун увидел, что путь им преградила группа воинов, одетых лишь в ночные рубахи и вооруженных короткими мечами и небольшими круглыми щитами. Хоукмун закричал что-то своим людям, и те, выставив перед собой мечи, растянулись полукругом. Для того, чтобы зарубить или растоптать преградивших им путь гранбретанцев, много времени не потребовалось, и скоро уже отряд Камарга ворвался в новый круг палаток, круша все на своем пути.

Размахивая блестящим от крови мечом, Хоукмун проложил себе путь к центру лагеря и там увидел то, что так настойчиво искал, – знамя Ордена Богомола. Драгоценное полотнище со всех сторон окружали солдаты в шлемах, со щитами в руках. Даже не посмотрев, следует ли за ним кто-нибудь из камаргцев, Хоукмун с яростным криком ринулся вперед. Дрожь пробежала по его руке, когда меч ударился в щит ближайшего воина, но он снова поднял свое смертоносное оружие, и на этот раз щит раскололся. Солдат упал, кровь залила его лицо. Следующий взмах меча, и еще одна голова покатилась с плеч. Меч Хоукмуна поднимался и опускался, словно часть какой-то безжалостной и неутомимой машины. Тут к герцогу присоединились воины Камарга, и они начали теснить гранбретанцев все дальше и дальше, заставляя их пятиться и отступать ближе к знамени.

В разорванной кольчуге, потеряв щит, Хоукмун продолжал сражаться, и вот уже у штандарта остался лишь один защитник.

Хоукмун, усмехнувшись, подцепил острием меча шлем воина, сорвал его с головы и молниеносным ударом рассек череп солдата надвое. Затем он выдернул из земли знамя, поднял его высоко над головой, показывая всем, и, повернув коня, дал знак отряду уходить. Боевые лошади Камарга легко перепрыгивали через валяющиеся повсюду трупы и опрокинутые палатки.

Неожиданно за спиной Хоукмуна раздался крик:

– Ты видел его?! У него во лбу Черный Камень!

И Хоукмун понял, что совсем скоро барон Мелиадус узнает, кто разгромил его лагерь и выкрал самое священное из знамен Гранб-ретании.

Он повернулся на крик и, потрясая знаменем, громко засмеялся.

– Хоукмун! – закричал он. – Хоукмун!

Это был боевой клич его предков, непроизвольно вырвавшийся из его груди, видимо, под воздействием неосознанного желания дать понять своему величайшему врагу, с кем тот имеет дело.

Вороной жеребец под герцогом поднялся на дыбы, развернулся и понесся вперед через разгромленный лагерь.

За ним, взбешенные смехом Хоукмуна, устремились воины империи.

Отряд Хоукмуна вскоре достиг холмов и направился к заранее подготовленному месту стоянки. За ними, неуверенно продвигаясь вперед, следовали люди Мелиадуса. Обернувшись, Хоукмун увидел, что на берегу реки началась еще большая суeta. Огоньки сотен зажженных факелов торопливо двигались к лагерю.

Люди Хоукмуна превосходно знали местность, отряд быстро оторвался от преследователей и вскоре уже был возле замаскированного входа в пещеру. Оказавшись в пещере, они спешили и вновь замаскировали вход. Пещера была большая, со множеством ответвлений, и в ней легко было устроиться самим и разместить лошадей. В самом дальнем зале, где хранились запасы пищи, протекал небольшой ручеек. Подобные стоянки были приготовлены на всем пути до Камарга.

Кто-то зажег факелы. Хоукмун, рассмотрев на свету знамя Богомола, швырнул его в угол и улыбнулся круглолицему Пилэйру, командиру отряда Камарга:

– Завтра, сразу как вернутся с разведки орнитоптеры, Мелиадус пошлет инженеров к нашей плотине. Мы должны сделать все, чтобы наша работа не пропала даром.

Пилэйр кивнул:

– Да, но даже если мы уничтожим один отряд, он пошлет другой...

Хоукмун пожал плечами:

– А за ним еще один, без сомнения... Но я все-таки надеюсь, что ему не терпится поскорее достигнуть Камарга. И возможно, он, наконец, поймет бессмысленность такой траты времени и сил. Тогда он наверняка попытается уничтожить нас. Если повезет, и мы уцелеем, возможно, нам и удастся направить его к юго-восточным границам Камарга.

Пилэйр начал пересчитывать вернувшихся солдат. Хоукмун дождался, когда он закончит, и потом спросил:

– Сколько мы потеряли?

На лице Пилэйра читалось смешанное чувство восторга и неверия:

– Ни одного, милорд. Мы не потеряли ни одного человека!

– Хороший знак, – сказал Хоукмун, хлопая Пилэйра по плечу. – А сейчас нам надо отдохнуть. Утром предстоит долгий путь.

На заре часовой, оставленный у входа в пещеру, принес плохие новости.

– Летящая машина, – сказал он Хоукмуну. – Она крутится здесь уже десять минут.

– Ты думаешь, пилот заметил что-нибудь? – спросил Пилэйр.

– Это невозможно, – сказал Хоукмун. – Вход не виден даже с земли. Мы просто должны подождать – орнитоптеры не могут долго оставаться в воздухе – им нужна дозаправка.

Но час спустя часовой доложил, что на смену этому орнитоптеру прилетел другой. Хоукмун закусил губу. Немного погодя он принял решение:

– Время уходит. Мы должны быть у плотины раньше, чем там окажутся люди Мелиадуса. Видимо, придется использовать другой план, куда более рискованный, чем хотелось бы.

Он подозвал одного из воинов и что-то сказал ему, потом дал указания двум вооруженным огнеметами солдатам и напоследок велел остальным седлать коней.

Чуть погодя из пещеры выехал одинокий всадник и начал медленно спускаться по отлогому каменистому склону.

Хоукмун видел, наблюдая из пещеры, как скользнули по медной поверхности

орнитоптера солнечные лучи, когда тот, шумно хлопая крыльями, начал снижаться, направляясь к человеку. Хоукмун рассчитывал на любопытство пилота. Сейчас он сделал знак рукой, и два солдата подняли свои длинные громоздкие копья, стволы которых уже начали накаляться. Одним из недостатков огненных копий была невозможность их мгновенного использования, и порой они нагревались так сильно, что их нельзя было держать в руках.

Орнитоптер, описывая круги, спускался все ниже и ниже. Сейчас уже можно было разглядеть вытянувшего шею пилота и маску Ворона.

– Пора, – прошептал Хоукмун.

Две красные огненные струи ударили одновременно. Первая лишь слегка опалила борт орнитоптера. Но вторая попала точно в пилота, и он мгновенно загорелся. Сбивая с себя пламя, он отпустил рычаги управления, и крылья огромной машины захлопали невпопад, орнитоптер закрутился в воздухе, наклонился набок и начал стремительно падать. Пилот попытался удержать машину, но было уже поздно. Она ткнулась в склон ближайшего холма и, дергая крыльями, развалилась на куски. Тело пилота отшвырнуло на несколько ярдов. Затем что-то взорвалось. Обломки разлетелись по всему склону, но огня не было – похоже, это была одна из особенностей двигателей, используемых в орнитоптерах.

Хоукмун вскочил на коня и выехал из пещеры. Остальные последовали за ним. Они направились к плотине.

Зимний день выдался солнечный и ясный. Холодный свежий воздух пьянил. Они ехали, окрыленные вчерашним успехом и уверенные в себе. Забравшись на вершину холма, откуда можно было увидеть текущую по новому руслу реку, плотину и людей, ползающих по берегам и осматривающих рухнувший мост, они на мгновение остановились, а затем устремились вниз. Впереди, приподнявшись в стременах, мчались воины с огнеметами, выставив это адское оружие перед собой.

Десять огненных струй ударили по опешившим гранбританцам, превращая людей в живые факелы. Огонь не щадил никого – ни инженеров в масках Крота и Барсука, ни наемников из отряда Азровака Микосеваара. Люди Хоукмуна сцепились с ними: зазвенело оружие. Взлетали над головами окровавленные мечи. Люди кричали в смертельной агонии; фыркали и ржали лошади. Конь Хоукмуна, защищенный кольчугой, покачнулся, когда великан-гранбританец попал в него большим топором, и упал, увлекая за собой седока. Наемник, сделав шаг вперед, занес боевой топор над головой придавленного конем Хоукмуна. Герцог успел высвободить руку с мечом и парировать удар наемника. Жеребец поднялся на ноги. Хоукмун вскочил и, отбиваясь от ударов топора, схватился за поводья.

Раз за разом сходились меч и топор, и рука Хоукмуна, сжимающая оружие, онемела от напряжения. Но вот его меч, скользя по рукоятке топора, ударил по рукам противника. Наемник выпустил оружие из одной руки, и Хоукмун, не мешкая ни секунды, опустил на его голову меч, расколов металлическую маску. Воин застонал и пошатнулся. Хоукмун ударил еще раз. Маска развалилась, открывая залитое кровью лицо москвиты. Глаза Хоукмуна сузились от гнева, ибо он ненавидел наемников даже больше, чем гранбританцев. Не обращая внимания на мольбы о пощаде, исторгаемые из окровавленных уст москвиты, Хоукмун ударил третий раз, разрубая голову наемника надвое. Тот замертво рухнул на землю.

Хоукмун вскочил на коня и повел своих людей против остатков Легиона Стервятников. Вскоре с наемниками было покончено. Оставшиеся инженеры, вооруженные короткими мечами, почти не оказали никакого сопротивления, и были зарублены. Их тела сбросили с плотины в реку, течение которой они еще совсем недавно пытались изменить.

Когда отряд возвращался обратно, Пилэйр посмотрел на Хоукмуна и сказал:

– В вас совсем нет жалости, командир!

– Верно, – сухо ответил Хоукмун. – Никакой. Мужчина, женщина, ребенок, если они – гранбританцы или слуги Империи Мрака, то они – мои заклятые враги.

Отряд в сражении потерял восьмерых. Учитывая количество уничтоженных врагов,

можно было считать, что удача снова была на стороне Камарга. Гранбретанцы безжалостны к своим врагам, но они не привыкли, когда с ними поступают так же. Возможно, этим и объяснялись те небольшие потери, которые понес отряд Хоукмуна.

Еще четырежды посылал Мелиадус экспедиции, надеясь разобрать плотину, и количество солдат увеличивалось с каждым разом. Все они были разгромлены неожиданными атаками воинов Камарга. Из двухсот всадников, что изначально отправились с Хоукмуном, сейчас оставалось около ста пятидесяти. Они должны были выполнить вторую часть плана Хоукмуна, а именно – постоянными набегами заставить обремененное военными машинами и тюками с провиантом войско повернуть на юго-восток.

Отряд Хоукмуна нападал теперь только по ночам. Пламя огненных копий сжигало палатки и их обитателей. Стрелы его воинов десятками убивали выставленных для охраны лагеря часовых и вооруженных всадников, рыскающих вокруг в поисках тайных стоянок отряда. Кровь на мечях не успевала сохнуть, и топоры затупились от смертоносной работы. Изможденные, с воспаленными глазами, Хоукмун и его люди временами едва держались в седле и в любой момент могли быть обнаружены орнитоптерами или поисковыми отрядами. Они делали все возможное, чтобы выбранная ими для войска империи дорога была усеяна трупами ее же солдат.

Как Хоукмун и предполагал, Мелиадус не стал тратить много времени на поиски неуловимого отряда. Его желание поскорее добраться до Камарга пересилило ненависть к герцогу Кельнскому, и, вероятно, он решил, что, расправившись с Камаргом, он найдет время заняться Хоукмуном.

Они лишь однажды встретились друг с другом. В один из набегов, когда Хоукмун и его отряд уже собирались отступать – рассвет был близок – навстречу им выехала группа всадников в волчьих масках. Возглавлял ее барон Мелиадус. Увидев Хоукмуна, добивающего мечом поверженного солдата, Мелиадус бросился к герцогу.

Хоукмун заметил барона, парировал мечом его удар и, мрачно улыбаясь, начал теснить противника. Мелиадус захрипел.

– Примите мою благодарность, барон, – сказал Хоукмун. – Прием, оказанный мне в Лондре, кажется, только прибавил мне сил...

– Послушай, Хоукмун, – ответил тихим, но дрожащим от ярости голосом Мелиадус. – Я не знаю, как тебе удалось ускользнуть от Черного Камня, но поверь, тебе предстоит испытать нечто значительно худшее, если ты снова попадешь ко мне в руки.

Неожиданно Хоукмун ловко подцепил рукоятку меча Мелиадуса и вырвал оружие из рук барона. Он уже занес свой меч, приготовившись нанести смертельный удар, но увидел, что на помощь Мелиадусу спешит слишком много гранбретанцев.

– К сожалению, мне пора, барон. Но я припомню вам ваше обещание – когда вы станете моим пленником.

Он развернул коня и, смеясь, ускакал прочь. Мелиадус, взмахнув рукой, спешил, чтобы подобрать меч.

– Дерьмо! – прорычал он. – Не пройдет и месяца, как ты будешь валяться у меня в ногах.

И вот пришел день, когда отряд Хоукмуна, уже не обращая внимание на войско барона, быстро мчался по болотистой местности, что простиралась перед длинной грядой холмов – туда, где его ждали граф Брасс, Леопольд фон Виллах и армия Камарга. Высокие темные башни, почти такие же древние, как и сам Камарг, возвышались над полем предстоящей битвы. Из всех щелей и бойниц торчали стволы какого-то странного оружия.

Завидев на вершине одного из холмов одинокую фигуру графа Брасса, Хоукмун направился туда. Граф, встречая его, радостно улыбался.

– Я рад, что сохранил вам тогда жизнь, герцог Кельнский, – весело пошутил он. – Ты сделал все, как хотел, Дориан, и сберег большую часть людей. Не уверен, что даже я в свои лучшие годы смог бы сделать это.

– Благодарю вас, граф Брасс. Но сейчас мы должны подготовиться. Мелиадус будет

здесь самое большое через двенадцать часов.

Хоукмун с вершины холма увидел, как начала растягиваться цепью пехота Камарга.

Армия Камарга насчитывала около тысячи человек, и это было ничтожно мало в сравнении с огромным войском империи. Соотношение сил было один к двадцати, а может, и один к сорока.

Граф Брасс заметил появившееся на лице Хоукмуна выражение растерянности:

– Не бойся, мальчик. У нас есть оружие и получше, нежели простые мечи.

Хоукмун ошибался, полагая, что армия Гранбретании доберется до границ Камарга за двенадцать часов. Видимо, они решили разбить на ночь лагерь и отдохнуть перед решающим наступлением. Только к полудню следующего дня камаргцы увидели приближающееся войско. Каждый из отрядов пехоты или кавалерии принадлежал определенному ордену, и каждый член того или иного ордена давал клятву защищать своего собрата, будь тот живым или мертвым. Это тоже в значительной степени объясняло мощь имперской армии – ни один ее солдат не покидал поле боя без особого приказа своего магистра.

Граф Брасс, сидя на лошади, наблюдал за наступлением неприятеля. Рядом с ним с одной стороны стоял Дориан Хоукмун, с другой – Леопольд фон Виллах. Командовал здесь граф.

«Сейчас начнется», – подумал Хоукмун, и ему было неясно, как они могут победить в этом сражении. Не был ли граф слишком самоуверен?

Но вот огромная колонна из людей и машин остановилась примерно в полумиле от границы Камарга, от нее отделились две фигуры и направились к холму. Когда они подъехали ближе, Хоукмун увидел штандарт барона Мелиадуса, а мгновение спустя признал в одной из фигур и самого барона, которого сопровождал герольд с бронзовым рупором в руках. Похоже, Мелиадус решил вести переговоры.

– Не собирается же он сдаваться... Или ждет, что мы запросим пощады? – раздраженно сказал фон Виллах.

– Не думаю, – зло усмехнувшись, ответил Хоукмун. – Это один из его трюков. Он славится ими.

Заметив состояние герцога, граф счел нужным предупредить его:

– Будь осторожен, Дориан Хоукмун. Не позволяй ненависти затмить рассудок, как это произошло с Мелиадусом.

Хоукмун смотрел перед собой и ничего не ответил. Тем временем герольд поднес рупором ко рту:

– Я говорю от имени барона Мелиадуса, магистра Ордена Волка, главнокомандующего армиями нашего великого короля-императора Хеона, правителя Гранбретании и, по велению судьбы, будущего правителя всей Европы.

– Скажи своему хозяину, пусть он снимет маску и сам поговорит с нами, – ответил граф.

– Мой хозяин предлагает вам почетный мир. Если вы сейчас сдадитесь, он обещает, что помилует всех и назначит себя от имени короля Хеона губернатором вашей провинции, чтобы добиться порядка и справедливости в этой неуправляемой стране. Мы предлагаем вам прощение. Если же вы откажетесь, Камарг будет уничтожен, все будет сожжено и затоплено морем. Барон Мелиадус говорит, что вы прекрасно знаете, что он может сделать это. Ваше упорство послужит причиной смерти и вас самих, и всех ваших родных.

– Передай барону Мелиадусу, трусливо прячущему свое лицо, что он лишь жалкий пес, оскорбивший мое гостеприимство и побежденный мною в честном бою. Скажи ему, что мы тоже можем оказаться причиной его смерти и смерти всех ему подобных и что тысяча таких, как он, не справится с одним камаргским быком. Скажи ему, что его предложение – глупый трюк, на который мог бы купиться разве что ребенок. И еще скажи, что нам не нужен губернатор, мы и сами замечательно справляемся. Скажи ему...

Граф презрительно захохотал, когда увидел, что барон Мелиадус в ярости повернул коня и помчался обратно к своему войску. За ним поспешил герольд.

Прошло около четверти часа, и в воздухе появились первые орнитоптеры. Хоукмун, увидев их, глубоко вздохнул. Один раз ему уже досталось от этих летающих машин. Не хотелось бы испытать это еще раз.

Граф Брасс поднял меч, подавая сигнал, и Хоукмун услышал за спиной громкий хлопающий звук. Обернувшись, он увидел стремительно взлетающих алых фламинго. Их грациозный полет был очень красив в сравнении с неуклюжими движениями механических птиц. На спинах фламинго в высоких седлах сидели наездники, держащие в руках огнеметы.

Набрав высоту, птицы получили преимущество перед орнитоптерами, но трудно было поверить, что они смогут сделать что-нибудь с машинами из металла, пусть даже и неуклюжими. Струи огня, едва видимые с земли, полоснули по орнитоптерам, и пилот одного из них превратился в горящий факел и, вывалившись из кабины, упал на землю. Неуправляемая машина накренилась, крылья ее сложились, и она рухнула в болото у подножия холма. Потом Хоукмун увидел, как из огненной пушки одного из орнитоптеров вырвался снап огня, попал во фламинго, и алая птица дернулась в воздухе, перевернулась и упала на землю, теряя перья. Воздух раскалился, и было очень шумно. К холму стремительно приближался отряд неприятельской кавалерии.

Граф стоял какое-то время неподвижно, молча наблюдая за тем, как враг подходит все ближе и ближе. Но вот он снова поднял меч и закричал:

– Башни – огонь!

Стволы неизвестного оружия, торчащие из башенных бойниц, повернулись в сторону вражеских всадников, и раздался оглушительный звенящий звук. Хоукмуну показалось, что у него раскалывается голова. Чем стреляло это оружие, он так и не понял – из стволов ничего не вылетало.

Потом он увидел, что лошади гранбретанцев, уже добравшихся до болота, резко остановились и попятились, вставая на дыбы и сбрасывая седоков. Глаза животных округлились, на губах выступила пена. Солдаты, барахтаясь в грязи, пытались удержать лошадей.

Граф Брасс повернулся к Хоукмуну:

– Оружие испускает невидимый луч, сопровождаемый звуком. Ты тоже почувствовал это. Лошадям же досталось в полной мере.

– Может, следует атаковать их сейчас? – спросил Хоукмун.

– Нет, в этом нет нужды. Наберись терпения. Лошади замертво падали в болотную жижу.

– К сожалению, это убивает их, – сказал граф.

Вскоре все лошади полегли, а их седоки, громко ругаясь, выбирались на берег и в нерешительности топтались на месте.

В воздухе продолжался бой. Но все больше и больше грациозных птиц падало на землю – больше, чем клещающих крыльями орнитоптеров.

Рядом с башнями на землю начали сыпаться огромные камни.

– Боевые машины. Они пустили в ход катапульты! – закричал фон Виллах.

– Что делать?...

– Терпение, – невозмутимо ответил граф.

Затем их обдало жаром, и они увидели, как огромный огненный шар ударил в стену ближайшей башни.

– Огненная пушка. Такой большой мне еще видеть не приходилось. Она всех нас уничтожит!

Граф Брасс быстро направился к башне. Они видели, как он, прыгнув с лошади, вошел внутрь. Прошло совсем немного времени, и башня начала поворачиваться, все быстрее и быстрее. Хоукмун в изумлении заметил, что она уходит под землю и огонь не достигает цели. Тогда огненные шары устремились к другой башне, но и она, быстро вращаясь, скрылась под землей, в то время, как первая вновь появилась на поверхности и нанесла ответный удар из установленного на ее зубчатых стенах диковинного оружия. Оно

переливалось зеленым и пурпурным цветами. Ствол был сделан в форме колокола. Несколько белых шаров вылетело из него и упало возле огненной пушки. Хоукмун видел, как они прыгают среди обслуживающих орудие солдат.

Но его внимание отвлек орнитоптер, упавший совсем рядом, и он постарался побыстрее и подальше отъехать, пока не взорвался двигатель. К нему присоединился фон Виллах.

– Что это за шары? – спросил его Хоукмун, но фон Виллах лишь покачал головой, удивленный ничуть не меньше своего молодого друга.

Немного погодя Хоукмун увидел, что белые шары перестали скакать и огненная пушка больше не стреляет. Люди, обслуживающие ее, застыли в самых неестественных позах. Хоукмун испытал небольшой шок, когда понял, что они заморожены. Невиданное оружие продолжало посылать белые шары, и вскоре камни перестали падать на позиции камаргцев: некому стало обслуживать катапульты и прочие боевые машины.

Граф выбрался из башни и вернулся к ним.

– У нас есть что показать этим идиотам, – сказал он, улыбаясь.

– Но их слишком много, – сказал Хоукмун.

Он увидел огромную колонну пехоты, надвигающуюся на них. Солдат было так много, что, казалось, никакое – даже самое мощное – оружие не сможет остановить их.

– Ну, это мы еще посмотрим, – ответил граф, давая сигнал дозорному на ближайшей башне.

Небо над ними потемнело от множества летающих машин и птиц. Куски металла и окровавленные перья фламинго падали на землю. И невозможно было сказать, кто побеждает в этой схватке.

Первые ряды пехотинцев были уже совсем рядом, когда граф Брасс взмахнул мечом и башня повернулась к нападавшим какими-то широкоствольными орудиями. Голубые стеклянные шары полетели в приближающихся солдат. Хоукмун увидел, что гранбританцы, ломая стройные ряды, принялись бешено метаться из стороны в сторону. Некоторые из них судорожно срывали с себя маски и, обхватив головы руками, падали в грязь.

– Что происходит? – спросил графа Хоукмун.

– Шары начинены газом, вызывающим галлюцинации, – ответил граф. – Людям начинают мерещиться всякие кошмары.

Потом он повернулся в седле и махнул ждущим внизу всадникам. Отряд кавалерии выступил вперед.

– Ну, вот пришло время и для простого оружия, – сказал Брасс.

Оставшиеся в строю солдаты империи выпустили по камаргцам тучи стрел и встретили их огнем копий. Лучники и копьеносцы графа ответили тем же. У камаргцев появились первые жертвы. В воцарившемся хаосе пехота Гранбритании уверенно теснила воинов графа, несмотря на свои поредевшие ряды. Приостановилась она, лишь когда ступила на заваленную трупами лошадей болотистую почву.

Граф Брасс подозвал своего герольда. Воин подошел, высоко подняв фамильное знамя Брассов – красная латная рукавица на белом фоне.

С вершины холма граф Брасс, Хоукмун и фон Виллах наблюдали за тем, как ползли по болоту солдаты империи.

Сначала Хоукмун увидел Мелиадуса, а чуть позже и Азровака Микосеваара. Московит одним из первых перебрался через болото и сейчас уже приближался к подножию холма.

Хоукмун выехал ему навстречу.

И вот он увидел перед собой ястребиную маску с рубиновыми глазами.

– Ага! Хоукмун! Тот самый пес, что осмелился беспокоить нас! Сейчас мы посмотрим, каков ты в открытом бою, предатель!

– И это ты называешь меня предателем! – гневно ответил Хоукмун. – Ты, вонючий пожиратель падали!

Микосеваар взревел от ярости и, взяв двумя руками боевой топор, пошел на Хоукмуна.

Герцог спрыгнул с коня и приготовился защищаться.

Первый удар пришелся в щит, и Хоукмун вынужден был попятиться, чтобы не потерять равновесия. Последовал еще удар, отколовший кусок от щита Хоукмуна. Герцог в долгу не остался. Взмахнув мечом, он опустил его на закованное в доспехи плечо московита – раздался звон и брызнул сноп искр. Соперники стояли друг друга. Не обращая внимания на кипящую вокруг битву, они обменивались могучими ударами. Потом краешком глаза Хоукмун заметил фон Виллаха, бьющегося с Мигелем Хольстом, эрцгерцогом Лондры, равным ему и по силе, и по возрасту. Граф же, ловко расправляясь с менее искусными противниками, искал в толпе Мелиадуса, но тот, видимо, решил понаблюдать за ходом сражения со стороны.

Занимавшим более выгодную позицию воинам Камарга удавалось успешно сдерживать атаки гранбретанцев.

Щит Хоукмуна превратился в бесполезный кусок металла, и он, отбросив его в сторону, взял в обе руки меч и уже им отражал удары Микосеваара. Оба хрипели от напряжения, то толкая соперника в надежде сбить его с ног, то нанося колющие удары.

Хоукмун вспотел и тяжело дышал. Неожиданно он поскользнулся и упал на колено. Микосеваар, не мешкая ни секунды, шагнул вперед и, подняв топор, приготовился обезглавить врага. Хоукмун бросился ему под ноги. Микосеваар упал, и они, вцепившись друг в друга, покатались по склону.

Очутившись в болотной жиже, они остановились. Ни один не потерял оружия, и поэтому, поднявшись на ноги, оба были готовы продолжать поединок. Хоукмун оперся о труп лошади, размахнулся и ударил. Не наклонись вовремя московит, удар мог бы сломать ему шею, а так лишь сбил шлем с головы, открывая горящие безумные глаза и белую пышную бороду. Наемник попытался топором распороть Хоукмуну живот, но герцог успел отразить удар. Выпустив из рук меч, Хоукмун со всей силой толкнул Микосеваара в грудь, и тот упал, распластавшись на спине. Пока он, карабкаясь в грязи, пытался встать, Хоукмун схватил меч, высоко поднял и опустил ему на голову. Москвит взвыл от боли. И снова высоко взлетел и опустился меч Хоукмуна. Азровак Микосеваар издал душераздирающий вопль, который почти сразу же оборвался. Хоукмун продолжал наносить удары до тех пор, пока не заметил, что перед ним уже лежит совершенно обезображенное тело. И только тогда он обернулся, чтобы посмотреть, как идет сражение.

Сразу трудно было разобраться. Повсюду валялись трупы людей и лошадей. Битва в воздухе была почти окончена – несколько орнитоптеров еще кружили в воздухе, но фламинго было намного больше.

Неужели Камарг одерживает победу?

Хоукмун обернулся и увидел двух наемников, бегущих к нему. Он наклонился и поднял окровавленную маску Микосеваара. Показав ее им, он рассмеялся:

– Смотрите! Ваш командир мертв! Я убил его!

Воины остановились в нерешительности, затем попятись и обратились в бегство. В Легионе Стервятников не было такой железной дисциплины, как в орденах Империи Мрака.

Хоукмун устало перешагивал через трупы. Сражение здесь почти закончилось. Лишь на склоне холма фон Виллах, издав победный клич, добивал Мигеля Хольста и готовился встретить бегущих к нему солдат эрцгерцога. Кажется, фон Виллаху помощь не требовалась. Тогда Хоукмун побежал на вершину холма, чтобы оттуда увидеть полную картину сражения.

Трижды обагрил он кровью меч, прежде чем смог добраться туда. Огромная армия, приведенная Мелиадусом, поредела раз в шесть, а то и больше.

Половина знамен Империи Мрака была повержена и втоптана в грязь. Четкие боевые ряды имперской пехоты сломались, и Хоукмун увидел нечто невероятное – формирования разных орденов смешались, тем самым приводя в настоящее смятение воинов, привыкших сражаться бок о бок лишь со своими «братьями».

Хоукмун видел графа, бьющегося сразу с несколькими всадниками, и вдалеке – штандарт Мелиадуса. Со всех сторон знамя обступили люди Ордена Волка. Барон неплохо

позаботился о себе. Потом Хоукмун увидел и других военачальников, среди них были Адаз Промп и Йорик Нанкенсен. Они направлялись к Мелиадусу, и было ясно, что они готовы отступить, но вынуждены ждать приказа барона.

Хоукмун мог предположить, о чем они говорят Мелиадусу – о том, что цвет армии, лучшие ее воины погибли и что такие потери не стоят какой-то крошечной провинции.

Но трубы глашатаев молчали. Очевидно, Мелиадус продолжал упорствовать.

Подъехал фон Виллах. Он снял шлем и широко улыбнулся Хоукмуну.

– Думаю, что мы их побеждаем – сказал он. – А где граф?

– Там, – улыбнувшись, указал Хоукмун. – Во всей своей красе. Надо бы узнать у него, что дальше делать. Гранбретанцы в растерянности. Они явно хотят покинуть поле боя. Можно было бы немножко подтолкнуть их к этому.

Фон Виллах кивнул:

– Пусть граф решает. Я пошлю к нему человека.

Он повернулся к ближайшему всаднику, что-то сказал ему, и тот быстро стал спускаться по склону.

Минут через десять граф подъехал к ним.

– Я зарубил пятерых военачальников, – сказал он с видимым удовлетворением, – но Мелиадусу удалось ускользнуть.

Хоукмун повторил то, что говорил фон Виллаху. Граф согласился, и вскоре уже пехота Камарга пошла в наступление, уверенно тесня гранбретанцев.

Хоукмун нашел себе нового коня и возглавил атаку. Он мчался, нанося сокрушительные удары, снося головы с плеч и отрубая конечности. С ног до головы он был забрызган кровью. Пробитая во многих местах кольчуга едва держалась на нем. Грудь покрывали синяки и царапины, рука кровоточила, и боль в ноге причиняла сильнейшие муки, но он не обращал на это внимания – жажда крови овладела им, и он убивал человека за человеком.

Скачущий рядом фон Виллах сказал ему в минуту относительного спокойствия:

– По-моему, ты решил в одиночку расправиться с ними.

– Я не остановлюсь, даже если их кровь затопит эту долину, – ответил Хоукмун. – Я буду истреблять их, пока они все не подохнут.

– Ты такой же кровожадный, как и они, – с иронией в голосе сказал фон Виллах.

– Нет. Я кровожаднее! – крикнул Хоукмун, вырываясь вперед. – Для них-то это забава!

И он продолжал беспощадно убивать.

Но вот наконец военачальники, кажется, убедили Мелиадуса: герольды затрубили отбой, и оставшиеся в живых гранбретанцы обратились в бегство.

Некоторые из них бросали оружие и, стоя на коленях, молили о пощаде. Хоукмуна это не останавливало.

– Мне не нужны живые гранбретанцы, – говорил он и убивал безоружных. Но, в конце концов, Хоукмун удовлетворил свою ненависть и, присоединившись к графу и фон Виллаху, наблюдал, как гранбретанцы, перестроив ряды, покидают поле боя.

Хоукмуну показалось, что он услышал крик ярости, донесшийся оттуда, и, признав в нем голос Мелиадуса, он улыбнулся.

– Мы еще встретимся с бароном, – сказал он. Граф, соглашаясь, кивнул.

– Сейчас он понял, что Камарг неприступен для его армий, и знает, что мы не поддадимся на его уловки. Но он найдет какой-нибудь иной путь. Скоро Империя Мрака захватит все земли вокруг Камарга, и нам невольно придется быть все время настороже.

Когда они этой же ночью вернулись в замок, Ноблио завел с графом разговор.

– Сейчас ты понял, что Гранбретания безумна? В ее силах изменить ход истории. А это приведет не только к гибели человечества, но и к уничтожению всего разумного во Вселенной.

Граф Брасс улыбнулся:

– Ты преувеличиваешь, Ноблио. Откуда ты это знаешь?

– Это мое ремесло – понимать силы, творящие то, что мы называем судьбой. Я повторяю, граф: Империя Мрака уничтожит мир, если не остановить ее.

Хоукмун сидел, вытянув ноги, стараясь дать отдых натруженным мышцам.

– Я не понимаю тех философских принципов, что служат основой ваших убеждений, господин Ноблио, – сказал он, – но интуитивно я знаю, что вы правы. Мы все еще воспринимаем Гранбританию как просто могущественную силу, стремящуюся править миром, – нечто подобное бывало и раньше – но Империя Мрака – это совсем другое. Не забывайте, граф, я провел какое-то время в Лондре и воочию видел куда как более наглядные доказательства их ненормальности. Вы видели лишь их армии – они мало чем отличаются от прочих, разве что своей жестокостью и дисциплиной. Но что вы, например, скажете об их короле-императоре, этом живом трупе? Или об их манере общения друг с другом? Город буквально пропитан безумием...

– Ты думаешь, мы видели еще не самое худшее из того, на что они способны? – серьезно спросил граф Брасс.

– Думаю, что так, – ответил Хоукмун. – Не только месть заставляла меня столь безжалостно убивать их, а нечто большее. Я словно чувствую в них угрозу самой жизни.

Граф вздохнул:

– Возможно, ты и прав. Не знаю. Только Рунный Посох может знать это.

Хоукмун тяжело поднялся.

– Я еще не видел Иссельду, – сказал он.

– Думаю, она уже спит, – ответил ему Ноблио.

Хоукмун был разочарован. Он так желал встречи с ней. Хотел рассказать ей о своих победах. И ее отсутствие неприятно удивило его.

Он пожал плечами:

– Ладно, думаю, пора и мне. Спокойной ночи, господа.

Они почти не говорили о победе – сказывались нечеловеческое напряжение и усталость. Но завтра, вне всякого сомнения, воины будут праздновать свой триумф.

Когда Хоукмун вошел в свою комнату, там было темно. Он почувствовал чье-то присутствие и, прежде чем подойти к столу и зажечь стоящую там лампу, вытащил из ножен меч.

На кровати лежала Иссельда.

– Я слышала о ваших подвигах, – сказала она, улыбаясь, – и решила лично поприветствовать вас. Вы великий герой, Дориан Хоукмун.

Хоукмун почувствовал, как у него учащается дыхание и начинает бешено биться сердце.

– О, Иссельда...

Он медленно подходил к лежащей на кровати девушке.

– Я знаю, что ты любишь меня, Дориан, – тихо сказала она. – Или ты будешь отрицать это?

Он не стал делать этого.

– Ты... очень... смелая, – хрипло произнес он в ответ.

– Ну, а ты такой застенчивый, что я вынуждена быть слегка нескромной.

– Я... Я не застенчивый, Иссельда. Просто из этого ничего хорошего не выйдет. Я обречен – Черный Камень, он...

– Что это – «Черный Камень»? И он все рассказал ей.

– Теперь ты понимаешь, – сказал он, заканчивая свою историю, – что не должна влюбляться в меня... Так будет только хуже.

– Но этот Малагиги... Почему бы тебе не найти его?

– Путешествие может продлиться месяцы. И я могу потратить оставшееся у меня время на бесплодные поиски.

– Если ты любишь меня, – сказала она, когда он присел на кровать и взял ее за руку, – ты должен рискнуть.

– Да, – ответил он задумчиво. – Возможно, ты и права...

Она потянулась к нему, обхватила руками за шею и поцеловала в губы. Хоукмун больше не мог сдерживаться. Прижав к себе Иссельду, он страстно поцеловал ее.

– Я поеду в Персию, – сказал он наконец, – хотя путь будет очень опасным. Стоит мне покинуть границы Камарга, и люди Мелиадуса попытаются выследить меня...

– Ты вернешься, – убежденно сказала Иссельда. – Я знаю. Моя любовь будет охранять тебя.

– Дай бог!

Он нежно коснулся ее лица.

– Завтра, – сказала она. – Уезжай завтра, не теряй времени. А сегодня...

Она снова поцеловала его, и он пылко ответил ей.

Часть третья

«Далее повествуется о том, как, покинув Камарг, Дориан Хоук-мун отправился на Восток. Более тысячи миль пролетел он на огромной алой птице, что доставила его к самым горам, на границе земель Греции и Булгарии...»

Из «Летописи Рунного Посоха»

ГЛАВА 1. ОЛАДАН

Граф Брасс оказался совершенно прав: в полете на фламинго не было ничего сложного. Птицей управляли как лошадью, поводьями, закрепленными на ее изогнутом клюве. Она была настолько грациозна в полете, что Хоукмун абсолютно не испытывал страха перед падением. Фламинго летали только в светлое время суток, почти без отдыха, и способны были преодолевать расстояние в десять раз большие, чем самая быstroногая лошадь. По ночам и птица, и ее седок отдыхали.

Пристегнувшись ремнями, Хоукмун удобно устроился в мягком кресле. Сумки с провизией были приторочены по обеим сторонам седла. Прямо перед ним вытягивал шею фламинго. Птица летела, медленно взмахивая огромными крыльями, и Хоукмун старался сидеть спокойно, чтобы ничем ей не мешать.

Его время от времени мучили сильные головные боли, словно напоминая о необходимости поторопиться. Однако по мере того, как фламинго уносил его все дальше на восток, а воздух становился теплее, у Хоукмуна улучшалось настроение и его не оставляла уверенность в том, что все закончится благополучно.

Дориан покинул Камарг неделю назад. Сейчас они летели над горным скалистым хребтом. Уже смеркалось, и герцог принялся высматривать место для ночлега. Уставшая за день птица опускалась все ниже, и вот уже грозные каменные пики окружили их. Внезапно Хоукмун заметил внизу на горном склоне человеческую фигуру, и почти тут же фламинго истошно закричал.

Покачнувшись, он отчаянно замахал крыльями. Хоукмун заметил длинную стрелу, застрявшую в боку птицы. Вторая стрела попала ей в шею, и с пронзительным криком птица начала стремительно падать. Хоукмун приник к седлу; в ушах у него свистел ветер. Он увидел несущуюся навстречу скалу, почувствовал сильнейший удар и словно провалился в черный бездонный колодец.

Очнувшись, он пришел в ужас. Головная боль была почти невыносимой. Он уже ясно представлял, как Черный Камень пожирает его мозг, словно крыса – мешок с зерном, и, обхватив голову, приготовился к самому худшему. Но, нащупав многочисленные царапины

и шишки, Хоукмун с облегчением понял, что причина боли совсем в ином, а именно – в падении и ударе о скалу. Вокруг было очень темно, и ему показалось, что он лежит в пещере. Всмотревшись в темноту, он увидел огонек костра. Он с трудом поднялся и направился туда.

У самого выхода из пещеры Хоукмун споткнулся обо что-то и, посмотрев вниз, увидел свои вещи. Все было аккуратно сложено – седло, сумки, меч и кинжал. Он потянулся за мечом, стараясь не шуметь, вытащил его из ножен и осторожно вышел из пещеры.

Жар огромного костра, разложенного неподалеку, обжег лицо. На большом вертеле, установленном над огнем, была насажена туша фламинго, общипанная, без головы и когтей. Возле костра сидел человек, ростом раза в два меньше Хоукмуна, и время от времени поворачивал вертел, используя сложное приспособление из кожаных ремней.

Когда Хоукмун приблизился, маленький человек, разглядев меч в его руке, истошно заорал и отпрыгнул в сторону. Герцог был изумлен – все лицо и тело карлика покрывали густые рыжие волосы. Одет он был в кожаную куртку и такую же юбку, подпоясанную широким ремнем. На ногах он носил башмаки из замши, а на голове его нелепо сидела шапочка с воткнутыми в нее четыремя самыми крупными перьями фламинго.

Карлик попятился от Хоукмуна:

– Простите меня, господин. Поверьте, мне очень жаль, что так получилось. Я, конечно, не стал бы стрелять в птицу, если бы знал, что она несет седока. Но все, что я тогда видел, – это ужин, который не хотелось упустить...

Хоукмун опустил меч.

– Кто вы? Или – что вы? – спросил он. От жара костра и перенесенных волнений закружилась голова.

– Я – Оладан, из рода горных великанов, – начал маленький человек. – Хорошо известный в этих краях...

– Великан? Великан! – Хоукмун хрипло засмеялся и упал, потеряв сознание.

На этот раз он очнулся, почувствовав восхитительный аромат жареной дичи. Какое-то время герцог лежал, наслаждаясь запахом, и только потом понял, откуда этот запах. Он лежал почти у самого края пещеры. Меч исчез. Маленький покрытый шерстью человек нерешительно приблизился к нему, предлагая огромный кусок мяса.

– Съешьте это, господин, и вы почувствуете себя лучше, – сказал Оладан.

Хоукмун взял мясо.

– Я съем. Делать все равно больше ничего не остается. Вы лишили меня сейчас самого дорогого.

– Вы так любили птицу, господин?

– Нет, но... Мне грозит смертельная опасность, и этот фламинго был моей единственной надеждой.

Он вонзил зубы в жесткое мясо птицы.

– Кто-то преследует вас?

– Не кто-то, а что-то – нелепый и страшный рок... – ответил Хоукмун.

И вдруг, сам не зная почему, он начал рассказывать о себе этому странному существу, которое, пусть и невольно, но еще больше приблизило роковой конец. Было в карлике что-то располагающее, когда он, чуть склонив голову, внимательно слушал рассказ герцога – глаза его в ужасе расширялись, стоило только Хоукмуну упомянуть о каком-нибудь страшном эпизоде, и невольно герцог позабыл о своей замкнутости.

– И вот я здесь, – закончил он, – и ем ту самую птицу.

– Да... – вздохнул Оладан, вытирая жир с лица. – Это очень печальная история, милорд, и я с великой грустью думаю о том, что это мой ненасытный желудок привел к столь страшному несчастью. Но завтра я сделаю все, чтобы исправить свою ошибку и найти вам средство передвижения.

– Какую-нибудь птицу?

– К сожалению, нет. Я имел в виду всего лишь козла, – и прежде, чем Хоукмун смог что-то возразить, Оладан продолжил: – Я имею в этих местах кой-какое влияние – меня

считают здесь чем-то редким и очень любопытным. Видите ли, я родился в результате странной связи между неким юным путешественником – своего рода волшебником – и горной великаншей. Но сейчас я, увы, сирота. В одну из голодных зим мама съела папу, а потом и она, в свою очередь, была съедена дядей Баркиосом – самым большим и свирепым из горных великанов. С тех пор я живу один. Компанию мне составляют лишь книги моего несчастного отца. Я урод, и меня не принимают ни те, ни другие. Живу сам по себе. Если бы я не был таким маленьким, дядя Баркиос давно бы уже съел меня.

Печальное лицо Оладана выглядело таким забавным, что Хоукмун больше не испытывал к карлику ни малейшей злости. Кроме того, тепло костра и сытный ужин совсем разморили его.

– Достаточно, друг Оладан. Давай забудем все и ляжем спать. А утром мы поищем что-нибудь, на чем я мог бы добраться до Персии.

Проснувшись на заре, они увидели, что костер все еще горит, а вокруг него сидят закутанные в меха вооруженные люди и завтракают жареным фламинго. Слышно было, что там царит веселье.

– Разбойники! – закричал Оладан и в тревоге вскочил на ноги. – Мне не следовало оставлять на ночь костер!

– Куда ты дел мой меч? – спросил его Хоукмун, но было поздно – два разбойника, вытаскивая на ходу грубо сделанные короткие мечи, уже направлялись к ним. Хоукмун не спеша поднялся.

– Я знаю тебя, Рекнер, – неожиданно сказал Оладан, указывая на самого высокого разбойника. – И ты наверняка знаешь, кто я такой. Я – Оладан, один из горных великанов. Поэтому теперь, когда ты позавтракал, будь любезен – уходи, или придет моя родня и убьет вас всех.

Рекнер на это лишь ухмыльнулся, ковыряя в зубах грязным ногтем:

– Я действительно слышал о тебе, крошка, но честно говоря, не знаю, чего мне бояться. Мне говорили, правда, что жители ближайших деревень стараются избегать тебя. Но крестьяне – это тебе не храбрые разбойники, не так ли? И поэтому лучше помолчи, если не хочешь умереть в мучениях.

Оладан, казалось, несколько сник, но продолжал пристально смотреть на главаря. Рекнер засмеялся:

– Ну, а теперь показывай, что ты там прячешь в своей пещере? Оладан побледнел, словно охваченный смертельным страхом, и тихо забормотал что-то. Хоукмун смотрел то на него, то на разбойников и не знал, что делать. Бормотание Оладана стало громче. Улыбка застыла на лице Рекнера, и глаза его стекленели под пристальным взглядом карлика. Неожиданно Оладан резко выкинул вперед руку, указывая на разбойника, и холодным голосом произнес:

– Спать, Рекнер!

Рекнер свалился на землю. Разбойники, изрыгая проклятия, бросились было к ним, но остановились перед поднятой рукой Оладана.

– Бойтесь меня, ибо я – Оладан, сын волшебника. Разбойники стояли в нерешительности, глядя на распростертое тело своего главаря. Хоукмун какое-то время в изумлении смотрел на маленького человека, одним движением руки сдерживающего кровожадных разбойников, потом нырнул в пещеру и принялся за поиски меча. Меч нашелся почти сразу, и Хоукмун, прицепив его вместе с кинжалом к поясу, быстро вернулся к Оладану. Карлик уголком рта прошептал ему:

– Вытащи вещи из пещеры. Лошади разбойников у подножия горы. Мы воспользуемся ими. Рекнер может проснуться в любую секунду, и тогда я не смогу удержать их.

Хоукмун вынес из пещеры сумки, и они с Оладаном, пятясь, начали спускаться по склону. Ноги цеплялись за кусты и камни. Рекнер пошевелился и застонал. Ему помогли подняться.

– Ну, теперь держись, – сказал Оладан, повернулся и побежал.

Хоукмун помчался за ним, и велико же было его удивление, когда, добравшись до подножия горы, он увидел там не лошадей, как говорил Оладан, а с полдюжины козлов размером с пони. На каждом – седло из овечьей шкуры. Оладан ловко запрыгнул на ближайшего козла и протянул уздечку другого Хоукмуну. Герцог криво усмехнулся и вскочил в седло. Рекнер и его люди мчались за ними по склону. Хоукмун несколько раз ударил плоской стороной меча по спинам оставшихся животных, и те бросились врассыпную.

– Не отставай! – закричал Оладан и направил своего козла к узкой горной тропинке, лежащей внизу.

Но разбойники догнали Хоукмуна, и ему пришлось пустить в ход свой сверкающий меч. Одного он заколол ударом в сердце, другого – в бок, ударил по макушке Рекнера и помчался за Оладаном. В спину ему неслись громкие проклятия.

Козел передвигался прыжками, и совсем скоро у Хоукмуна с непривычки начало ломить все тело. Они выбрались на тропинку и дальше ехали по ней. Крики преследователей становились все тише и тише. Оладан, широко улыбаясь, повернулся к Хоукмуну.

– Лучше ехать, чем идти, а, лорд Хоукмун? Я не думал, что это нам так легко удастся. Это хороший знак! Следуй за мной. Я покажу тебе дорогу.

Хоукмун улыбался, сам не зная чему. Ему нравился Оладан. Любопытство вместе с растущим уважением и благодарностью за их спасение заставили Хоукмуна забыть, что этот родственник горных великанов стал причиной его новых несчастий.

Вскоре они выехали к краю широкой желтой равнины, ибо Оладан настоял на том, чтобы проводить своего нового друга через горы. Сейчас он промолвил, указывая куда-то вдаль:

– Тебе нужно двигаться в том направлении.

– Благодарю, – отозвался Хоукмун, глядя вперед. – Мне жаль с тобой расставаться.

– Вот как? – Оладан улыбнулся и пригладил рыжую шерстку на лице. Затем он задумался ненадолго и объявил: – А что, пожалуй, я поеду с тобой, чтобы тебе не было так скучно.

И, как ни в чем ни бывало, он направил своего козла вперед. Пожав плечами, Хоукмун засмеялся и двинулся следом за ним.

ГЛАВА 2. КАРАВАН АГОНОСВОСА

Дождь начался, не успели они выбраться на равнину, и теперь козлы двигались очень медленно по ровной вязкой земле. Целый месяц они продвигались так, кутаясь в плащи и дрожа от холода и сырости. Хоукмуна к тому же мучили сильнейшие головные боли. Когда это начиналось вновь, он ни слова не говорил Оладану, просто закрывал голову руками и старался забыться. Это означало, что где-то там, далеко, в замке Брасс, сила камня начинает разрывать узы, наложенные на него графом. В душе его постепенно угасала надежда, что когда-либо ему доведется вновь свидеться с Иссельдой.

Ливень не прекращался ни на миг. Ветер бушевал. Впереди, насколько хватало глаз, сквозь плотную пелену дождя, Хоукмун видел лишь бескрайнюю равнину. Попадались изредка кусты можжевельника и черные карликовые деревья. Тяжелые грозовые облака затянули небо, так что Хоукмун совершенно не представлял, куда им ехать дальше. Единственным указателем направления могли служить редкие кусты, ветви которых здесь тянулись всегда на юг. Он никак не ожидал, что так далеко на востоке можно встретить местность с настолько ужасным климатом и решил, что все это – результат одной из многочисленных катастроф Тысячелетия Ужаса.

Хоукмун откинул мокрые волосы со лба и, почувствовав твердую поверхность Черного Камня, содрогнулся. Он посмотрел на грустное лицо Оладана и отвернулся. Вдалеке, почти на горизонте, виднелись темные очертания того, что могло быть лесом, где, возможно, они смогут найти защиту от дождя. Копыта козлов скользили на мокрой траве. У Хоукмуна

зазвенело в ушах, и он вновь почувствовал сильную головную боль и тошноту. Он глубоко вздохнул, прижимая руку ко лбу. Оладан смотрел на него с глубоким сочувствием.

Наконец они достигли кромки леса. Сейчас они ехали еще медленнее, поскольку приходилось постоянно объезжать образовавшиеся в огромном количестве большие темные лужи. Стволы и ветви лесных деревьев, казалось, тянулись вниз, а не вверх. Кора их была черной или темно-коричневой, и почти не было листьев. Но несмотря на это, лес выглядел густым и труднопроходимым. На краю его в мелкой канаве блестела вода.

Они въехали в чащу. Копыта козлов шлепали по грязной воде. Земля под пологом леса намочка, и у деревьев образовались лужи. Искать укрытие от непрекращающегося ливня здесь было бесполезно.

Выбрав относительно сухой клочок земли, они остановились на ночлег. Хоукмун сначала порывался помочь Оладану развести костер, но потом вынужден был, опершись спиной о ствол дерева, лежать и ждать, обхватив голову руками, пока маленький человек не закончит работу.

Утром они продолжили путь по лесу. Хоукмун еле держался в седле, и Оладан вел его козла. Неожиданно они слышали человеческие голоса и, недолго думая, повернули в том направлении.

Это был своего рода караван. Около пятнадцати фургонов с промокшими разноцветными тентами медленно тащились по грязи и лужам. Быки и мулы, выбиваясь из сил, тянули фургоны. Ноги животных скользили в грязи, и мышцы перекачивались под кожей, когда погонщики хлестали их бичами и кололи острыми палками. Фургоны со всех сторон обступали люди: одни толкали их, другие прокручивали колеса. И все же караван еле двигался.

Но не столько это зрелище заставило удивиться друзей, сколько сами люди каравана.

Без преувеличения можно было сказать, что эти люди очень и очень странные. Карлики и лилипуты, гиганты и толстяки, покрытые шерстью и совершенно без волос, один мужчина с тремя руками, другой – с одной, двое с копытами на ногах, бородатые дети, гермафродиты, одни – с пятнистой змеиной кожей, другие – с хвостами, уродливыми конечностями и искривленными телами; с лицами без глаз, носов, ртов, горбуны, люди без шеи, с короткими руками и ногами, один даже с пурпурными волосами и рогом во лбу. Все разные, но выражение их глаз было общим. В глазах этих людей читалось тупое отчаяние, когда они, выбиваясь из сил, пытались хоть немного протащить караван по вязкой грязи.

Хоукмуну казалось, что он видит обреченных, направляющихся в ад. Лесные запахи смешивались сейчас с запахами каравана. Здесь был и запах людей, и запах животных, запахи духов и острых специй, и кроме всего, было еще что-то, что заставило Оладана содрогнуться. Хоукмун приподнял голову и принялся, словно насторожившийся зверь. Он, нахмурившись, взглянул на Оладана. Эти странные люди продолжали молча работать и не замечали их. Слышно было поскрипывание фургонных колес, фыркание животных да плеск воды.

Оладан дернул поводья, намереваясь проскочить перед караваном, но Хоукмун не последовал его примеру. Он продолжал задумчиво рассматривать таинственную процессию.

– Поехали, – сказал Оладан. – Я чувствую опасность.

– Мы должны узнать, где мы находимся и как долго нам еще тащиться по этой равнине, – хрипло прошептал Хоукмун. – Кроме того, у нас почти кончилась провизия...

– Может, мы наткнемся на какую-нибудь дичь в лесу. Хоукмун покачал головой:

– Нет. И потом мне кажется, я знаю, чей это караван.

– Чей же?

– Человека, о котором я много слышал, но никогда не видел. Мой соотечественник и даже – родственник, который покинул Кельн девять веков назад.

– Девять веков? Это невозможно!

– Возможно. Агносвос бессмертен, или почти бессмертен. Если это он, он поможет нам. Я как-никак все еще являюсь законным правителем Кельна.

– Ты думаешь, по прошествии девяти веков он сохранил верность Кельну?

– Посмотрим.

Они направились к голове каравана, туда, где, покачиваясь, катился высокий фургон с тентом из золотистого шелка. На передке фургона, укрывшись от дождя, в богатой медвежьей шубе сидел человек. Простой черный шлем закрывал его голову, оставляя открытыми лишь глаза. Увидев Хоукмуна, человек зашевелился и издал слабый глухой звук.

– Господин Агоносвос, – произнес Хоукмун. – Я – герцог Кельнский, последний потомок династии, начавшей править тысячу лет назад.

– А, Хоукмун. Без земель сейчас, да? Гранбретания захватила Кельн, не так ли? – сказал человек.

– Да...

– Итак, мы оба изгнанники. Я – по воле твоих предков, ты – по воле завоевателей.

– Ну, как бы то ни было, я все еще герцог Кельнский и поэтому твой господин, – Хоукмун не отрываясь смотрел на Агоносвоса.

– Господин – так, кажется, ты сказал? Власть в лице герцога Дитриха отвергла меня, выслав на дикие земли. Я больше не признаю власти Кельна.

– Но вы же знаете, что ни один кельнец не смеет ослушаться воли своего герцога.

– Не смеет, говоришь? – Агоносвос тихо засмеялся. – Не смеет?

Хоукмун собрался было повернуть прочь, но Агоносвос, подняв худую, с длинными тонкими пальцами руку, остановил его:

– Остановись. Я обидел тебя и хочу загладить свою вину. Чем я могу помочь тебе?

– Ты признаешь меня своим господином?

– Я признаю только, что был невежлив. Ты, кажется, устал. Я, пожалуй, остановлю свой караван. Кто твой слуга?

– Это не слуга. Оладан – мой друг.

– Друг? Он же не человек. Ну ладно, пусть присоединяется к нам. Агоносвос высунулся из фургона и слабым голосом дал своим людям команду остановиться. Они сразу же перестали работать и теперь неподвижно стояли, опустив руки. В глазах их было все то же тупое отчаяние.

– Как тебе моя коллекция? – спросил Агоносвос Хоукмуна, когда герцог и Оладан спешили и залезли в темный фургон. – Они когда-то забавляли меня, но сейчас наскучили и поэтому должны работать, чтобы оправдывать свое существование. У меня есть, по крайней мере, по одному экземпляру каждого типа, – он взглянул на Оладана. – Включая твой. Некоторых я сам вывел путем скрещивания.

Оладан беспокойно заерзал на месте. В фургоне казалось неестественно жарко, но не было видно ни печки, ни плиты, ни какого-либо иного источника тепла. Агоносвос налил им вина из голубой тыквенной бутылки. Вино было такого же цвета. Древний изгнанник оставался в шлеме, и его черные насмешливые глаза с интересом рассматривали Хоукмуна.

Хоукмун всячески старался не показывать вида, что жестоко страдает от боли, но Агоносвос сразу все понял.

– Выпей. И ты почувствуешь себя лучше, – сказал он, протягивая Хоукмуну кубок с вином.

Вино, действительно, благотворно подействовало на герцога, и боль вскоре совсем прошла. Агоносвос спросил, что привело его в эти края, и Хоукмун рассказал ему большую часть своей истории.

– Так, – сказал Агоносвос, – и ты хочешь моей помощи, да? Хорошо, я подумаю. Сейчас отдыхайте. А завтра мы поговорим об этом.

Хоукмун и Оладан уснули не сразу. Они еще долго сидели, укутавшись в меха, что дал им Агоносвос, и обсуждали этого странного колдуна.

– Он немного напоминает тех лордов Империи Мрака, о которых ты рассказывал мне, – сказал Оладан. – Мне кажется, он хочет нам зла. Возможно, он желает отомстить тебе за то зло, что причинили ему твои предки, а возможно – хочет получить новый экземпляр для

своей коллекции, – Оладан даже задрожал.

– Да... – задумчиво сказал Хоукмун. – Но было бы неразумно сердить его без причины. Он может быть нам полезен. А сейчас давай спать.

– Ладно. Только ты постарайся крепко не засыпать, – предупредил его Оладан.

Но Хоукмун спал крепко и, проснувшись, обнаружил, что лежит, связанный по рукам и ногам толстыми кожаными ремнями. Он попытался вырваться, но тщетно. Из-под шлема, закрывающего лицо его бессмертного родственника, донесся тихий смех:

– Ты узнал меня, последний из рода Хоукмунов, но ты ничего не знаешь обо мне. Ты не знаешь о тех годах, что я провел в Лондре, обучая лордов Гранбритании премудростям волшебства. Мы давно уже заключили союз, Империя Мрака и я. Когда я последний раз видел барона Мелиадуса, он много рассказывал о тебе. Теперь я получу от него все, что пожелаю.

– Где мой друг?

– Этот мохнатый? Умчался в лес, лишь только слышал наши шаги. Они все такие – эти полулюди-полузвери, – трусливые и малодушные создания.

– Значит, ты намерен доставить меня к барону?

– Ты же слышал. Именно это я и собираюсь сделать. Я оставлю ненадолго этот неповоротливый караван, пусть ползет пока без меня. А мы отправимся вперед на более быстрых скакунах. Я берегу их для таких случаев. Я уже послал человека с вестью к барону. Так что... Эй, вы! Несите его.

По команде Агоносвоса два лилипута схватили Хоукмуна и вытащили из фургона.

Дождь все еще моросил. Хоукмун увидел двух величественных лошадей голубого цвета, с умными глазами и мощными конечностями. Подобной красоты ему еще видеть не приходилось.

– Я сам вывел эту породу, – сказал Агоносвос, – но сделал это, как видишь, не ради забавы. Скоро мы будем в Лондре.

Он снова засмеялся. Хоукмуна закинули в седло и крепко привязали к стремянам.

Агоносвос залез на вторую лошадь и, взяв поводья лошади Хоукмуна, помчался вперед. Хоукмун был не на шутку встревожен. Лошадь бежала легко и почти так же быстро, как летел фламинго. Но если птица несла его к спасению, то лошадь – наоборот, к роковому концу. С ужасом Хоукмун понял, что участь его решена.

Долгое время они мчались по лесу. Грязь залепила лицо Хоукму-ну, и он почти ничего не видел.

Затем, много позже, он услышал гневный крик Агоносвоса:

– Прочь с дороги! Прочь!

Хоукмун пытался разглядеть что-нибудь впереди, но видел лишь лошадь Агоносвоса и край его плаща. Он смутно слышал другой голос, но разобрать, что он говорит, не мог.

– А-а-а! Да выест Колдрин твои глаза!

Хоукмуну показалось, что Агоносвос покачнулся в седле. Лошади замедлили бег, потом остановились. Он увидел, как старец наклонился вперед и свалился на землю. Ползая в грязи, Агоносвос пытался подняться. В боку его застряла стрела. Хоукмун, совершенно беспомощный, не мог понять, какая новая опасность подстерегла его. И он пытался решить, что лучше: быть убитым сейчас или дожидаться суда короля Хеона.

Появился Оладан и, перепрыгнув через барахтающегося в грязи Агоносвоса, подбежал к Хоукмуну. Он перерезал ремни, и Хоукмун свалился с лошади. Оладан широко улыбался:

– Твой меч – в сумке у старца.

Хоукмун, поднимаясь и растирая онемевшие руки и ноги, облегченно вздохнул:

– Я думал, ты убежал обратно в горы.

Маленький человек начал было что-то говорить, но Хоукмун прервал его криком:

– Агоносвос!

Старец, зажимая рану рукой, приближался к карлику. Хоукмун, позабыв о боли, бросился к лошади колдуна. Ему пришлось перерыть почти весь багаж Агоносвоса, прежде

чем он нашел меч. Ола-дан с колдуном уже боролись, катаясь в грязи.

Хоукмун подбежал к ним, но ударить мечом не рискнул, боясь задеть друга. Он наклонился и, вцепившись в плечо Агоносвоса, стал оттащить рассвирепевшего старца. Сначала он услышал рычание из-под шлема и лишь потом заметил меч в руке Агоносвоса. Меч со свистом рассек воздух. Хоукмун, едва держась на ногах, с трудом отразил удар. Колдун ударил еще раз.

Хоукмун встретил и эту атаку. В ответ он попытался попасть в голову Агоносвоса, но промахнулся и едва успел парировать новый выпад. Потом он увидел незащищенное место на теле противника и вонзил меч в живот колдуна. Агоносвос вскрикнул, попятился на негнущихся ногах и, схватившись руками за меч Хоукмуна, попытался выдернуть его из рук герцога. Затем он широко развел руки, начал что-то говорить и упал, распростершись, в мелкую лужу.

Тяжело дыша, Хоукмун прислонился к стволу дерева. Кровь начала приливать к онемевшим конечностям, и боль в них усилилась.

Оладан поднялся из грязи. Его трудно было узнать. Колчан валялся на земле, и карлик, подняв его, сейчас осматривал оперение стрел.

– Некоторые поломаны, но я заменю их, – сказал он.

– Откуда они у тебя?

– Ночью я решил побродить по лагерю Агоносвоса. В одном из фургонов я нашел лук и стрелы и подумал, что они могут пригодиться. Вернувшись к нашему фургону, я заметил, что туда вошел Агоносвос и, догадываясь о его намерениях, предпочел спрятаться.

– Но как тебе удалось не отстать от лошадей? – спросил Хоукмун.

– Я нашел себе даже более быстрого союзника, – улыбнулся Оладан и указал на появившееся в этот момент из-за деревьев удивительное существо. У существа были невероятно длинные ноги, хотя остальные части тела казались совершенно нормальными.

– Это Влеспин. Он ненавидит Агоносвоса и охотно согласился помочь мне.

Влеспин свысока посмотрел на них.

– Ты убил его, – сказал он. – Хорошо.

Оладан осмотрел багаж Агоносвоса и вытащил оттуда свиток прегамента.

– Карта. И провизии вполне достаточно, чтобы мы могли добраться до побережья, – он развернул карту. – Это недалеко. Смотрите.

Они склонились над картой. Хоукмун увидел, что до Мермианского моря им осталось чуть больше сотни миль. Влеспин отошел к лежащему неподалеку телу Агоносвоса. Секундой позже они услышали его крики; обернувшись, увидели колдуна – живого, который, угрожающе размахивая мечом Хоукмуна, решительно направлялся к длинноногому человеку. Меч вошел в грудь Влеспина, ноги его подкосились, и он, дергая ими, словно кукла, рухнул на землю. Вскоре он затих. Хоукмун был потрясен. Из шлема донесся сдавленный смех:

– Глупцы! Я прожил уже девятьсот лет. И за это время я кое-чему научился.

Не раздумывая, Хоукмун прыгнул на Агоносвоса. Он понимал, что это, пожалуй, его единственный шанс спастись. Тот, хотя и выдержал удар, который должен был стать смертельным, заметно слабел. Они боролись, сцепившись, на краю большой лужи. Оладан бегал вокруг них, выбирая момент, и вот, наконец, запрыгнул на спину колдуну и сорвал с его головы шлем. Агоносвос взвыл, и Хоукмун, увидев перед собой белую голову старца, почувствовал, как тошнота подступает к горлу. Это было лицо трупа, давно обглоданное могильными червями. Агоносвос закрыл лицо руками и попятился.

Подхватив меч, Хоукмун вскочил на голубую лошадь, и в этот миг до него из леса донесся крик:

– Я тебе это припомню, Дориан Хоукмун! Когда барон Мелиадус схватит тебя, я явлюсь полюбоваться твоими мучениями.

Содрогнувшись, Хоукмун направил своего скакуна в сторону Мермианского моря.

Два дня спустя небо просветлело, и яркое солнце засияло на нем. Впереди на морском

побережье их ждал город, где можно было сесть на корабль, чтобы добраться до Турции.

ГЛАВА 3. РЫЦАРЬ-В-ЧЕРНОМ-И-ЗОЛОТОМ

По спокойной океанской глади ровно шло тяжело груженое торговое судно. Летели пенные брызги, и треугольный парус, словно птичье крыло, выгибался под напором сильного ветра. Капитан судна в маленькой шапочке, расшитой золотом, яркой безрукавке и длинных шароварах, перехваченных на лодыжках золотыми пряжками, вместе с Хоукмуном и Оладаном стоял на корме.

– Превосходные скакуны у вас, господа, – заметил капитан, указывая на двух огромных голубых коней, что стояли на нижней палубе в особых стойлах. – Никогда прежде не видел таких, – он погладил остроконечную бородку. – Не желаете ли их продать? Я бы дал вам хорошие деньги.

Хоукмун покачал головой:

– Мне эти лошади дороже всяких сокровищ.

– Ну что ж, я могу это понять, – отозвался капитан, хотя на самом деле истолковал слова герцога совершенно неверно. В этот миг дозорный на мачте что-то закричал и замахал рукой, указывая на запад.

Хоукмун обернулся в ту сторону и заметил на горизонте три небольших паруса. Капитан вскинул подозрную трубу.

– Ракааром клянусь, это корабли Империи Мрака!

Он передал трубу герцогу, и сейчас Хоукмун отчетливо видел черные паруса кораблей. Каждый парус был украшен изображением акулы – символом военного флота империи.

– Это опасно для нас? – спросил он.

– Это опасно для всех, – мрачно ответил капитан. – Нам остается только молиться, чтобы они не увидели нас. В море становится тесно от их кораблей. Еще год назад...

Он остановился, чтобы отдать приказ своим матросам. Подняли стаксели, и корабль рванулся вперед...

– Да, еще год назад их кораблей почти не было, и торговля шла замечательно. Сейчас они властвуют на море. Вы найдете их армии в Турции, Сирии, Персии – повсюду. Они провоцируют мятежи и вооруженные восстания против законных правителей. Дай им пару лет, и они подомнут под себя Восток, как это уже произошло с Западом.

Вскоре корабли Гранбритании исчезли за горизонтом, и капитан облегченно вздохнул.

– Я все равно не успокоюсь, – сказал он, – пока не увижу порт. Туркский порт они увидели только к вечеру и вынуждены были, бросив якорь недалеко от берега, дожидаться утра. А утром с приливом они вошли в городскую бухту.

Немного погодя там же оказались и три гранбританских боевых корабля. Путешественники не стали задерживаться в городе, запаслись провизией и поскорей отправились на восток, в Персию.

Неделю спустя, миновав город Анкару и перебравшись через реку Кызыл-Ирмак, они уже мчались по выжженной солнцем стране. Несколько раз вдалеке они видели отряды Гранбритании, но им удавалось избегать встреч с ними. В основном эти отряды состояли из местных солдат-наемников, но встречались и регулярные части имперских войск. Хоукмун был обеспокоен этим – он никак не ожидал, что Империя Мрака проникла уже так далеко. Однажды они наблюдали за развернувшейся битвой и видели, как легко расправлялись войска Гранбритании с противником. Хоукмун в отчаянии все сильнее и сильнее погонял коня.

Месяцем позже, когда лошади вынесли их на берег огромного озера, Оладан и Хоукмун были застигнуты врасплох появившимся из-за холма отрядом. Гранбританцев было человек двадцать. Их звериные маски сверкали на солнце, и это придавало воинам еще более свирепый вид. Солдаты принадлежали к Ордену Волка.

– Ха! Так это те самые, которых ищет наш господин! – закричал один из них. – За того,

который повыше, назначена большая награда, если его доставить живым.

– Боюсь, лорд Дориан, что мы пропали, – тихо заметил Оладан.

– Заставим их убить нас, – мрачно сказал Хоукмун и обнажил меч. – Можно было бы спастись бегством, не будь лошади измучены долгой дорогой, а так...

Воины в волчьих масках окружили их. Они желали взять Хоук-муна живым, и поэтому он имел перед ними некоторое преимущество – он мог убивать. Одному он проломил рукоятью меча голову, второму отрубил руку, третьему проткнул живот, четвертого выбил из седла. Они бились на мелководье озера, и вода плескалась под копытами лошадей. Хоукмун видел, что Оладан сражается совсем неплохо, но вот – мохнатый человечек вскрикнул и упал с лошади. Хоукмун не знал, что произошло, но громко выругался и принялся наносить удары с еще большей яростью.

Сейчас всадники обступили его так плотно, что он едва мог взмахнуть мечом. Хоукмун понял, что скоро его схватят. В ушах стоял звон металла, от запаха крови тошнило.

Затем он неожиданно почувствовал, что гранбританцы начинают расступаться, и увидел, что у него появился еще один союзник. Он встречал этого человека и раньше – но только в снах. Это был тот самый воин, которого он видел во Франции, а позднее – в Камарге. Он был закован в доспехи из золота и черного янтаря, и большой шлем закрывал его лицо. На могучем белом коне, размахивая огромным мечом длиной около шести футов, он прокладывал себе дорогу к Хоукмуну. Солдаты падали один за одним под его страшными ударами, и вскоре от всего отряда гранбританцев осталась лишь жалкая кучка всадников, которые, наконец, не выдержали и помчались прочь, оставляя убитых и раненых.

Хоукмун заметил, что один из упавших воинов поднялся на ноги. Потом он увидел, что рядом поднимается еще кто-то, и понял, что это Оладан. Карлик держал в руке меч и отчаянно защищался от гранбританца. Хоукмун бросился к другу и, высоко взмахнув мечом, ударил солдата в спину. Меч, распоров кольчугу и кожаную рубаху, глубоко вошел в тело. Издав стон, гранбританец упал.

Хоукмун вернулся к неожиданному спасителю.

– Благодарю вас, милорд, – сказал он. – Вы прошли за мной длинный путь.

– Дальше, чем тебе кажется, Дориан Хоукмун, – донесся из-под шлема спокойный приглушенный голос. – Вы направляетесь в Хамадан?

– Да. Мы ищем волшебника Малагиги.

– Отлично. Я поеду с вами. Это недалеко отсюда.

– Кто вы? – спросил Хоукмун. – Кого мы должны благодарить?

– Я – Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. Не благодари меня за то, что я спас тебе жизнь. Ты еще не представляешь, зачем я это сделал. Поехали.

Они направились дальше.

Некоторое время спустя на привале Хоукмун спросил у Рыцаря:

– Вы знакомы с Малагиги? Захочет ли он помочь мне?

– Да, я его знаю, – отозвался Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. – Возможно, ему это по силам. Но не забывай, в Хамадане бушует гражданская война. Некто Нахак, брат королевы Фробры, пытается захватить ее трон, и на помощь ему явились люди в звериных масках.

ГЛАВА 4. МАЛАГИГИ

Они провели в пути неделю, и вот наконец поднялись на холм, с которого открывался великолепный вид на белоснежный, сверкающий под ярким солнцем город Хамадан, с его шпилями, куполами и минаретами, разукрашенными золотом, серебром и перламутром.

– Пришла пора мне покинуть вас, – промолвил таинственный Рыцарь, поворачивая коня. – Доброго пути тебе, Дориан Хоукмун. Несомненно, мы еще встретимся с тобой.

Хоукмун проводил его взглядом, и они с Оладаном двинулись вниз по холму к городу.

Однако не успели они добраться до городских ворот, как услышали невообразимый шум, доносящийся из-за стены. Крики людей, визг животных и лязг оружия безошибочно

выдавали сражение. Ворота внезапно распахнулись, и из города вырвалась толпа солдат, многие были ранены. Хоукмун и Оладан попытались отъехать в сторону, но не успели и вскоре были окружены бегущими воинами. Вот мимо них промчалась группа всадников, и Хоукмун услышал крик:

– Все пропало! Нахак победил!

За всадниками из ворот выехала огромная боевая колесница. Четверка вороных лошадей стремительно выносила ее из города. В колеснице стояла женщина с черными как смоль волосами и громкими криками призывала солдат остановиться. Она была молода и прекрасна, с большими раскосыми глазами, сверкающими от гнева и отчаяния. В руке она держала ятаган и энергично размахивала им.

Заметив оторопевших друзей, она, натянув поводья, остановила колесницу:

– Кто вы? Наемники Империи Мрака?

– Нет, я враг империи, – ответил Хоукмун. – Что здесь происходит?

– Мятаж. Мой брат Нахак и его люди через тайный подземный ход, ведущий из пустыни, прорвались в город. Для нас это было полной неожиданностью. Если вы враг империи, то вам лучше побыстрее убраться отсюда! Они привели с собой боевых зверей, которые... – она не договорила, дернула поводья и, закричав что-то своим солдатам, помчалась вперед.

– Нам лучше вернуться к холмам, – пробормотал Оладан, но Хоукмун покачал головой.

– Я должен найти Малагиги. Он где-то в городе. У меня осталось совсем мало времени.

Они пробрались через толпу и въехали в город. На улицах кое-где еще продолжалось сражение, и среди волчьих масок воинов империи еще встречались остроконечные шлемы защитников Хамадана. Друзья свернули на боковую улицу, где было потише, и по ней добрались до городской площади. На противоположной ее стороне они увидели огромных черных крылатых зверей, похожих на гигантских летучих мышей. Они бросались на бегущих солдат и, раздирая добычу длинными кривыми когтями, тут же пожирали ее.

Неожиданно один из зверей увидел их, и Хоукмун, заметив это, быстро потащил Оладана в узкую боковую улочку, но было поздно. Зверь уже мчался за ними: он полубежал-полулетел, хлопая могучими крыльями. Из его пасти вырывался мерзкий свистящий звук. От тела исходило ужасное зловоние. Друзья успели повернуть за угол, но гигантская мышь проползла между домами и продолжала преследовать их. В это время на другом конце улицы появилось с полдюжины воинов в масках Волка. Хоукмун вытащил меч и бросился вперед. Выбирать не приходилось.

Первого же всадника он могучим ударом вышиб из седла. Потом чей-то меч, тяжело опустившись на его плечо, пробил кольчугу и вошел в тело, но Хоукмун, не обращая внимания на боль, продолжал сражаться. Раздался рев зверя, и солдаты в панике повернули лошадей.

Хоукмун и Оладан прорвались сквозь них и оказались на большой, совершенно безлюдной площади. Только трупы валялись повсюду – на булыжной мостовой и на тротуарах. Вдруг Хоукмун увидел, как из дверей ближайшего дома на площадь выскочил мужчина в желтом халате и, склонившись над трупом, ловким движением срезал у того с ремня кошелек и украшенный драгоценными камнями кинжал. Человек, заметив двух друзей, попытался скрыться в доме, но Оладан преградил ему путь. Хоукмун приставил меч к щеке мужчины:

– Где дом Малагиги?

Мужчина вытянул дрожащую руку и прохрипел:

– Там, господа. Дом с куполом и знаками зодиака на серебряной крыше. Вдоль по улице. Только не убивайте меня. Я... – Он облегченно вздохнул, когда Хоукмун повернул свою лошадь и поехал в указанном направлении.

Вскоре они действительно увидели дом с куполом и знаками зодиака. Подъехав к воротам, Хоукмун с силой постучал в них рукоятью меча. Голова раскалывалась от боли, и он каким-то внутренним чувством понимал, что еще немного – и заклинания графа окажутся

бессильными против энергии Черного Камня. Он также отлично понимал, что следовало бы поучтивее вторгаться в дом волшебника, но времени для этого у него не было: по всему городу бродили солдаты империи, и гигантские летучие мыши кружили в поисках добычи.

Наконец ворота распахнулись, и появились четыре огромных негра, вооруженных пиками. Хоукмун попытался было въехать во двор дома, но негры преградили ему путь.

– Какое у тебя дело к нашему господину? – спросил один из них.

– Мне нужна его помощь. Дело огромной важности.

На ступенях, ведущих в дом, появился человек, который был одет в простую белую тогу. Длинные седые волосы обрамляли лицо старика, но удивительно – он был чисто выбрит, и кожа казалась гладкой, как у юноши.

– Почему ты думаешь, что Малагиги поможет тебе? – спросил он Хоукмуна. – Я вижу, ты с Запада. Оттуда пришли люди и принесли в Хамадан вражду и кровь. Убирайся! Я не приму тебя!

– Вы – господин Малагиги? – спросил Хоукмун. – Я сам – жертва этих страшных людей. Помогите мне, и я смогу помочь вам избавиться от них. Пожалуйста, я умоляю вас...

– Убирайся! Это ваши дела. Я не желаю участвовать в них. Слуги оттеснили Хоукмуна, и ворота закрылись.

Хоукмун снова забарабанил было в ворота, но Оладан схватил его за руку и указал на что-то впереди. По улице к ним направлялась группа из шести всадников в волчьих масках. Возглавлял ее сам барон Мелиадус.

– Ха! Ну вот мы и встретились, Хоукмун! – закричал торжествующе Мелиадус и, обнажив меч, рванулся к герцогу.

Хоукмун развернул лошадь. Ненависть его к барону была столь же сильна, как и прежде, но сражаться с ним он сейчас не мог. Вместе с Оладаном они помчались по улице, быстро отрываясь от преследователей.

Агносвос или его человек, должно быть, успели передать Мелиадусу о Хоукмуне, и барон, видимо, лично решил встретить его.

Они еще долго кружили по узким улицам города, пока, наконец, не оказались совсем одни.

– Мы должны уйти из города, – сказал Оладану Хоукмун. – Иначе нам не уцелеть. Возможно, позднее нам и удастся проникнуть обратно и убедить Малагиги...

Он замолчал, когда увидел, что одна из гигантских летучих мышей, стремительно бросившись вниз, опустилась на мостовую и, вытянув длинные когти, быстро приближается к ним.

Доведенный до отчаяния отказом Малагиги, Хоукмун прищипорил коня и, опередив зверя, первым нанес удар. Мышь издала неприятный свистящий звук и, взмахнув лапой, зацепила когтями раненую руку Хоукмуна. Но герцог наносил удары снова и снова, пока, наконец, не перерубил сухожилия на лапе зверя и из открытой раны не хлынула черная кровь. Чудовище дернуло головой, лошадь попятилась, и Хоукмун, вложив в удар всю оставшуюся силу, вонзил меч в огромный круглый глаз зверя. Мышь истошно завизжала. Из глаза хлынула желтая слизь.

Хоукмун ударил еще раз. Покачнувшись, чудовище рухнуло. Хоукмун едва успел отъехать – еще немного, и зверь раздавил бы его. Без промедления герцог направился к городским воротам. Ехавший следом Оладан прокричал:

– Ты убил его, Дориан! Ты убил его!

И маленький человек радостно засмеялся.

Вскоре они добрались до холмов. Там собрались остатки разбитого Нахаком войска. На краю небольшой долины они заметили бронзовую колесницу королевы Фробры и усталых солдат, лежащих на земле. Около колесницы Хоукмун увидел Рыцаря-в-Черном-и-Золотом. Он, похоже, ждал герцога.

Подъехав к Рыцарю, Хоукмун спешил, к колеснице подошла королева. Глаза ее сверкали гневом.

Из-под шлема донесся голос Рыцаря:

– Кажется, Малагиги не помог тебе?

Хоукмун покачал головой, без особого интереса разглядывая женщину. Разочарование переполняло его.

– Я конченный человек, – сказал он. – Но я найду способ вернуться в город и убить Мелиадуса.

– У нас с вами общие намерения, – сказала женщина. – Я – королева Фробра. Мой вероломный брат жаждет взобраться на трон и сделать это собирается с помощью вашего Мелиадуса. Возможно, что это ему уже удалось. Шансов вернуться в город у нас почти нет.

Хоукмун задумчиво посмотрел на нее:

– А если бы оставался хоть небольшой шанс, вы бы рискнули?

– Я бы рискнула, даже если бы шансов вообще не было, – ответила королева. – Но я не уверена, что мои солдаты последуют за мной!

В этот момент в лагерь приехали еще трое всадников. Королева окликнула их:

– Вы из города?

– Да, – ответил один из них. – Они уже грабят город. Их свирепость не знает границ. Они ворвались в дом Малагиги и схватили волшебника.

– Что?! – вскричал Хоукмун. – Тогда не остается никакой надежды!

– Ерунда, – сказал Рыцарь. – Пока Малагиги жив, у тебя еще остается шанс. А можно предположить, что именно так оно и есть:

Мелиадусу нужны секреты колдуна, и он не будет убивать его. Ты должен, возглавив войско королевы, вернуться в город и спасти волшебника.

Хоукмун пожал плечами:

– Но время? Я уже чувствую тепло Камня. Его сила возвращается. Я скоро превращусь в идиота...

– Тем более тебе нечего терять, Дориан, – встрял в разговор карлик. Он положил мохнатую руку на плечо Хоукмуна. – Совсем нечего.

Хоукмун горько улыбнулся, стряхивая руку друга:

– Да, ты прав. Нечего. Ну, королева Фробра, а вы что скажете?

– Давайте поговорим сначала с остатками моего войска, – сказала закованная в доспехи женщина.

Немного позже, поднявшись на боевую колесницу, Хоукмун обратился с речью к измученным солдатам:

– Жители Хамадана! Я проехал много сотен миль, прежде чем оказался здесь. На Западе, откуда я прибыл, господствует Империя Мрака. Мой отец был замучен до смерти тем самым бароном, что сейчас помогает вашим врагам. Я видел земли, превращенные в пепел, и людей, превращенных в скот. Я видел невинных детей, распятых на крестах. Я видел храбрых воинов, ставших трусливыми псами, и мне знакомо то чувство безнадежности и отчаяния, которое охватывает человека при виде этих свирепых солдат в звериных масках. Но сейчас я также знаю и то, что они не всемогущи. Знаю, потому что сам участвовал в великом сражении, когда крошечная армия всего в тысячу человек разгромила огромное войско Гранбритании, превосходящее нас численностью по меньшей мере раз в двадцать. Наша воля и жажда жизни помогли нам сделать это. Да, воля... И еще знание того, что стоит нам только дрогнуть и отступить, нас выловят поодиночке и всех убьют на потеху лордам. По крайней мере, если вы и умрете, то как и подобает настоящим мужчинам. И помните – они не всемогущи.

Он говорил что-то в таком духе и дальше, и постепенно солдаты начали оживать. Некоторые из них одобрительными криками приветствовали его. Потом на колесницу взобралась королева Фробра и призвала своих воинов последовать за Хоукмуном и атаковать врагов, пока они празднуют победу и делят добычу.

Своей уверенностью Хоукмун вернул воинам боевой пыл, и они не могли не увидеть здравый смысл в словах королевы. Поднявшись с земли, солдаты принялись приводить в

порядок оружие и направились на поиски лошадей.

– Нужно нанести удар нынче же ночью, – объявила королева. – Пока они не успели провести о наших замыслах.

– Полагаю, разумнее всего мне будет отправиться с вами, – заметил Рыцарь-в-Черном-и-Золотом.

Той же ночью они двинулись к Хамадану, где захватчики бурно торжествовали победу. У городских ворот почти не было стражи, а боевые звери крепко спали, объевшись свежего мяса.

ГЛАВА 5. ОЖИВШИЙ КРИСТАЛЛ

Нападение оказалось столь стремительным, что им удалось застать врасплох вчерашних победителей. Хоукмун скакал впереди, несмотря на то, что голова герцога раскалывалась от боли, ибо Черный Камень уже пульсировал у него во лбу. Боль была столь нестерпима, а напряжение так велико, что Хоукмун побледнел, точно смерть, и в его облике появилось нечто такое, что заставляло воинов Империи, едва завидев его, в панике бежать, бросая оружие, прежде чем он, поднимая на дыбы лошадь, взмахивал мечом и с криками «Хоукмун! Хоукмун!» начинал рубить все на своем пути, впадая в состояние, близкое к истерии, – герцог Кельнский жаждал крови.

Бок о бок с ним сражался Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. Он оставался неизменно бесстрастным и орудовал мечом удивительно точно и продуманно. Не отставала и королева Фробра, врывавшаяся на своей колеснице в самую гущу перепуганных солдат, и Оладан, который привстав в стремени, посылал стрелу за стрелой в мечущихся врагов.

Так, освобождая улицу за улицей, они гнали по городу солдат Нахака и наемников в звериных масках. Но вот наконец Хоукмун увидел купол дома Малагиги и, не теряя ни секунды, направился туда. Подъехав к воротам дома, он встал на спину коня и, ухватившись за край стены, перепрыгнул через нее во двор.

Спрыгивая на землю, он едва не упал на лежащий у стены труп одного из слуг-негров Малагиги. Дверь в дом была сорвана с петель, а в комнатах царил страшный беспорядок – все было перевернуто и разбито.

Спотыкаясь о разбросанные повсюду обломки мебели, Хоукмун пробрался к узкой лестнице, судя по всему, ведущей в лабораторию волшебника. Он уже был на середине лестницы, когда наверху открылась дверь, и появившиеся из нее два воина в масках Волка, выхватив мечи, начали быстро спускаться ему навстречу. Хоукмун приготовился защищаться. На лице его застыла злая усмешка, и в глазах, горящих безумием, были гнев и отчаяние. Выпад, удар, второй... Блеснул, словно молния, меч, и два трупа покатались по ступеням вниз. Хоукмун поднялся на вершину лестницы и вошел в комнату. Там он нашел Малагиги, привязанного к стене, со следами пыток на теле.

Герцог, не мешкая, перерезал ремни и, подхватив волшебника, осторожно положил его на стоящую в углу узкую кровать. И только потом он осмотрелся. Вся комната была заставлена широкими длинными столами с установленными на них различными алхимическими аппаратами и какими-то миниатюрными приборами. Малагиги пошевелился и открыл глаза.

– Вы должны помочь мне, господин, – заплетающимся от усталости языком пробормотал Хоукмун. – Я спас вам жизнь. Так и вы хотя бы попытайтесь спасти мою.

Малагиги, морщась от боли, приподнялся:

– Я уже, кажется, сказал тебе, что не желаю участвовать в ваших расправах. Ты можешь пытать меня, если хочешь, как делали твои соотечественники, но я...

– Черт тебя подери! – в отчаянии прохрипел Хоукмун. – Моя голова буквально раскалывается от боли. Жить мне, может, осталось только до рассвета. Вы не должны отказать мне. Чтобы найти вас, я проехал две тысячи миль. И что же, напрасно? Я такая же жертва Империи Мрака, как и вы. Даже больше. Я...

– Докажи это, и тогда, возможно, я помогу тебе, – сказал Малагиги. – Освободи город от непрошенных гостей и возвращайся сюда.

– Но тогда уже будет слишком поздно. Камень сделает свое дело. В любой момент...

– Докажи это, – сказал Малагиги и, тяжело вздохнув, опустил на кровать.

Хоукмун, ослепленный охватившими его яростью и отчаянием, готов был зарубить старца, но сдержался и, выбежав из комнаты, помчался вниз. Очутившись во дворе, герцог открыл ворота и вновь вскочил на лошадь.

Спустя какое-то время ему удалось найти Оладана.

– Как идет сражение? – проорал он, пытаясь перекричать шум битвы.

– Не очень удачно, – прокричал в ответ карлик. – Мелиадусу и Нахаку удалось привести своих солдат, и, перегруппировав силы, они удерживают сейчас большую часть города. Их основные отряды – на центральной площади, там, где дворец. Королева Фробра и твой могущественный друг Рыцарь атаковали его, но боюсь, что безуспешно.

– Поехали туда, – сказал Хоукмун и, дернув поводья, направил коня по запруженной сражающимся людям улице.

Оладан последовал за ним, и в конце концов после недолгого кружения по городу они оказались возле центральной площади, где встретились лицом к лицу и замерли в тревожном ожидании две армии. Во главе имперской армии стояли Мелиадус и Нахак. Войско Хамадана возглавляли королева Фробра, стоящая на своей помятой в сражении колеснице, и Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. В дрожащем свете факелов место предстоящего сражения выглядело зловеще.

Выехав на площадь, друзья услышали крик Мелиадуса:

– Где же этот трус Хоукмун? Небось забился в какую-нибудь нору и дрожит там?

Хоукмун пробрался сквозь строй воинов Хамадана, с беспокойством отмечая, что их не так много, как хотелось бы.

– Я здесь, Мелиадус. Я пришел убить тебя. Барон засмеялся:

– Меня? Ты разве не знаешь, герцог, что твоя жизнь сейчас в моих руках? Чувствуешь Черный Камень?

Невольно Хоукмун поднес дрожащую руку ко лбу и, ощутив зловещую теплоту Камня, понял, что Мелиадус говорит правду.

– Тогда почему же ты медлишь? – спросил он угрюмо.

– Потому что я снова предлагаю тебе сделку. Скажи этим глупцам, что все кончено. Пусть они сложат оружие, и я спасу тебя от самого худшего.

Только сейчас Хоукмун до конца осознал, что сохраняет разум лишь благодаря прихоти своих врагов. Мелиадус обуздал свое желание немедленно отомстить ему – в надежде, что, воспользовавшись этим, удастся избежать бессмысленных потерь.

Хоукмун попытался привести мысли в порядок. Он лихорадочно думал. Армии замерли в напряженном ожидании. Над площадью воцарилась тишина. Все ждали. И он знал, что судьба Хамадана сейчас находится в его руках. Тут его в бок локтем толкнул Оладан и прошептал:

– Возьми вот это.

Хоукмун взглянул на то, что предлагал ему мохнатый друг. Это был шлем. Герцог не сразу узнал его. Этот шлем когда-то принадлежал Агонососу. Хоукмун вспомнил старца, вспомнил его лицо, похожее на лик смерти, и даже вздрогнул:

– Убери эту мерзость.

– Послушай. Мой отец был колдуном, – напомнил ему Оладан. – Он кое-чему научил меня. Это не простой шлем. Он обладает волшебными свойствами. Вложенные в него магические кольца на какое-то время защитят тебя от силы Черного Камня. Надень! Я умоляю тебя.

– Но...

– Надевай, и ты все почувствуешь сам.

Хоукмун с большой осторожностью снял свой шлем и надел шлем колдуна. Он был

немного мал ему и сжимал голову, но камень во лбу перестал пульсировать. Боль прошла, и Хоукмун улыбнулся. Чувство невыразимого восторга охватило его. Он обнажил меч.

– Вот мой ответ, барон Мелиадус! – прокричал он и бросился на опешившего лорда.

Мелиадус выругался и стал судорожно вытаскивать свой меч. Он едва успел сделать это, как меч Хоукмуна сбил с его головы маску, открыв рассерженное лицо барона. За Хоукмуном на врага бросились ведомые Оладаном, королевой Фроброй и Рыцарем-в-Черном-и-Золотом воспрянувшие духом солдаты Хамадана. Они атаковали армию неприятеля и начали теснить ее к воротам дворца.

Краем глаза Хоукмун увидел, как королева, стоя на колеснице, обхватила руками шею своего брата и вытащила его из седла. Дважды поднялась и опустилась ее рука, сжимающая окровавленный кинжал, и труп Нахака рухнул наземлю, под копыта боевых лошадей.

Хоукмуна вело вперед неистовое отчаяние. Он помнил, что шлем Агоносваса не сможет долго защищать его, и наносил Мелиадусу удар за ударом, один страшнее другого. Но барон также быстро и ловко отражал их. Лицо лорда сейчас очень походило на ту маску Волка, что он потерял, и ненависть горела в его глазах, ничуть не уступая ненависти Хоукмуна.

Они словно исполняли боевой танец, настолько гармоничны и выверены были их движения, настолько ритмично лязгали, сходясь, грозные мечи. И казалось, что они могут продолжать так почти до бесконечности, продолжать, пока один из них не упадет, скованный усталостью. Но вдруг что-то напугало лошадь Хоукмуна. Она поднялась на дыбы, отбросив герцога назад, нога выскользнула из стремян, и Мелиадус, ухмыляясь, ударил его в незащищенную грудь. Удар не был сильным, но он выбил Хоукмуна из седла. Герцог очутился на земле как раз под копытами лошади Мелиадуса.

Барон попытался добить его, но Хоукмун успел откатиться в сторону и потом, с трудом поднявшись на ноги, сделал все возможное, чтобы защититься от града ударов, обрушенных на него торжествующим гранбританцем.

Дважды меч Мелиадуса попадал в шлем Агоносваса, сминая его. Хоукмун почувствовал, что камень вновь оживает, и тогда, почти задохнувшись от ярости, он издал пронзительный вопль и бросился на врага.

Явно не ожидавший такого от Хоукмуна Мелиадус на какое-то мгновение потерял бдительность, и этого вполне хватило герцогу, чтобы нанести ему чувствительный удар. Меч рассек Мелиадусу висок, и на лицо барона хлынула кровь. Рот его перекосялся от боли. Он попытался смахнуть кровавую пелену с глаз, но Хоукмун, не позволяя ему опомниться, схватил за руку и стянул с лошади. Мелиадус вырвался, попятился назад, немного приходя в себя, и, собравшись с силами, бросился на Хоукмуна, выставив перед собой меч. Хоукмун парировал удар, и оба меча сломались.

Два непримиримых врага замерли на какое-то время, тяжело дыша и испепеляя друг друга взглядами; потом оба вытащили длинные кинжалы и принялись кружить, стараясь выбрать момент для атаки. Красивое когда-то лицо Мелиадуса оказалось обезображенным. Так что доведись барону выжить в этой схватке, на его виске навсегда останется шрам от удара Хоукмуна. Кровь все еще сочилась из раны, пятная нагрудник кирасы.

Но Хоукмун тоже быстро уставал. Раненое плечо все больше беспокоило его, и голову словно сжимали раскаленными щипцами. Боль почти ослепила его, и он уже дважды спотыкался, едва успевая уклониться от стремительных выпадов Мелиадуса.

Но вот соперники сошлись, отчаянно надеясь нанести противнику последний решающий удар и положить конец этой смертельной вражде.

Мелиадус целился в глаз Хоукмуну, но промахнулся, и острое кинжала лишь скользнуло по шлему. Кинжал Хоукмуна был направлен барону в горло, но Мелиадус поймал руку герцога и, вывернув ее, отвел удар.

Страшный танец продолжался. Из глоток вырывались хриплые стоны, и мышцы сводило от усталости, но яростной ненавистью горели глаза, и погасить их могла только смерть.

Вокруг кипело сражение. Армия королевы все больше и больше теснила врага, и сейчас лишь трупы окружали место поединка.

А на небе уже разгоралась заря.

Хоукмун пытался освободиться от хватки барона. Другая его рука заметно слабела под напором плеча Мелиадуса. И тогда он из последних сил ударил закованным в доспехи коленом в пах противника. Барон покачнулся, зацепился ногой за упряжь дохлой лошади, лежащей поблизости, и, взмахнув руками, упал. Отчаянно стараясь вырваться, он только еще больше запутывался в ремнях. В глазах его появился животный страх, когда он увидел, как Хоукмун, сам едва держась на ногах, медленно приближается к нему.

Хоукмун вскинул кинжал, но движение оказалось столь резким, что у него закружилась голова. Он попытался наброситься на барона, но внезапно нестерпимая слабость навалилась на него, лишая воли и рассудка, и кинжал выпал из обессилившей руки.

Уже теряя сознание, он попытался нащупать оружие, однако... От гнева Хоукмун застонал, но даже ярость его была лишь тенью подлинного чувства, и он с ужасом осознал, что сейчас Мелиадус прикончит его. Прикончит, когда до победы уже было рукой подать.

ГЛАВА 6. СЛУГА РУННОГО ПОСОХА

Прищурившись, Хоукмун взирал сквозь глазницы шлема на нестерпимо яркий свет. В голове по-прежнему полыхал огонь, однако гнев и отчаяние, похоже, оставили его. С трудом повернув голову, он заметил склонившихся над ним Оладана и Рыцаря-в-Черном-и-Золотом. У карлика был встревоженный вид.

– Неужели я все еще жив? – через силу выдавил Хоукмун.

– Судя по всему, да, – отозвался Рыцарь просто. – Хотя, надолго ли...

– Виною всему истощение, – торопливо заметил Оладан, глядя на рыцаря с укоризной. – Рану на руке тебе перевязали, и с ней скоро все будет в порядке.

– Где я? – спросил Хоукмун. – Эта комната...

– Мы во дворце королевы Фробры. Город снова принадлежит ей. Враг разбит, уничтожен. Мы нашли тебя распростертым на теле Мелиадуса и сначала подумали, что вы оба мертвы.

– Значит, Мелиадус мертв?!

– По всей видимости, да. Вернувшись за его трупом, мы обнаружили, что он исчез. Вероятней всего, его забрали люди барона, которым удалось бежать.

– Наконец-то он мертв, – с чувством огромного удовлетворения произнес Хоукмун, очень довольный.

Сейчас, когда Мелиадус получил сполна за свои преступления, Хоукмун почувствовал, несмотря на боль, продолжавшую терзать его воспаленный мозг, что душа его находит успокоение. И тут он вспомнил о волшебнике:

– Где Малагиги? Вы должны найти его. Передайте ему...

– Малагиги уже направляется сюда. Прослышав о твоих подвигах, он решил прийти во дворец.

– Он поможет мне?

– Не знаю, – сказал Оладан и посмотрел на Рыцаря-в-Черном-и-Золотом. Вскоре в комнату вошли королева Фробра и сопровождавший ее Малагиги.

Волшебник держал в руках некий предмет, прикрытый тряпкой, формой и размерами походивший на человеческую голову.

– Господин Малагиги, – пробормотал Хоукмун, пытаясь приподняться на кровати.

– Ты – тот самый молодой человек, что так преследовал меня все эти дни? Из-за шлема я не вижу твоего лица, – раздраженно сказал Малагиги, и Хоукмун почувствовал, что его вновь охватывает отчаяние.

– Я – Дориан Хоукмун. И я доказал свою дружбу жителям Хамадана. Мелиадус и Нахак мертвы, и их армия разбита.

– Хм... – нахмурился Малагиги. – Мне рассказали о Черном Камне в твоей голове. Я когда-то встречался с подобными вещами. Но сказать сейчас, можно ли отобрать энергию у Камня, я не могу...

– Но как же? Мне сказали, что вы – единственный, кто может сделать это! – прохрипел Хоукмун.

– Мог – это верно. Могу ли? Не знаю. Силы уже не те. Я старею. И я не уверен, что...

Рыцарь-в-Черном-и-Золотом подошел к волшебнику и коснулся его плеча:

– Вы знаете меня, волшебник? Малагиги кивнул.

– Да. Знаю.

– И вы знаете, кому я служу?

– Да, – нахмурившись, ответил Малагиги, переводя взгляд с Рыцаря на Хоукмуна. – Но какое это имеет отношение к лежащему здесь молодому человеку?

– Он служит тому же, хотя и не знает об этом. Кажется, слова Рыцаря в чем-то убедили Малагиги.

– Тогда я помогу ему, – твердо сказал он, – даже если это может плохо кончиться для меня.

Хоукмун снова приподнялся на кровати:

– Что все это значит? Кому я служу? Я ничего...

Малагиги снял тряпку с принесенного им предмета. Это был шар, целиком покрытый мелкими неровностями, каждая из которых в какое-то определенное мгновение сияла своим цветом. У Хоукмуна зарябило в глазах от разноцветных бликов.

– Прежде всего ты должен сконцентрировать свое внимание, – сказал ему Малагиги, поднося шар к его голове. – Смотри на него. Смотри пристально, не отрывая глаз. Смотри, Дориан Хоукмун, на эти цвета, на игру красок...

Хоукмун вдруг понял, что не может отвести взгляда от бегающих по поверхности шара ярких цветовых пятен. Он ощутил, как его захватывает чувство абсолютной невесомости. Ощущение, близкое к блаженству. Он заулыбался; потом внезапно перед глазами все поплыло, и ему показалось, что он повис в теплом мягком тумане вне времени и пространства. Но Дориан по-прежнему сохранял ясное сознание, хотя и не воспринимал уже окружающий его мир.

Герцог довольно долго оставался в таком состоянии, осознавая каким-то непонятным чувством, что его тело, которое, казалось, уже не принадлежит ему, переносится с одного места на другое.

Цвет тумана иногда менялся от розовато-красного до небесно-голубого и светло-желтого – это все, что он различал, и вообще ничего не чувствовал. Разве что – умиротворенность, сродни той, что он испытывал, лежа на коленях у матери, когда был младенцем.

Затем нежные тона стали меняться на более темные, мрачные, и по мере появления черных и кроваво-красных молний, пронзающих туман перед его глазами, чувство умиротворенности постепенно исчезло. Хоукмун ощутил, будто из него что-то вынимают, почувствовал ужасную боль и громко вскрикнул.

Он открыл глаза и в ужасе увидел рядом с собой машину, совершенно такую же, как та, что стояла в лаборатории барона Калана. Может, он снова оказался в Лондре? Возможно ли такое?

Черные, золотые и серебряные паутинки, слегка раскачиваясь, что-то нашептывали ему, но не ласкали, как делали тогда, а наоборот, отодвигались от него, сморщиваясь и сжимаясь все плотнее и плотнее, пока не превратились в крошечную крупинку. Хоукмун осмотрелся и увидел, что находится в той же комнате, где чуть раньше он спас волшебника от рук наемников.

Сам Малагиги тоже был здесь. Он выглядел очень утомленным, но лицо его выражало огромное удовлетворение. Он собрал машину Черного Камня, положил ее в металлическую коробку и, плотно захлопнув крышку, закрыл коробку на замок.

– Эта машина, – едва ворочая языком, пробормотал Хоукмун. – Откуда она у вас?

– Я сделал ее, – улыбнувшись, сказал Малагиги. – Сделал, дорогой герцог. Потребовалась почти неделя напряженной работы. На это время заклинаниями мне удалось частично защитить тебя от воздействий той машины, что находится в Лондре. Хотя в какой-то момент мне показалось, что я не смогу сделать ее, но этим утром работа была завершена, правда, за исключением одного элемента...

– Какого же?

– Ее жизненной силы. Это был критический момент. Я не знал, смогу ли точно подобрать заклинания. И мне ничего не оставалось делать, как пропустить энергию Черного Камня через твой мозг и надеяться, что моя машина поглотит ее раньше, чем камень разрушит его.

Хоукмун облегченно улыбнулся:

– И она успела!

– Да. И сейчас ты свободен от этого кошмара.

– Теперь я готов к любым опасностям и встречу их достойно, – сказал Хоукмун, поднимаясь с кровати. – Я ваш должник, великий Малагиги. И если я могу что-нибудь сделать для вас...

– Нет. Ничего не надо, – ответил волшебник. – Я рад, что мне удалось сделать эту машину. – Он похлопал по коробке. – Может, когда-нибудь она еще пригодится. Кто знает... Кроме того... – Он нахмурился, задумчиво рассматривая герцога.

– Что?

– Да так, ничего. – Малагиги пожал плечами.

Хоукмун коснулся рукой лба. Камень был на месте, но холодный и мертвый.

– Вы не вытащили его?

– Нет. Но если ты хочешь, это можно легко сделать. Он больше не таит в себе никакой опасности. Любой хирург сможет без труда удалить его.

Хоукмун уже приготовился спросить Малагиги, как это можно будет устроить, но потом другая мысль пришла ему в голову.

– Нет, – сказал он. – Пусть останется как символ моей неутихающей ненависти к Империи Мрака и ее солдатам. И я надеюсь, что вскоре они научатся бояться его.

– Ты намерен и дальше бороться с империей?

– Да. И сейчас, когда вы освободили меня, я буду драться еще яростней.

– Верно. Этой темной силе следует дать отпор, – сказал Малагиги. Он глубоко вздохнул. – А сейчас мне надо поспать. Я очень устал. Ты найдешь своих друзей во дворе. Они ждут тебя.

Стояло чудесное утро. Хоукмун спустился во двор, под лучи яркого теплого солнца. Там его ждали улыбающийся Оладан и Рыцарь-в-Черном-и-Золотом.

– Ну, теперь ты в полном порядке? – спросил Рыцарь.

– Да.

– Замечательно. Тогда я покидаю вас. Прощай, Дориан Хоукмун.

– Благодарю тебя за помощь, – сказал Хоукмун вслед воину, направившемуся к своему красавцу-скакуну. Но когда Рыцарь уже готов был вскочить в седло, память окончательно вернулась к герцогу, и он крикнул:

– Подожди!

– Что ты хочешь? – обернулся Рыцарь.

– Ты убедил Малагиги помочь мне, сказав, что я служу кому-то, кому служишь и ты. Но я ничего не знаю об этом.

– Когда-нибудь узнаешь.

– Кому ты служишь?

– Рунному Посоху, – сказал Рыцарь-в-Черном-и-Золотом и, зазвенев поводьями, направил коня к воротам. И прежде чем Хоукмун успел спросить еще что-нибудь, он был уже на улице.

– Он сказал – Рунному Посоху? – нахмурившись, пробормотал Оладан. – Я думал, это миф...

– Да, миф. Я думаю, Рыцарь любит тайны. Несомненно, он пошутил, – сказал Хоукмун и, широко улыбаясь, хлопнул Оладана по плечу. – Если мы когда-нибудь еще увидим его, то обязательно спросим об этом. А сейчас я голоден, и хороший обед был бы...

– Королева Фробра устраивает сегодня пир во дворце. – Оладан подмигнул другу. – Такого изобилия я еще не видел. И потом, я думаю, что интерес королевы к тебе объясняется не только чувством благодарности.

– Выдумаешь тоже... Надеюсь, я не сильно разочарую Фробру, сказав, что уже принадлежу другой.

– Как?!

– Да, мой дорогой друг. Идем. Отобедаем за королевским столом и будем готовиться к отъезду.

– Зачем так торопиться? Мы здесь – герои и, кроме того, по-моему, заслужили хотя бы небольшой отдых.

Хоукмун улыбнулся:

– Оставайся, если хочешь. А мне не мешало бы побывать на свадьбе – своей собственной.

– Ладно, – вздохнул в притворной печали Оладан. – Я не могу пропустить такое событие. Придется, по-видимому, сократить свое пребывание в Хамадане.

Следующим утром королева лично проводила их до ворот города.

– Подумай еще раз, Дориан Хоукмун. Я предлагаю тебе трон – тот самый, которого так домогался мой брат.

Однако Хоукмун устремил взор на запад. Где-то там, в двух тысячах миль, в нескольких месяцах путешествия отсюда его ждала Иссельда, ждала, не зная, что с ним, жив ли он... Граф Брасс тоже ждал, и Хоукмуну не терпелось поскорее поведать ему о новом позоре Гранбритании. А Ноблио, без сомнения, и сейчас стоит рядом с Иссельдой на вершине самой высокой башни замка Брасс, возвышающейся над пустынным ландшафтом Камарга и, пуская в ход все свое красноречие, пытается утешить бедную девушку, ждущую и не знающую, вернется ли к ней когда-нибудь ее суженый.

Не слезая с седла, Хоукмун поклонился и поцеловал королеву руку:

– Ваше величество, я благодарен вам и тронут вашим предложением. Однако я дал клятву. И ради этого готов пожертвовать даже дюжиной престолов. Мне нужно двигаться в путь. К тому же мой меч нужен тем, кто сражается против Империи Мрака.

– Ступай же тогда, – печально отозвалась Фробра, не сводя с него глаз. – Но не забудь о городе Хамадане и о его королеве.

– Вы навсегда останетесь в моей памяти.

Подобрав поводья, Хоукмун направил своего голубого коня по каменистой равнине, что простиралась перед ним до самого горизонта. Оладан обернулся и, широко улыбнувшись, послал королеве воздушный поцелуй, а затем поспешил вслед за другом.

Дориан Хоукмун, герцог Кельнский, начал путь на запад.